

К характеристике экономического романтизма (Ленин)

Материал из Википедии — свободной библиотеки
Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

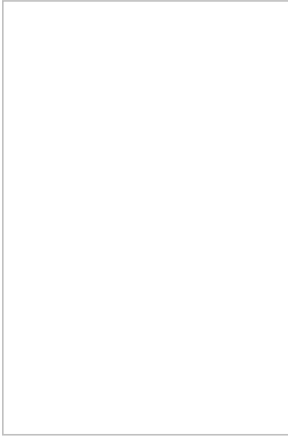
К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)

[Глава I. Экономические теории романтизма](#) →

автор [В. И. Ленин](#)

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т—н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 119—262

Википроекты: [Данные](#)

Титульный лист журнала
«Новое Слово» №№ 7—10
1897 г.

Оглавление

- [Глава I. Экономические теории романтизма](#)
 - [I. Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей?](#)
 - [II. Воззрения Сисмонди на национальный доход и капитал](#)
 - [III. Выводы Сисмонди из ошибочного учения о двух частях годового производства в капиталистическом обществе](#)
 - [IV. В чем ошибка учений Ад. Смита и Сисмонди о национальном доходе?](#)
 - [V. Накопление в капиталистическом обществе](#)
 - [VI. Внешний рынок как «выход из затруднения» по реализации сверхстоимости](#)
 - [VII. Кризис](#)
 - [VIII. Капиталистическая рента и капиталистическое перенаселение](#)
 - [IX. Машины в капиталистическом обществе](#)
 - [X. Протекционизм](#)
 - [XI. Общее значение Сисмонди в истории политической экономии](#)
 - [Постскриптум](#)
- [Глава II. Характер критики капитализма у романтиков](#)
 - [I. Сентиментальная критика капитализма](#)
 - [II. Мелкобуржуазный характер романтизма](#)
 - [III. Вопрос о росте индустриального населения на счет земледельческого](#)
 - [IV. Практические пожелания романтизма](#)
 - [V. Реакционный характер романтизма](#)
 - [VI. Вопрос о пошлинах на хлеб в Англии в оценке романтизма и научной теории](#)

Швейцарский экономист [Сисмонди \(J.-C.-L. Simonde de Sismondi\)](#), писавший в начале текущего столетия, представляет особенный интерес для разрешения тех общих экономических вопросов, которые с особенной силой выступают теперь в России. Если прибавить к этому, что в истории политической экономии Сисмонди занимает особое место, стоя в стороне от главных течений, что он горячий сторонник мелкого производства, выступающий с протестом против защитников и идеологов крупного предпринимательства (точно так же, как выступают против них и современные русские народники), то читатель поймет наше намерение дать очерк учения Сисмонди в главных его чертах и в отношении его к другим — одновременным и последующим — направлениям экономической науки. Интерес изучения Сисмонди усиливается как раз в настоящее время тем, что в журнале «Русское Богатство» за прошлый 1896 год мы находим статью, посвященную тоже изложению учения Сисмонди (*Б. Эфруси*: «Социально-экономические воззрения Симонда де Сисмонди». «Р. Б.», 1896 г., № 7 и 8)^[1].

Сотрудник «Русск. Богатства» заявляет с самого начала, что нет писателя, который «подвергся бы столь неправильной оценке», как Сисмонди, которого, дескать, «несправедливо» выставляли то реакционером, то утопистом. — Как раз наоборот. Именно такая оценка Сисмонди вполне правильна. Статья же «Русск. Богатства», представляя из себя подробный и аккуратный пересказ Сисмонди, характеризует его теорию совершенно неверно^[2], идеализируя Сисмонди именно в тех пунктах его учения, в которых он всего ближе подходит к народникам, игнорируя и неправильно освещая отношение его к последующим течениям экономической науки. Поэтому наше изложение и разбор учения Сисмонди будет в то же время критикой статьи Эфруси.

-
1. ↑ Эфруси умер в 1897 г. Некролог его напечатан в мартовской книжке «Русск. Богатства» за 1897 г.
 2. ↑ Вполне справедливо, что Сисмонди — не социалист, на что указывает Эфруси в начале статьи, повторяя сказанное Липпертом (см. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», V. Band, Artikel «Sismondi» von *Lippert*, Seite 678 («Словарь государственных наук», т. V, статья *Липперта* «Сисмонди», стр. 678. *Ред.*)).

Это произведение перешло в общественное достояние.

- Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад, и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)&oldid=603468](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)&oldid=603468)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← **К характеристике экономического романтизма** —

[Оглавление](#) Глава I. Экономические теории романтизма

автор *В. И. Ленин*

[Глава I. I. Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей?](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 124—125

Глава I. Экономические теории романтизма

Отличительной особенностью теории [Сисмонди](#) является его учение о доходе, об отношении дохода к производству и к населению. Главное произведение Сисмонди и озаглавлено так: «Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population» (Seconde édition. Paris, 1827, 2 vol.^[1] Первое издание было в 1819 г.) — «Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношениях к населению». Тема эта почти тождественна с тем вопросом, который в русской народнической литературе известен под названием «вопроса о внутреннем рынке для капитализма». Сисмонди утверждал именно, что развитие крупного предпринимательства и наемного труда в промышленности и земледелии ведет к тому, что производство необходимо обгоняет потребление и становится перед неразрешимой задачей найти потребителей; что внутри страны потребителей оно найти не может, ибо превращает массу населения в поденщиков, простых рабочих и создает незанятое население, а искать внешнего рынка становится все труднее с выступлением на мировую арену новых капиталистических стран. Читатель видит, что это совершенно те же самые вопросы, которые занимают экономистов-народников с гг. [В. В.](#) и [Н.—оном](#) в главе. Посмотрим же поближе на отдельные моменты аргументации Сисмонди и на ее научное значение.

-
- [↑] Второе издание. Париж, 1827, 2 тома. *Ред.*

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I&oldid=601333](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I&oldid=601333)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/Постскрипtum

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [X](#) **К характеристике экономического романтизма** —
[Протекционизм](#) Постскрипtum
автор *[В. И. Ленин](#)*

[Глава II. Характер критики капитализма у романтиков](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 201—202

Постскрипtum^[1]

Верность данной здесь оценки сентиментального [Сисмонди](#) в отношении его к научно-«объективному» [Рикардо](#) вполне подтверждается отзывом [Маркса](#) во втором томе «Теорий прибавочной стоимости», вышедшем в 1905 году («Theorien über den Mehrwert», II. B., I. T., S. 304 u. ff. «Bemerkungen über die Geschichte der Entdeckung des sogenannten Ricardoschen Gesetzes»^[2]). Противопоставляя [Мальтуса](#), как жалкого плагиатора, подкупленного адвоката имущих, бесстыдного сикофанта, — Рикардо, как человеку науки, Маркс говорит:

«Рикардо рассматривает капиталистический способ производства, как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства, и Рикардо вполне прав для своей эпохи. Он хочет *производства для производства*, и он прав. Возражать на это, как делали сентиментальные противники Рикардо, указанием на то, что производство, как таковое, не является же самоцелью, значит забывать, что производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы как самоцель*. Если противопоставить этой цели благо отдельных индивидов, как делал Сисмонди, то это значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть *задержано* ради обеспечения блага отдельных индивидов, что, следовательно, нельзя вести, к примеру скажем, никакой войны, ибо война ведет к гибели отдельных лиц. Сисмонди прав лишь против таких экономистов, которые *затушевывают* этот антагонизм, отрицают его» (S. 309). С своей точки зрения, Рикардо имеет полное право приравнять пролетариев к машинам, к товарам в капиталистическом производстве. «Es ist dieses stoisch, objektiv, wissenschaftlich», «это — стоицизм, это объективно, это научно» (S. 313). Понятно, что эта оценка относится лишь к определенной эпохе, к самому началу XIX века.

1. ↑ Постскрипtum написан к изданию 1908 г. *Ред.*

2. ↑ «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 1, стр. 304 и следующие. «Замечания относительно истории открытия так называемого Рикардовского закона». *Ред.*

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/Постскрипtum&oldid=598910](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/Постскрипtum&oldid=598910)

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/I

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [Глава I](#)
[Экономические теории романтизма](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава I, I.
Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей?
автор *В. И. Ленин*

[II. Воззрения Сисмонди на национальный доход и капитал](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 125—130

I. Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей?

В противоположность экономистам-классикам, которые имели в виду при своих построениях уже сложившийся капиталистический строй и наличность класса рабочих брали за нечто данное и подразумевающееся само собой, [Сисмонди](#) подчеркивает именно процесс разорения мелкого производителя, — процесс, ведущий к образованию этого класса. Что указание этого противоречия в капиталистическом строе составляет заслугу Сисмонди — это неоспоримо, но дело в том, что, как экономист, Сисмонди не сумел *понять* этого явления и свою неспособность к последовательному анализу прикрывал «благими пожеланиями». Разорение мелкого производителя доказывает, по мнению Сисмонди, сокращение внутреннего рынка.

«Если фабрикант будет продавать дешевле, — говорит Сисмонди в главе о том, „как продавец расширяет свой рынок?“ (ch. III, livre IV, t. I, p. 342 et suiv.^[1]^[2], — то он продаст больше, ибо другие продадут меньше. Поэтому усилия фабриканта направлены всегда на то, чтобы сделать какое-нибудь сбережение на труде или на сырых материалах, которое дало бы ему возможность продавать дешевле его товарищей. Так как материалы сами представляют из себя продукт прошлого труда, то его сбережение сводится всегда, в конце концов, к употреблению меньшего количества труда на производство того же продукта». «Правда, отдельный фабрикант старается не сокращать количества рабочих, а увеличивать производство. Допустим, что это ему удастся, что он перебьет покупателей у своих конкурентов, понизив цену товара. Каков же будет „национальный результат“ этого?». «Другие фабриканты введут у себя его приемы производства. Тогда тем или другим из них придется, разумеется, отпустить часть рабочих, соответственно тому, насколько новая машина усиливает производительную силу труда. Если потребление осталось неизменным и если то же количество труда исполняется числом рук вдесятеро меньшим, то девять десятых доходов этой части рабочего класса будут у него отняты, и его потребление во всех видах уменьшится на столько же... Результатом изобретения — если нация не имеет внешней торговли и если потребление остается неизменным — будет, следовательно, потеря для всех, уменьшение национального дохода, которое в следующем году поведет к уменьшению общего потребления» (I, 344). «И это так и должно было быть: труд сам по себе составляет важную часть дохода (Сисмонди имеет в виду заработную плату), и потому нельзя уменьшать спрос на труд без того, чтобы не сделать нации более бедной. Поэтому-то выгода, ожидаемая от изобретения новых способов производства, относится почти всегда на счет иностранной торговли» (I, 345).

Читатель видит, что уже в этих словах перед нами вся столь знакомая нам «теория» «сокращения внутреннего рынка» вследствие развития капитализма и необходимости ввиду этого внешнего рынка. Сисмонди возвращается к этой мысли чрезвычайно часто, связывая с ней и свою теорию кризисов, и «теорию» населения; в его учении это такой же доминирующий пункт, как и в учении русских народников.

Сисмонди не забыл, разумеется, что разорение и безработица при новых отношениях сопровождаются увеличением «торгового богатства», что речь должна идти о развитии крупного производства, капитализма. Он прекрасно понимал это и утверждал именно, что рост капитализма уменьшает внутренний рынок: «Точно так же, как для блага граждан безразлично, будет ли довольство и потребление всех приближаться к равенству, или небольшое меньшинство будет иметь во всем избыток, а масса будет сведена к строго необходимому, точно так же эти два вида распределения дохода безразличны и для развития *торгового богатства* (richesse commerciale)^[3]. Равенство потребления должно всегда вести в результате к расширению рынка производителей, неравенство — к *сокращению рынка*» (de le (le marché) resserrer toujours davantage) (I, 357).

Итак, Сисмонди утверждает, что внутренний рынок сокращается свойственным капитализму неравенством распределения, что рынок должен создаваться равномерным распределением. Но каким же образом может происходить это при *богатстве торговом*, к которому незаметно перешел Сисмонди (и к которому не мог не перейти, ибо иначе он не мог бы говорить о *рынке*)? Этого он не исследует. Чем доказывает он возможность сохранения равенства производителей при торговом богатстве, *т. е.* при конкуренции между отдельными производителями? Абсолютно ничем не доказывает. Он просто декретирует, что так *должно быть*. Вместо дальнейшего анализа того противоречия, которое он справедливо указал, он принимается толковать о

нежелательности противоречий вообще. «Возможно, что с заменой мелкого земледелия крупным в землю вложено больше капиталов, что между всей массой земледельцев распределено больше богатства, чем прежде». . . (т. е. «возможно», что внутренний рынок, определяемый ведь именно абсолютным количеством *торгового* богатства, возрос? — возрос рядом с развитием капитализма?). . . «Но для нации потребление одной семьи богатых фермеров плюс 50 семей нищих поденщиков неравносильно потреблению 50-ти семей крестьян, из которых ни одна не богата, но зато ни одна не лишена (умеренного) приличного довольства» (*une honnête aisance*) (I, 358). Другими словами: может быть, развитие фермерства и создает внутренний рынок для капитализма. Сисмонди был слишком образованный и добросовестный экономист, чтобы отрицать этот факт, но. . . но здесь автор покидает свое исследование и вместо «нации» торгового богатства подставляет прямо «нацию» крестьян. Отбояриваясь от неприятного факта, опровергающего его мелкобуржуазную точку зрения, он забывает даже о том, что сам же говорил несколько раньше, именно: что «фермеры» и развились из «крестьян», благодаря развитию торгового богатства. «Первые фермеры, — говорил Сисмонди, — были простыми пахарями. . . Они не переставали быть крестьянами. . . Они не употребляли почти никогда для совместной работы поденных работников, а только слуг (батраков — *des domestiques*), избираемых всегда среди им равных, с которыми и обращались, как с равными, ели за одним столом. . . составляли один класс крестьян» (I, 221). Все дело сводится, значит, к тому, что эти патриархальные мужички с своими патриархальными батраками гораздо более по душе автору, и он просто отворачивается от тех изменений, которые произвел в этих патриархальных отношениях рост «торгового богатства».

Но Сисмонди нисколько не намерен признаться в этом. Он продолжает думать, что исследует законы торгового богатства, и, позабыв свои оговорки, утверждает прямо:

«Итак, вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, *внутренний рынок все более и более сокращается (!)*, и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие сотрясения» (*des grandes révolutions*) (I, 361). «Итак, внутренний рынок не может расширяться иначе, как при расширении национального благосостояния» (I, 362). Сисмонди имеет в виду народное благосостояние, ибо он сейчас только признавал возможность «национального» благосостояния при фермерстве.

Как видит читатель, наши экономисты-народники говорят слово в слово то же самое.

Сисмонди возвращается к этому вопросу еще раз в конце сочинения, в VII книге: «О населении», в главе VII: «О населении, которое сделалось излишним вследствие изобретения машин».

«В деревне введение системы крупных ферм повело в Великобритании к исчезновению класса арендаторов-крестьян (*fermiers rauxans*), которые сами работали и пользовались тем не менее умеренным довольством; население значительно уменьшилось; но его потребление уменьшилось еще больше, чем его число. Поденщики, исполняющие все полевые работы, получая лишь самое необходимое, далеко не дают такого поощрения (*encouragement*) городской индустрии, какое давали раньше богатые крестьяне» (II, 327). «Аналогичное изменение произошло и в городском населении. . . Мелкие торговцы, мелкие промышленники исчезают, и сотни их заменяет один крупный предприниматель; может быть, они все вместе не были так богаты, как он. Тем не менее они, вместе взятые, были лучшими потребителями, чем он. Его роскошь дает гораздо меньше поощрение индустрии, чем умеренное довольство тех ста хозяйств, которые он заменил» (ib.^[4]).

К чему же сводится, спрашивается, эта теория Сисмонди о сокращении внутреннего рынка при развитии капитализма? К тому, что автор ее, едва попытавшись взглянуть на дело прямо, увернулся от анализа условий, соответствующих капитализму («торговое богатство» плюс крупное предпринимательство в промышленности и земледелии, ибо Сисмонди слова «капитализм» не знает. Тождество понятий делает это словоупотребление вполне правильным, и мы будем впредь говорить просто: «капитализм»), и подставил на место анализа свою мелкобуржуазную точку зрения и мелкобуржуазную утопию. Развитие торгового богатства и, след., конкуренции должно оставить неприкосновенным равное, среднее крестьянство с его «умеренным довольством» и его патриархальными отношениями к батракам.

Понятно, что это невинное пожелание осталось исключительным достоянием Сисмонди и других романтиков из «интеллигенции», что оно с каждым днем приходило все в большее столкновение с действительностью, развивавшей те противоречия, глубины которых не умел еще оценить Сисмонди.

Понятно, что теоретическая политическая экономия, примкнув в своем дальнейшем развитии^[5] к классикам, установила с точностью именно то, что хотел отрицать Сисмонди, именно: что развитие капитализма вообще и фермерства в частности не сокращает, а *создает* внутренний рынок. Развитие капитализма идет вместе с развитием товарного хозяйства, и по мере того, как домашнее производство уступает место производству на продажу, а кустарь уступает место фабрике, — идет образование рынка для *капитала*. «Поденщики», вытесняемые из земледелия превращением «крестьян» в «фермеров», поставляют рабочую силу для капитала, а фермеры являются покупателями продуктов индустрии и притом не только покупателями предметов потребления (которые прежде производились крестьянами дома или сельскими ремесленниками), а также и покупателями орудий производства, которые не могли уже оставаться прежними при замене мелкого земледелия крупным^[6]. Последнее обстоятельство стоит подчеркнуть, ибо его-то и игнорировал особенно Сисмонди, говоривший в цитированном нами месте о «потреблении» крестьян и фермеров так, как будто бы существовало одно только *личное* потребление (потребление хлеба, одежды и т. п.), как будто бы покупка машин, орудий и т. п., постройка зданий, складов, фабрик и т. п. не были тоже потреблением, только другого рода, именно: *потреблением производительным*, потреблением не людей, а капитала. И опять-таки приходится отметить, что именно эту ошибку, которую Сисмонди, как мы сейчас увидим, заимствовал у Адама Смита, в полной неприкосновенности переняли и наши народники-экономисты^[7].

-
1. ↑ гл. III, книга IV, т. I, стр. 342 и след. *Ред.*
 2. ↑ Все дальнейшие цитаты, без особых указаний, относятся к указанному выше изданию „Nouveaux Principes“.
 3. ↑ Курсив здесь, как и везде в других местах, наш, если не оговорено противное.
 4. ↑ *ibidem* — там же. *Ред.*
 5. ↑ Речь идет о марксизме. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)
 6. ↑ Таким образом, создаются одновременно элементы и переменного капитала («свободный» рабочий) и постоянного; к последнему относятся те средства производства, от которых освобождается мелкий производитель.
 7. ↑ Эфруси об этой части доктрины Сисмонди — о сокращении внутреннего рынка вследствие развития капитализма — не говорит ничего. Мы еще увидим много раз, что он опустил именно то, что наиболее рельефно характеризует *точку зрения* Сисмонди и отношение народничества к его учению.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/И&oldid=598829](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/И&oldid=598829)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/II

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [I. Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей?](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава I, II. Воззрения Сисмонди на национальный доход и капитал автор *В. И. Ленин*

[III. Выводы Сисмонди из ошибочного учения о двух частях годового производства в капиталистическом обществе](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 131—136

II. Воззрения Сисмонди на национальный доход и капитал

Аргументация [Сисмонди](#) против возможности капитализма и его развития не ограничивается только этим. Он делал такие же выводы и из своего учения о доходе. Надо сказать, что Сисмонди вполне перенял от [Ад. Смита](#) теорию трудовой стоимости и трех видов дохода: ренты, прибыли и заработной платы. Он делает даже кое-где попытку обобщить два первые вида дохода в противоположность третьему: так, иногда он соединяет их, противопоставляя заработной плате (I, 104—105); у него попадает даже слово: *surplus-value* (сверхстоимость) по отношению к ним (I, 103). Не надо, однако, преувеличивать значение такого словоупотребления, как это делает, кажется, Эфруси, говоря, что «теория Сисмонди близка к теории прибавочной ценности» («Р. Б.» № 8, с. 41). Сисмонди, собственно, не сделал ни одного шага вперед против Ад. Смита, который тоже говорил, что рента и прибыль суть «вычет из труда», доля той ценности, которую работник прибавляет к продукту (см. «Исследование о природе и причинах богатства», русский перевод [Бибикова](#), т. 1, гл. VIII: «О заработной плате» и гл. VI: «О частях, входящих в состав цены товаров»). Дальше этого не пошел и Сисмонди. Но он пытался связать это деление вновь создаваемого продукта на сверхстоимость и заработную плату с теорией общественного дохода, внутреннего рынка и реализацией продукта в капиталистическом обществе. Попытки эти чрезвычайно важны для оценки научного значения Сисмонди и для уяснения связи между его доктриной и доктриной русских народников. Поэтому стоит разобрать их подробнее.

Выдвигая повсюду на первый план вопрос о доходе, об отношении его к производству, к потреблению, к населению, Сисмонди, естественно, должен был разобрать и теоретические основания понятия «доход». И мы находим у него, в самом начале сочинения, три главы, посвященные вопросу о доходе (I, II, ch. IV—VI). Глава IV: «Как доход происходит из капитала» трактует о различии капитала и дохода. Сисмонди прямо начинает излагать этот предмет по отношению ко всему обществу. «Так как каждый работает для всех, — говорит он, — то производство всех должно быть потреблено всеми... Различие между капиталом и доходом существенно для общества» (I, 83). Но Сисмонди чувствует, что это «существенное» различие *для общества* не так просто, как для отдельного предпринимателя. «Мы подходим, — оговаривается он, — к самому абстрактному и самому трудному вопросу политической экономии. Природа капитала и дохода постоянно переплетаются в нашем представлении: мы видим, что *доход для одного становится капиталом для другого*, и один и тот же предмет, переходя из рук в руки, приобретает последовательно различные наименования» (I, 84), т. е. то наименование «капитала», то наименование «дохода». «Но смешивать их, — утверждает Сисмонди, — ошибка» (*leur confusion est ruineuse*, p. 477). «Насколько трудно различить капитал и доход общества, настолько же важно это различие» (I, 84).

Читатель заметил, вероятно, в чем состоит трудность, о которой говорит Сисмонди: если для отдельного предпринимателя доходом является его прибыль, расходуемая на те или иные предметы потребления^[1], если для отдельного рабочего доходом является его заработная плата, то можно ли суммировать эти доходы для получения «дохода общества»? Как быть тогда с теми капиталистами и рабочими, которые производят, напр., машины? Их продукт существует в таком виде, что в потребление войти не может (т. е. в личное потребление). Его нельзя сложить с предметами потребления. Назначение этих продуктов — служить капиталом. Значит, они, будучи *доходом* для своих производителей (именно в той своей части, которая возмещает прибыль и заработную плату), становятся *капиталом* для покупателей. Как же разобраться в этой путанице, мешающей установить понятие общественного дохода?

Сисмонди, как мы видели, только подошел к вопросу, и сейчас же уклоняется от него, ограничившись указанием на «трудность». Он заявляет прямо, что «обыкновенно признают три вида дохода: ренту, прибыль и заработную плату» (I, 85), и переходит к пересказу учения А. Смита о каждом из них. Поставленный вопрос — о различии капитала и дохода общества — остался без ответа. Изложение идет уже теперь без строгого разделения общественного дохода от индивидуального. Но к покинутому им вопросу Сисмонди подходит еще раз. Он говорит, что, подобно различным видам дохода, существуют также «различные виды богатства» (I, 93), именно: *основной капитал* — машины, орудия и т. п., *оборотный капитал* — потребляемый в отличие от первого быстро и меняющий свою форму (семена, сырые материалы, заработная плата) и, наконец, *доход с капитала*,

потребляемый без воспроизводства. Нам не важно здесь то обстоятельство, что Сисмонди повторяет все ошибки Смита в учении об основном и оборотном капитале, смешивая эти категории, принадлежащие к процессу обращения, с категориями, вытекающими из процесса производства (постоянный и переменный капитал). Нас интересует учение Сисмонди о доходе. И по этому вопросу он выводит из приведенного сейчас разделения трех видов богатств следующее:

«Важно заметить, что эти три вида богатств одинаково идут на потребление; ибо все, что было произведено, имеет стоимость для человека лишь постольку, поскольку служит его потребностям, а эти потребности удовлетворяются только потреблением. Но основной капитал служит этому косвенным образом (*d'une manière indirecte*); он потребляется медленно, помогая человеку в воспроизведении того, что служит его потреблению» (I, 94—95), между тем как оборотный капитал (Сисмонди отождествляет его уже с переменным) обращается в «*потребительный фонд рабочего*» (I, 95). Выходит, след., что *общественное потребление* бывает, в противоположность индивидуальному, двух родов. Эти два рода отличаются друг от друга весьма существенно. Дело, конечно, не в том, что основной капитал потребляется медленно, а в том, что он потребляется, не образуя ни для одного класса общества *дохода* (потребительного фонда), что он потребляется не лично, а производительно. Но Сисмонди не видит этого, и, чувствуя, что опять-таки сбился с пути^[2] в поисках за различием между общественным капиталом и доходом, он беспомощно заявляет: «Это движение богатства так абстрактно, оно требует такой силы внимания, чтобы отчетливо схватить его (*pour le bien saisir*), что мы считаем полезным взять самый простой пример» (I, 95). Пример берется, действительно, «самый простой»: фермер, живущий одиноко (*un fermier solitaire*), собрал 100 мешков пшеницы; часть он потребил сам, часть идет на посев, часть на потребление нанятых рабочих. Следующий год получается уже 200 мешков. Кто их потребит? Семья фермера не может возрасти так быстро. Показывая на этом (до последней степени неудачном) примере различие между капиталом основным (семена), оборотным (заработная плата) и потребительным фондом фермера, Сисмонди говорит:

«Мы различили три вида богатств в отдельной семье; рассмотрим теперь каждый вид по отношению к целой нации и разберем, как из этого распределения может произойти национальный доход» (I, 97). Но дальше говорится только, что и в обществе необходимо воспроизвести те же три вида богатств: основной капитал (причем Сисмонди подчеркивает, что на него придется затратить известное количество труда, но не объясняет, каким образом основной капитал обменяется на предметы потребления, необходимые для капиталистов и рабочих, занятых этим производством); затем сырой материал (здесь Сисмонди выделяет его особо); потом содержание рабочих и прибыль капиталистов. Вот все, что дает нам IV глава. Очевидно, что вопрос о национальном доходе остался открытым, и Сисмонди не разобрал не только распределения, но даже и *понятия* дохода. Крайне важное в теоретическом отношении указание на необходимость воспроизвести и основной капитал общества он сейчас же забывает и в следующей главе, говоря о «распределении национального дохода между различными классами граждан» (ch. V), он прямо говорит о трех видах дохода и, объединяя ренту и прибыль вместе, заявляет, что национальный доход состоит из двух частей: прибыль от богатства (т. е. рента и прибыль в собственном смысле) и средства существования рабочих (I, 104—105). Мало того, он заявляет:

«Точно так же годовое производство или результат всех работ, исполненных нацией в течение года, складывается из двух частей: одна... это — прибыль, проистекающая из богатства; другая — способность трудиться (*la puissance de travailler*), которая предполагается равной той части богатства, на которую она обменивается, или средствам существования трудящихся классов». «Итак, национальный доход и годовое производство взаимно уравниваются и представляются величинами равными. Все годовое производство потребляется в течение года, но отчасти рабочими, которые, давая в обмен свой труд, превращают его в капитал и воспроизводят его; отчасти капиталистами, которые, давая в обмен свой доход, уничтожают его» (I, 105).

Таким образом, тот вопрос о различии национального капитала и дохода, который сам Сисмонди с такой определенностью признал крайне важным и трудным, — он просто-напросто отбросил, совершенно позабыв сказанное несколькими страницами раньше! И Сисмонди уже не замечает, что, отбросив этот вопрос, он пришел к положению совершенно бессмысленному: каким же образом годовое производство может все целиком входить в потребление рабочих и капиталистов в виде дохода, когда для производства нужен капитал, нужны — точнее выражаясь — средства и орудия производства. Надо их произвести, и они ежегодно производятся (как это и сам Сисмонди сейчас же признавал). И вот все орудия производства, сырые материалы и т. д. вдруг выкидываются, и «трудный» вопрос о различии капитала и дохода разрешается ни с чем несообразным утверждением, что годовое производство равняется национальному доходу.

Эта теория, что все производство капиталистического общества состоит из двух частей — части рабочих (заработная плата, или переменный капитал, по современной терминологии) и части капиталистов (сверхстоимость), не составляет особенности Сисмонди. Она не составляет его достояния. Он целиком перенял ее у Ад. Смита, сделав даже некоторый шаг назад. Вся последующая политическая экономия ([Рикардо](#), [Милль](#), [Прудон](#), [Ролбертус](#)) повторяла эту ошибку, раскрывую только [автором](#) «Капитала» в III отделе II тома. Мы изложим основание его воззрений ниже^[3]. А теперь заметим, что повторяют эту ошибку и наши народники-экономисты. Сопоставление их с Сисмонди приобретает особый интерес потому, что они делают из этой ошибочной теории *те же выводы, которые сделал прямо и Сисмонди*^[4], именно: вывод о невозможности реализации сверхстоимости в капиталистическом обществе; о невозможности развития общественного богатства; о необходимости прибегать к внешнему рынку *вследствие того*, что внутри страны сверхстоимость не может быть реализована; наконец, о кризисах, вызываемых будто бы именно этой невозможностью реализовать продукт в потреблении рабочих и капиталистов.

1. ↑ Точнее: та *часть* прибыли, которая не идет на накопление.

2. ↑ Именно: Сисмонди сейчас только выделил *капитал* от *дохода*. Первый идет на производство, второй на потребление.

Но ведь речь идет об обществе. А общество «потребляет» и основной капитал. Приведенное различие падает, и общественно-хозяйственный процесс, прекращающий «капитал для одного» в «доход для другого», остается невыясненным.

3. ↑ См. настоящий том, стр. 142—145. *Ред.*

4. ↑ И от которых благоразумно воздержались другие экономисты, повторявшие ошибку Ад. Смита.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/II&oldid=598833](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/II&oldid=598833)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/III

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [II. Воззрения](#)

[Сисмонди на национальный доход и капитал](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава I, III.
Выводы Сисмонди из ошибочного учения о двух частях годового производства в капиталистическом обществе
автор *В. И. Ленин*

[IV. В чем ошибка учений Ад. Смита и Сисмонди о национальном доходе?](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 136—141

III. Выводы Сисмонди из ошибочного учения о двух частях годового производства в капиталистическом обществе

Чтобы читатель мог представить себе доктрину [Сисмонди](#) в ее целом, мы дадим сначала изложение главнейших выводов его из этой теории, а потом перейдем к тому исправлению основной его ошибки, которое дано в «Капитале» [Маркса](#).

Прежде всего, Сисмонди делает из этой ошибочной теории [Ад. Смита](#) тот вывод, что производство должно соответствовать потреблению, что производство определяется доходом. Подробному разжевыванию этой «истины» (свидетельствующей о совершенном непонимании характера капиталистического производства) посвящена вся следующая глава, VI: «Взаимное определение производства потреблением и расхода — доходом». Сисмонди прямо переносит на капиталистическое общество мораль экономного крестьянина и думает серьезно, что он внес этим исправление в учение Смита. В самом начале сочинения, говоря во вступительной части (кн. I, история науки) об Ад. Смите, он заявляет, что «дополняет» Смита положением, что «потребление есть единственная цель накопления» (I, 51). «Потребление, — говорит он, — определяет воспроизводство» (I, 119—120), «национальный расход должен регулировать национальный доход» (I, 113) и тому подобные положения пестрят все сочинение. В непосредственной связи с этим стоят еще две характерные черты доктрины Сисмонди: во—1-х, недоверие к развитию капитализма, непонимание того, как он создает все больший и больший рост производительных сил, отрицание возможности этого роста, — совершенно так же, как и русские романтики «учат», что капитализм ведет к растрате труда и т. п.

«Ошибаются те, кто подстрекает к безграничному производству», — говорит Сисмонди (I, 121). Избыток производства над доходом вызывает перепроизводство (I, 106). Рост богатства выгоден лишь тогда, «когда он постепенен, когда он пропорционален самому себе, когда ни одна из его частей не развивается непомерно быстро» (I, 409). Добрый Сисмонди думает, что «непропорциональное» развитие не есть развитие (как думают и наши народники), что эта непропорциональность — не закон данного строя общественного хозяйства и его движения, а «ошибка» законодателя и т. п., что это искусственное подражание европейских правительств Англии, которая пошла по ложному пути^[1]. Сисмонди совершенно отрицает то положение, которое выдвинули классики и которое вполне приняла теория Маркса, именно, что капитализм развивает производительные силы. Мало этого, — он приходит к тому, что всякое накопление считает осуществимым лишь «понемногу», будучи совершенно не в состоянии объяснить процесс накопления. Это вторая в высшей степени характерная черта его воззрений. Он рассуждает о накоплении до последней степени забавно:

«В конце концов сумма производства данного года только обменивается всегда на сумму производства прошлого года» (I, 121). Тут уже накопление совершенно отрицается: выходит, что рост общественного богатства невозможен при капитализме. Русского читателя это положение не очень удивит, ибо он слышал то же и от [г. В. В.](#) и от [г. Н.—она](#). Но Сисмонди был все-таки учеником Смита. Он чувствует, что говорит нечто уже совершенно несообразное, и хочет поправиться:

«Если производство возрастает постепенно, — продолжает он, — то обмен каждого года причиняет лишь небольшую потерю каждого года (*une petite perte*), улучшая в то же время условия для будущего (*en même temps qu'elle bonifie la condition future*). Если эта потеря легка и хорошо распределена, то каждый перенесет ее не жалуясь... Если же несоответствие между новым производством и предшествующим велико, то капиталы гибнут (*sont entamés*), получается страдание, и нация идет назад вместо того, чтобы прогрессировать» (I, 121). Трудно рельефнее и прямее высказать основное положение романтизма и мелкобуржуазного воззрения на капитализм, чем это сделано в данной тираде. Чем быстрее идет накопление, т. е. превышение производства над потреблением, — тем лучше, учили классики, которые, хотя и не умели разобраться в процессе общественного производства капитала, хотя и не умели освободиться от ошибки Смита, будто общественный продукт состоит из двух частей, но выставляли все же вполне справедливое положение, что производство само создает себе рынок, само определяет потребление. И мы знаем, что такое воззрение на накопление приняла от классиков и теория Маркса, признав, что, чем быстрее рост богатства, тем полнее развиваются производительные силы труда и обобществление его, *тем лучше*

положение рабочего, насколько оно может быть лучше в данной системе общественного хозяйства. Романтики утверждают прямо обратное и возлагают все свои надежды именно на слабое развитие капитализма, взывают к его *задержке*.

Далее, из непонимания того, что производство создает себе рынок, вытекает учение о невозможности реализовать сверхстоимость. «Из воспроизводства проистекает доход, но *производство само по себе не есть еще доход*: оно получает такое название (се nom! И так, различие производства, т. е. продукта, от дохода лишь в слове!), оно является в качестве такового (elle n'opère comme tel) лишь после того, как оно реализовано, после того, как каждая произведенная вещь нашла себе потребителя, имеющего в ней нужду или находящего в ней наслаждение» (qui en avait le besoin ou le désir) (I, 121). Таким образом, из отождествления дохода с «производством» (т. е. всем тем, что произведено) вытекает отождествление реализации с потреблением *личным*. О том, что реализация таких, напр., продуктов, как железо, уголь, машины и т. п., вообще средств производства, происходит иным путем, — Сисмонди уже забыл, хотя раньше вплотную подошел к этому. Из отождествления реализации с потреблением *личным*, естественно, вытекает учение, что капиталисты не могут реализовать именно *сверхстоимость*, ибо из двух частей общественного продукта заработную плату реализуют своим потреблением рабочие. И Сисмонди действительно пришел к этому выводу (впоследствии развитому более подробно [Прудоном](#) и постоянно повторяемому нашими народниками). В полемике с [Мак-Куллохом](#) Сисмонди указывает именно на то, будто последний (излагая [Рикардо](#)) не объясняет реализации прибыли. Мак-Куллох говорил, что при разделении общественного труда одно производство есть рынок для другого: производители хлеба реализуют товары в продукте производителей одежды, и наоборот^[2]. «Автор предполагает, — говорит Сисмонди, — труд без прибыли (un travail sans bénéfice), воспроизводство, которое возмещает только потребление *рабочих*» (II, 384, курсив Сисмонди)... «он не оставляет ничего на долю хозяина»... «мы исследуем, чем становится излишек производства рабочих над их потреблением» (ib.). Таким образом, у этого первого романтика мы находим уже вполне определенное указание, что капиталисты не могут реализовать *сверхстоимости*. Из этого положения Сисмонди делает дальнейший вывод — опять-таки именно тот, который делают и народники, — что по *самым условиям реализации необходим внешний рынок для капитализма*. «Так как труд сам по себе составляет важную часть дохода, то нельзя уменьшить спрос на труд, не делая нацию более бедной. Поэтому выгода, ожидаемая от открытия новых приемов производства, почти всегда относится к *иностранной торговле*» (I, 345). «Нация, совершающая впервые какое-либо открытие, в течение долгого времени успевает расширять свой рынок соответственно числу рук, освобождаемых каждым новым изобретением. Она употребляет их тотчас же на увеличение количества продуктов, которые ее изобретение позволяет производить дешевле. Но наступает, наконец, эпоха, когда весь цивилизованный мир образует один рынок и когда нельзя уже будет в какой-либо новой нации приобретать новых покупателей. Спрос на мировом рынке будет тогда величиной неизменной (précise), которую будут оспаривать друг у друга различные промышленные нации. Если одна поставит больше продуктов, то это будет в ущерб другой. Общая продажа не может быть увеличена иначе, как увеличением общего благосостояния или переходом товаров, бывших в исключительном владении богатых, — в потребление бедных» (II, 316). Читатель видит, что Сисмонди представляет именно ту доктрину, которую так хорошо усвоили наши романтики, будто внешний рынок есть *выход из затруднения* по реализации продукта вообще и сверхстоимости в частности.

Наконец, из этой же доктрины о тождестве национального дохода с национальным производством вытекло учение Сисмонди о кризисах. После всего вышеизложенного нам едва ли есть надобность приводить выписки из многочисленных мест сочинения Сисмонди, посвященных этому вопросу. Из учения его о необходимости соразмерять производство с доходом вытекло само собой воззрение, что кризис и есть результат нарушения такого соответствия, результат чрезмерного производства, обогнавшего потребление. Из приведенной сейчас цитаты ясно, что Сисмонди именно это несоответствие производства с потреблением считал основной причиной кризисов, причем на первое место выдвигал недостаточное потребление масс народа, рабочих. Поэтому теория кризисов Сисмонди (перенятая также [Ролбертусом](#)) и известна в экономической науке как образчик теорий, выводящих кризисы из недостаточного потребления (Unterkonsumption).

1. ↑ См., напр., II, 456—457 и многие другие места. Ниже мы приведем их образчики, и читатель увидит, что даже способ выражения наших романтиков, вроде [г. Н. —она](#), не отличается ни в чем от Сисмонди.
2. ↑ См. добавление к «Nouveaux Principes», 2-е издание, т. II: «Eclaircissements relatifs à la balance des consommations avec les productions» («Разъяснения, относящиеся к балансу потребления и производства». *Ped.*), где Сисмонди переводит и оспаривает статью ученика Рикардо (Мак-Куллоха), напечатанную в «Edinburgh Review» под названием: «Исследование вопроса, возрастает ли всегда способность потребления в обществе вместе с способностью производства»

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/III&oldid=601334](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/III&oldid=601334)

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/IV

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [III. Выводы Сисмонди из ошибочного учения о двух частях головного производства в капиталистическом обществе](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава I, IV. В чем ошибка учений Ад. Смита и Сисмонди о национальном доходе? автор *В. И. Ленин*

[V. Накопление в капиталистическом обществе](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 141—146

IV. В чем ошибка учений Ад. Смита и Сисмонди о национальном доходе?

В чем же состоит основная ошибка [Сисмонди](#), поведшая ко всем этим выводам?

Свое учение о национальном доходе и о распределении его на две части (часть рабочих и часть капиталистов) Сисмонди перенял целиком у [Ад. Смита](#). Сисмонди не только не добавил ничего к его положениям, но даже, сделав шаг назад, опустил попытку Адама Смита (хотя и неудачную) доказать теоретически это представление. Сисмонди не замечает как будто того противоречия, в котором оказалась эта теория к учению о производстве вообще. В самом деле, в стоимость отдельного продукта, по теории, выводящей стоимость из труда, входят три составные части: часть, возмещающая сырой материал и орудия труда (постоянный капитал), часть, возмещающая заработную плату, или содержание рабочих (переменный капитал), и «сверхстоимость» (*plusvalue* у Сисмонди). Таков анализ единичного продукта по его стоимости у А. Смита, повторенный и Сисмонди. Спрашивается, каким же образом *общественный* продукт, состоящий из суммы *единичных* продуктов, состоит только из двух последних частей? Куда же девалась первая часть — постоянный капитал? Сисмонди, как мы видели, только ходил кругом да около этого вопроса, но А. Смит дал на него ответ. Он утверждал, что эта часть существует самостоятельно лишь в единичном продукте. Если же рассматривать весь общественный продукт, то она разлагается, в свою очередь, на заработную плату и сверхстоимость — именно тех капиталистов, которые производят этот постоянный капитал.

Давая такой ответ, А. Смит не объяснил, однако, на каком основании в этом разложении стоимости постоянного капитала, ну, хоть машин, отброшен опять-таки постоянный капитал, т. е. в нашем примере железо, из которого сделаны машины, орудия, употребленные при этом, и т. п.? Если стоимость каждого продукта включает в себе часть, возмещающую постоянный капитал (а это признают все экономисты), то исключение ее из какой бы то ни было области общественного производства является совершенно произвольным. «Когда А. Смит говорит, что орудия труда сами разлагаются на заработную плату и прибыль, то он забывает прибавить (говорит [автор](#) «Капитала»); *и на тот постоянный капитал*, который употреблен на их производство. А. Смит просто отсылает нас от Понтия к Пилату, от одного продукта ссылается на другой, от другого на третий», не замечая, что вопрос от этого отодвигания нисколько не изменяется. Этот ответ Смита (принятый всей последующей политической экономией до [Маркса](#)) — простое уклонение от задачи, увертка от затруднения. А затруднение тут действительно есть. Оно состоит в том, что понятие капитала и дохода нельзя перенести прямо с индивидуального продукта на общественный. Экономисты признают это, говоря, что с общественной точки зрения «капитал для одного становится доходом для другого» (см. выше у Сисмонди). Но эта фраза только *формулирует* затруднение, а не разрешает его^[1].

Разрешение состоит в том, что при рассмотрении этого вопроса с общественной точки зрения нельзя уже говорить о продуктах вообще, без отношения к их материальной форме. В самом деле, речь идет об общественном доходе, т. е. о продукте, поступающем на потребление. Но ведь не всякий продукт может быть потреблен в смысле *личного потребления*: машины, уголь, железо и т. п. предметы потребляются не лично, а производительно. С точки зрения отдельного предпринимателя это различие было лишнее: если мы говорили, что рабочие потребят переменный капитал, — мы принимали, что они выменяют на рынке предметы потребления за те деньги, которые получены капиталистами за произведенные рабочими машины и уплачены этим рабочим. Тут нас не интересует этот обмен машин на хлеб. Но с общественной точки зрения этот обмен уже нельзя *подразумевать*: нельзя сказать, что весь класс капиталистов, производящих машины, железо и т. п., продает их и этим реализует. Вопрос здесь именно в том, *как* происходит реализация, *то есть* возмещение всех частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе — или, что то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе — должно быть разделение двух совершенно различных видов общественного продукта: *средств производства* и *предметов потребления*. Первые могут быть потреблены только производительно, вторые — только лично. Первые могут служить *только* капиталом, вторые должны стать доходом, т. е. уничтожиться в потреблении рабочих и капиталистов. Первые достаются целиком капиталистам, вторые — распределяются между рабочими и капиталистами.

Раз усвоено это разделение и исправлена ошибка А. Смита, выкинувшего из общественного продукта постоянную его часть (т. е. часть, возмещающую постоянный капитал), — вопрос о реализации продукта в капиталистическом обществе становится уже ясным. Очевидно, нельзя говорить о реализации заработной платы потреблением рабочих, а сверхстоимости — потреблением капиталистов *и только*^[2]. Рабочие могут потребить заработную плату, а капиталисты — сверхстоимость лишь тогда, когда продукт состоит из предметов потребления, т. е. лишь в одном подразделении общественного производства. «Потребить» же продукт, состоящий из средств производства, они не могут: его *надо обменять на предметы потребления*. Но на какую же часть (по стоимости) предметов потребления могут они обменять свой продукт? Очевидно, только на *постоянную часть* (постоянный капитал), ибо остальные две части составляют фонд потребления рабочих и капиталистов, производящих предметы потребления. Этот обмен, реализуя сверхстоимость и заработную плату в производствах, изготовляющих средства производства, тем самым реализует постоянный капитал в производствах, изготовляющих предметы потребления. В самом деле, у капиталиста, производящего, скажем, сахар, та часть продукта, которая должна возместить постоянный капитал (т. е. сырье, вспомогательные материалы, машины, здания и т. п.), существует в виде *сахара*. Чтобы реализовать эту часть, надо получить вместо этого предмета потребления соответствующие *средства производства*. Реализация этой части будет, следовательно, состоять из обмена *предмета потребления* на продукты, служащие *средствами производства*. Теперь остается необъясненной реализация одной только части общественного продукта, именно: постоянного капитала в подразделении, изготовляющем средства производства. Она реализуется отчасти тем, что часть продукта, в своем натуральном виде, входит опять в производство (напр., часть угля, добываемого каменноугольным предприятием, идет опять на добычу угля; зерно, полученное фермерами, идет опять на посев и т. п.); отчасти же она реализуется обменом между отдельными капиталистами этого же подразделения: напр., в производстве железа необходим каменный уголь, и в производстве каменного угля необходимо железо. Капиталисты, производящие оба продукта, и реализуют взаимным обменом ту часть этих продуктов, которая возмещает их постоянный капитал.

Этот анализ (который мы изложили, повторяем, в самом сжатом виде, по причине, указанной выше) разрешил то затруднение, которое сознавали все экономисты, выражая его фразой: «капитал для одного — доход для другого». Этот анализ показал всю ошибочность сведения общественного производства к одному личному потреблению.

Теперь мы можем перейти к разбору тех выводов, которые делал Сисмонди (и другие романтики) из своей ошибочной теории. Но сначала приведем отзыв, сделанный о Сисмонди автором указанного анализа, после подробнейшего и всестороннего разбора теории А. Смита, к которой Сисмонди не сделал ни малейшего дополнения, опустив только попытку Смита оправдать свое противоречие:

«Сисмонди, бившийся над специальным рассмотрением отношения капитала к доходу и на самом деле обративший особую формулировку этого отношения в *differentia specifica*^[3] своих «Nouveaux Principes», не сказал *ни одного* (курсив автора) научного слова, не внес ни атома в разрешение проблемы» («Das Kapital», II, S. 385, 1-te Auflage^[4]).

1. ↑ Мы приводим здесь только *суть* новой теории, давшей это разрешение, предоставляя себе в другом месте изложить ее подробнее. См. «Das Kapital», II. Band, III. Abschnitt («Капитал», т. II, отдел III. *Ред.*). (Более подробное изложение см. в «Развитии капитализма», гл. I).
2. ↑ А именно так рассуждают наши народники-экономисты, гг. **В. В.** и **Н.—он**. Мы намеренно остановились выше с особенной подробностью на блужданиях Сисмонди около вопроса о производительном и личном потреблении, о предметах потребления и средствах производства (А. Смит подходил к различению их еще ближе, чем Сисмонди). Мы хотели показать читателю, что *классические* представители ошибочной теории *чувствовали* неудовлетворительность ее, видели противоречие и делали попытки выбраться из него. Наши же «самобытные» теоретики не только ничего не видят и не чувствуют, но даже не знают ни теории, ни истории вопроса, о котором так усердно разглагольствуют.
3. ↑ отличительный признак. *Ред.*
4. ↑ «Капитал», т. II, стр. 385, 1-ое издание. *Ред.*

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/IV&oldid=604874](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/IV&oldid=604874)

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/IX

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [VIII. Капиталистическая рента и капиталистическое перенаселение](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава I, IX. [X.](#)

Машины в капиталистическом обществе

автор *В. И. Ленин*

[Протекционизм](#)

→

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 177—184

IX. Машины в капиталистическом обществе

В связи с вопросом об избыточном населении стоит вопрос о значении *машин* вообще.

Эффриси усердно толкует о «блестящих замечаниях» [Сисмонди](#) насчет машин, о том, что «считать его противником технических усовершенствований несправедливо» (№ 7, с. 155), что «Сисмонди не был врагом машин и изобретений» (с. 156). «Сисмонди неоднократно подчеркивал ту мысль, что не машины и изобретения сами по себе вредны для рабочего класса, а они делаются таковыми лишь благодаря условиям современного хозяйства, при котором возрастание производительности труда не ведет ни к увеличению потребления рабочего класса, ни к сокращению рабочего времени» (с. 155).

Все эти указания вполне справедливы. И опять-таки *такая* оценка Сисмонди замечательно рельефно показывает, как народник абсолютно не сумел *понять романтика*, понять свойственную романтизму *точку зрения* на капитализм и ее радикальное отличие от точки зрения научной теории. Народник и не мог этого понять, потому что народничество само не пошло дальше романтизма. Но если указания Сисмонди на противоречивый характер капиталистического употребления машин были крупным прогрессом в 1820-х годах, то в настоящее время ограничиваться подобной примитивной критикой и не понимать ее мелкобуржуазной ограниченности уже совершенно непростительно.

В этом отношении (т. е. в вопросе о различии учения Сисмонди от новейшей теории)^[1] Эффриси твердо остается при своем. Он не умеет даже поставить вопроса. Указавши, что Сисмонди видел противоречие, он этим и удовлетворяется, как будто бы история не показывала самые разнородные приемы и способы критиковать противоречия капитализма. Говоря, что Сисмонди считал вредными машины не сами по себе, а вследствие их действия при данном социальном строе, Эффриси и не замечает, какая примитивная, поверхностно-сентиментальная точка зрения сказывается уже в одном этом рассуждении. Сисмонди действительно рассуждал: вредны машины или не вредны? и «решал» вопрос сентенцией: машины полезны лишь тогда, когда производство соотносится с потреблением (ср. цитаты в «Р. Б.» № 7, с. 156). После всего изложенного выше нам нет надобности доказывать здесь, что подобное «решение» есть не что иное, как подстановка мелкобуржуазной утопии на место научного анализа капитализма. Сисмонди нельзя винить в том, что он не произвел такого анализа. Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками. Но мы судим здесь уже не о Сисмонди и не о его примитивной, сентиментальной точке зрения, а об экономисте «Р. Б.—ва», который до сих пор не понимает отличия такой точки зрения от новейшей. Он не понимает^[2], что для характеристики этого отличия следовало поставить вопрос не о том, был ли Сисмонди врагом машин или нет, а о том, понимал ли Сисмонди значение машин в капиталистическом строе? понимал ли он роль машин *в этом строе*, как *фактора прогресса*? И тогда экономист «Р. Б.—ва» мог бы заметить, что с своей *мелкобуржуазной, утопической* точки зрения Сисмонди и *не мог поставить* такого вопроса и что в постановке и разрешении его и состоит отличие новой теории. Тогда Эффриси мог бы понять, что, заменяя вопрос об исторической роли машин в данном капиталистическом обществе — вопросом об условиях «выгодности» и «пользы» машин вообще, Сисмонди, естественно, приходил к учению об «опасности» капитализма и капиталистического употребления машин, взывал о необходимости «задержать», «умерить», «регламентировать» рост капитализма и становился в силу этого *реакционером*. Непонимание исторической роли машин, как фактора прогресса, и составляет одну из причин, по которой новейшая теория признала учение Сисмонди *реакционным*.

Мы не будем здесь, разумеется, излагать новейшее учение (т. е. учение [Маркса](#)) о машинном производстве. Отсылаем читателя хоть к вышеназванному исследованию [Н. Зибера](#), гл. X: «Машины и крупная промышленность» и особенно глава XI: «Разбор теории машинного производства»^[3]. Отметим только в самых кратких чертах ее суть. Она сводится к двум пунктам: во-1-х, к историческому анализу, установившему место машинного производства в ряду других стадий развития капитализма и отношение машинной индустрии к этим предшествующим стадиям (капиталистической простой кооперации и капиталистической мануфактуре); во-2-х, к анализу роли машин в капиталистическом хозяйстве и особенно к анализу того

преобразования всех условий жизни населения, которое производит машинная индустрия. По первому пункту теория установила, что машинная индустрия есть только одна стадия (именно высшая) капиталистического производства, и показала ее возникновение из мануфактуры. По второму пункту теория установила, что машинная индустрия является гигантским прогрессом в капиталистическом обществе не только потому, что она в громадной степени повышает производительные силы и обобществляет труд во всем обществе^[4], но также потому, что она разрушает мануфактурное разделение труда, делает необходимою переход рабочих от одних занятий к другим, разрушает окончательно отсталые патриархальные отношения, в особенности в деревне^[5], дает сильнейший толчок прогрессивному движению общества как по указанным причинам, так и вследствие концентрации индустриального населения. Прогресс этот сопровождается, как и все другие прогрессы капитализма, также и «прогрессом» противоречий, т. е. обострением и расширением их.

Читатель спросит, может быть, какой же интерес имеет разбор взглядов Сисмонди по такому общеизвестному вопросу и такое суммарное указание на новую теорию, с которой все «знакомы», с которой все «согласны».

А вот, чтобы посмотреть на это «согласие», мы и возьмем теперь наиболее видного народнического экономиста, [г. Н. —она](#), претендующего на строгое применение новейшей теории. В своих «Очерках», как известно, г. Н. —он одной из своих специальных задач поставил изучение капитализации русской текстильной индустрии, которая характеризуется как раз наибольшим приложением машин.

Спрашивается, на какой точке зрения стоит г. Н. —он в этом вопросе: на точке зрения Сисмонди (с которым, как мы видели, он разделяет точку зрения на весьма многие стороны капитализма) или на точке зрения новейшей теории? Является ли он по такому важному вопросу романтиком или... реалистом?^[6]

Мы видели, что первым отличием новейшей теории является исторический анализ возникновения машинной индустрии из капиталистической мануфактуры. Поставил ли г. Н. —он вопрос о возникновении русской машинной индустрии? Нет. Он дал, правда, указание, что ей предшествовала работа на дому на капиталиста и ручная «фабрика»^[7], но вопроса об отношении машинной индустрии к предшествующей стадии не только не разъяснил, но даже не «заметил», что *фабрикой* по научной терминологии нельзя было назвать *предшествующую стадию* (ручное производство на дому или в мастерской капиталиста), которая должна быть, несомненно, характеризована как *капиталистическая мануфактура*^[8].

Пусть не думает читатель, что это «пробел» неважный. Напротив, он имеет громадную важность. Во-1-х, г. Н. —он отождествляет таким образом *капитализм* с *машинной индустрией*. Это — грубая ошибка. Значение научной теории в том и состоит, что она выяснила настоящее место машинной индустрии как *одной стадии* капитализма. Если бы г. Н. —он стоял на точке зрения *этой теории*, мог ли бы он изображать рост и победу *машинной индустрии* «*борьбой двух хозяйственных форм*»: какой-то неизвестной «формы, основанной на владении крестьянством орудиями производства»^[9], и «капитализма» (стр. 2, 3, 66, 198 и др.), тогда как на деле мы видим *борьбу машинной индустрии с капиталистической мануфактурой*? Об этой *борьбе* г. Н. —он не сказал ни слова, хотя именно в текстильной индустрии, им специально взятой для изучения (стр. 79), по указанию, им же приведенному, происходила именно такая смена *двух форм капитализма*, извращенная г. Н. —оном в смену «народного производства» «капитализмом». Не очевидно ли, что в сущности его нимало не интересовал вопрос о *действительном* развитии машинной индустрии и что под «народным производством» прячется утопия совершенно во вкусе Сисмонди? Во-2-х, если бы г. Н. —он поставил вопрос об историческом развитии русской машинной индустрии, мог ли бы он говорить о «насаждении капитализма» (331, 283, 323 и др. стр.), основываясь на фактах правительственной поддержки и помощи — фактах, которые имели место и в Европе? Спрашивается, подражает ли он Сисмонди, который ведь совершенно так же говорил о «насаждении», — или представителю новейшей теории, изучавшему смену мануфактуры машинной индустрией? В-3-х, если бы г. Н. —он поставил вопрос об историческом развитии форм капитализма в России (в текстильной промышленности), мог ли бы он игнорировать существование капиталистической мануфактуры в русских «кустарных промыслах»?^[10] А если бы он *действительно* следовал теории и попытался прикоснуться научным анализом хоть к маленькому уголку этого тоже «народного производства», — что стало бы с его столь суздальски намалеванной картиной русского общественного хозяйства, изображающей какое-то туманное «народное производство» и оторванный от него «капитализм», охватывающий лишь «горсть» рабочих (с. 326 и др.)?

Резюмируем: по первому пункту, составляющему отличие новейшей теории машинной индустрии от романтической, г. Н. —он *ни в каком случае не может быть признан последователем первой*, ибо он не понимает даже необходимости поставить вопрос о возникновении машинной индустрии как *особой стадии капитализма* и замалчивает существование капиталистической мануфактуры, этой предшествующей машинам стадии капитализма. Вместо исторического анализа он подсовывает утопию «народного производства».

Второй пункт касается учения новейшей теории о преобразовании общественных отношений машинной индустрией. Г-н Н. —он и не пытался разобрать этот вопрос. Он много сетовал на капитализм, оплакивал фабрику (точь-в-точь как оплакивал ее Сисмонди), но он не сделал даже попытки изучить то преобразование общественных условий, которое совершила фабрика^[11]. Для этого потребовалось бы ведь именно сравнение машинной индустрии с *предшествующими стадиями*, которые у г. Н. —она отсутствуют. Точно так же точка зрения новейшей теории на машины, как на фактор прогресса *данного капиталистического общества*, — ему совершенно чужда. Опять-таки он даже и не поставил вопроса об этом^[12], да и не мог поставить, ибо этот вопрос является лишь результатом исторического изучения смены *одной формы капитализма* другою, а у г. Н. —она «капитализм» tout court^[13] сменяет... «народное производство».

Если бы мы на основании «исследования» г. Н. —она о капитализации текстильной индустрии в России задали вопрос: как смотрит г. Н. —он на машины? — то мы не могли бы получить другого ответа, кроме того, с которым знакомы уже по Сисмонди. Г-н Н. —он признает, что машины повышают производительность труда (еще бы этого не признавать!), — как и Сисмонди это признавал. Г-н Н. —он говорит, что вредны не машины, а капиталистическое употребление их, — как и Сисмонди. это говорил. Г-н Н. —он полагает, что «мы» упустили из виду, вводя машины, что производство должно соответствовать «народной потребительной способности», — как и Сисмонди это полагал.

И только. Больше г. Н. —он ничего не полагает. О тех вопросах, которые поставила и разрешила новейшая теория, г. Н.—он и знать не хочет, ибо он даже не попытался рассмотреть ни исторической смены разных форм капиталистического производства в России (хотя бы на взятом примере текстильной индустрии), ни роли машин как фактора прогресса в *данном* капиталистическом строе.

Итак, и по вопросу о машинах — этому крупнейшему вопросу теоретической экономии — г. Н. —он стоит на точке зрения Сисмонди. Г-н Н. —он *рассуждает совершенно как романтик*, что нисколько не мешает ему, разумеется, цитировать и цитировать.

Это относится не к одному примеру текстильной индустрии, а ко всем рассуждениям г-на Н. —она. Вспомните хоть вышеприведенный пример мукомольного производства. Указание на введение машин служит г. Н.—ону только поводом к сентиментальным сетованиям о том, что это повышение производительности труда не соответствует «народной потребительной способности». Тех преобразований в общественном строе, которые вносит вообще машинная индустрия (и которые она внесла действительно в России), он и не думал разобрать. Вопрос о том, были ли эти машины прогрессом в данном капиталистическом обществе, ему совершенно непонятен^[14].

А сказанное о г. Н. —оне *a fortiori*^[15] относится к остальным экономистам-народникам: народничество в вопросе о машинах до сих пор стоит на точке зрения мелкобуржуазного романтизма, заменяя экономический анализ сентиментальными пожеланиями.

- ↑ А мы видели уже неоднократно, что Эфруси везде старался проводить это сравнение Сисмонди с современной теорией.
- ↑ В изданиях 1898 и 1908 гг. текст: «отличия такой точки зрения от новейшей. Он не понимает» — отсутствует. *Ред.*
- ↑ «Сказать по правде, — говорит Зибер в начале этой главы, — излагаемое учение о машинах и о крупной индустрии представляет такой неисчерпаемый источник новых мыслей и оригинальных исследований, что, если бы кто вздумал взвесить относительные достоинства этого учения вполне, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не целую книгу» (с. 473).
- ↑ Сравнивая «сочетание труда» в общине и в капиталистическом обществе с машинной индустрией, Зибер вполне справедливо замечает: «Между „слагаемым“ общины и „слагаемым“ общества с машинной продукцией существует приблизительно такое же различие, как, напр., между *единицей* 10 и *единицей* 100» (с. 495).
- ↑ Зибер, назв. соч., с. 467.
- ↑ Слово «реалист» поставлено здесь вместо слова *марксист* исключительно по цензурным соображениям. По той же причине ссылки на «Капитал» заменены ссылками на книгу Зибера, пересказавшего «Капитал» Маркса. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)
- ↑ Стр. 108. Цитата из «Сборника стат. свед. по Московской губ.», т. VII, вып. III, с. 32 (статистики излагают здесь Корсака «О формах промышленности»): «Самая организация промысла с 1822 года совершенно изменяется, вместо самостоятельных кустарных производителей крестьяне становятся лишь исполнителями некоторых операций крупного фабричного производства, они ограничиваются лишь получением задельной платы».
- ↑ Зибер вполне справедливо указывал на непригодность обычной терминологии (фабрика, завод и т. п.) для научных исследований и на необходимость выделять машинную индустрию от капиталистической мануфактуры: стр. 474.
- ↑ Н. —он, с. 322. Отличается ли это хоть на йоту от идеализации патриархального крестьянского хозяйства у Сисмонди?
- ↑ Мы предполагаем здесь, что нет нужды доказывать этот общеизвестный факт. Стоит вспомнить павловский слесарный промысел, богородский кожевенный, кимрский сапожный, шапочный района Молвитина, гармонный и самоварный тульские, красносельский и рыбнослободский ювелирный, семеновский ложкарный, роговой в «Устьянщине», валяльный в Семеновском уезде Нижегородской губ. и т. д. Мы цитируем на память: если взять любое исследование кустарной промышленности, можно удлинить список до бесконечности.
- ↑ Мы просим не забывать, что научное значение этого термина не то, что обыденное. Наука ограничивает его применение только крупной машинной индустрией.
- ↑ Как поставил его, напр., [А. Волгин](#), «Обоснование народничества в трудах [г-на Воронцова \(В. В.\)](#)». СПб. 1896.
- ↑ попросту. *Ред.*
- ↑ В тексте намечаются, на основании теории Маркса, те задачи критики взглядов г. Н. —она, которые выполнены мною впоследствии в «Развитии капитализма». (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)
- ↑ тем более. *Ред.*

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/V

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [IV. В чем ошибка учений Ад. Смита и Сисмонди о национальном доходе?](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава I, V. Накопление в капиталистическом обществе
автор *В. И. Ленин*

[VI. Внешний рынок как «выход из затруднения» по реализации сверхстоимости](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 146—153

V. Накопление в капиталистическом обществе

Первый ошибочный вывод из ошибочной теории относится к накоплению. [Сисмонди](#) абсолютно не понял капиталистического накопления, и в горячем споре, который он вел по этому вопросу с [Рикардо](#), правда оказалась, в сущности, на стороне последнего. Рикардо утверждал, что производство само создает себе рынок, тогда как Сисмонди отрицал это, созидавая на таком отрицании свою теорию кризисов. Правда, и Рикардо не сумел исправить вышеуказанной основной ошибки [Смита](#), не сумел поэтому разрешить вопроса об отношении общественного капитала к доходу и о реализации продукта (Рикардо и не ставил себе этих вопросов), — но он инстинктивно характеризовал самую суть буржуазного способа производства, отмечая совершенно бесспорный факт, что накопление есть превышение производства над доходом. С точки зрения новейшего анализа это так и оказывается. Производство, действительно, само создает себе рынок: для производства необходимы средства производства — и они составляют особую область общественной продукции, занимающую известную долю рабочих, дающую особый продукт, реализуемый частью внутри самой этой области, частью в обмене с другой областью — производством предметов потребления. Накопление действительно есть превышение производства над доходом (предметами потребления). Чтобы расширять производство («накоплять» в категорическом значении термина), необходимо произвести сначала средства производства^[1], а для этого нужно, следовательно, расширение того отдела общественной продукции, который изготовляет средства производства, нужно *отвлечение к нему рабочих, которые уже предъявляют спрос и на предметы потребления*. Следовательно, «потребление» развивается *вслед за* «накоплением» или *вслед за* «производством», — как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом обществе. В развитии этих двух отделов капиталистической продукции не только не обязательна, следовательно, равномерность, а, напротив, неизбежна неравномерность. Известно, что закон развития капитала состоит в том, что постоянный капитал возрастает быстрее переменного, т. е. все большая и большая часть вновь образуемых капиталов обращается к тому отделу общественного хозяйства, который изготовляет средства производства. Следовательно, этот отдел необходимо растет быстрее того отдела, который изготовляет предметы потребления, т. е. происходит именно то, что объявлял «невозможным», «опасным» и т. д. Сисмонди. Следовательно, продукты личного потребления в общей массе капиталистического производства занимают все меньшее и меньшее место. И это вполне соответствует исторической «миссии» капитализма и его специфической социальной структуре: первая состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая исключает утилизацию их массой населения.

Мы можем теперь вполне оценить точку зрения Сисмонди на накопление. Его утверждения, что *быстрое* накопление ведет к бедствиям, совершенно ошибочны и проистекают лишь из непонимания накопления, точно так же, как многократные заявления и требования, чтобы производство не перегоняло потребления, ибо потребление определяет производство. На деле происходит именно обратное, и Сисмонди просто-напросто отворачивается от действительности в ее особой, исторически определенной форме, подставляя на место анализа мелкобуржуазную мораль. Особенно забавное впечатление производят попытки Сисмонди прикрасить эту мораль «научной» формулой. «Г. Сей и Рикардо, — говорит он в предисловии ко 2-му изданию „Nouveaux Principes“; — пришли к той доктрине... что потребление не имеет других пределов, кроме пределов производства, тогда как оно ограничено доходом... Они должны были бы предупредить производителей, что они должны рассчитывать только на потребителей, имеющих доход» (I, XIII)^[2]. Такая наивность вызывает в настоящее время только улыбку. Но не подобными ли вещами переполнены писания современных наших романтиков вроде гг. [В. В.](#) и [Н. —она?](#) «Пусть предприниматели банков подумают хорошенько...» найдется ли рынок для товаров? (II, 101—102). «Когда принимают рост богатства за цель общества, — всегда жертвуют целью средствам» (II, 140). «Если, вместо того, чтобы ожидать импульса от запроса труда (т. е. импульса производству от спроса рабочих на продукты), мы будем думать, что его даст предшествующее производство, — то мы сделаем почти то же, что сделали бы с часами, если бы, вместо того, чтобы повернуть назад колесо с цепочкой (la roue qui porte la chaînette), отодвинули бы назад другое колесо, — мы сломали бы тогда и остановили всю машину» (II, 454). Это говорит Сисмонди. Теперь послушаем г-на Николая —она. «Мы упустили из виду, на счет чего такое развитие (т. е. развитие капитализма) происходит, мы забыли и о цели какого бы то ни было производства... заблуждение крайне губительное...» (II, —

он, «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», 298). Оба эти писателя говорят о капитализме, о капиталистических странах; оба выказывают полное непонимание сущности капиталистического накопления. Но можно ли подумывать, что последний пишет 70 лет спустя после первого?

Каким образом непонимание капиталистического накопления связывается с ошибочным сведением всего производства к производству предметов потребления, — это показывает наглядно один пример, приводимый Сисмонди в главе VIII: «Результаты борьбы за удешевление производства» (книга IV: «О коммерческом богатстве»).

Положим, говорит Сисмонди, что владелец мануфактуры имеет оборотный капитал в 100000 франков, приносящий ему 15000, из коих 6000 составляют процент на капитал и отдаются капиталисту, а 9000 составляют предпринимательский барыш фабриканта. Положим, что он употребляет труд 100 рабочих, заработная плата коих составляет 30000 франков. Далее, пусть произойдет увеличение капитала, расширение производства («накопление»). Вместо 100000 фр. капитал будет = 200 000 фр., вложенных в основной капитал, и 200 000 — в оборотный, всего 400 000 фр.; прибыль и процент = 32 000 + 16 000 фр., ибо процент понизился с 6 % до 4 %. Число рабочих возросло вдвое, но заработная плата понизилась с 300 фр. до 200 фр. — всего, следовательно, 40 000 фр. Производство возросло, таким образом, вчетверо^[3]. И Сисмонди подсчитывает результаты: «доход» или «потребление» были сначала 45 000 фр. (30 000 заработная плата + 6000 процент + 9000 прибыль), а теперь 88 000 фр. (40 000 заработная плата + 16 000 процент + 32 000 прибыль). «Производство учетверилось, — говорит Сисмонди, — а потребление даже не удвоилось. *Не нужно считать потребление тех рабочих, которые изготовили машины. Оно покрыто 200 000 франков*, употребленных на это; оно составляет уже часть расчета другой мануфактуры, где окажутся те же факты» (I, 405—406).

Расчет Сисмонди доказывает уменьшение дохода при росте производства. Факт бесспорный. Но Сисмонди не замечает, что своим примером он побивает свою теорию реализации продукта в капиталистическом обществе. Курьезно его замечание, что потребление рабочих, произведших машины, «не нужно считать». Почему же? Потому, во-1-х, что оно *покрыто 200 000 фр.* Значит, капитал перенесен в область, изготовляющую *средства производства*, — этого Сисмонди не замечает. Значит, «внутренний рынок», о «сокращении» которого Сисмонди говорил, не исчерпывается предметами потребления, а состоит также в *средствах производства*. Эти средства производства составляют ведь особый продукт, «реализация» коего состоит *не в личном потреблении*, и чем быстрее идет накопление, тем сильнее развивается, след., та область капиталистической продукции, которая дает продукты не для личного, а для производительного потребления. Во-2-х, отвечает Сисмонди, это рабочие другой мануфактуры, где факты окажутся те же самые (*où les mêmes faits se représentent*). Как видите, это повторение смитовского отсылания читателя «от Понтия к Пилату». Но ведь в этой «другой мануфактуре» тоже употребляется *постоянный капитал*, и производство его тоже дает рынок тому подразделению капиталистической продукции, которое изготовляет средства производства! Сколько бы мы ни отодвигали вопрос от одного капиталиста к другому, от другого к третьему, — от этого указанное подразделение не исчезнет, и «внутренний рынок» не сведется к одним предметам потребления. Поэтому, когда Сисмонди говорит, что «этот расчет опровергает... одну из аксиом, на которой всего более настаивали в политической экономии, именно, что наиболее свободная конкуренция определяет наиболее выгодное развитие индустрии» (I, 407), то он не замечает, что «этот расчет» опровергает также и его самого. Бесспорен факт, что введение машин, вытесняя рабочих, ухудшает их положение, и бесспорна заслуга Сисмонди, который был одним из первых, указавших на это. Но это несколько не мешает его теории накопления и внутреннего рынка быть сплошной ошибкой. Его же расчет показывает наглядно как раз то явление, которое Сисмонди не только отрицал, но превращал даже в довод против капитализма, говоря, что накопление и производство должны соответствовать потреблению, иначе будет кризис. Расчет показывает именно, что накопление и производство *обгоняют* потребление и что иначе и дело идти не может, ибо накопление совершается главным образом на счет средств производства, которые в «потребление» не входят. То, что казалось Сисмонди простой ошибкой, противоречием в доктрине Рикардо — именно, что накопление есть превышение производства над доходом, — это на самом деле вполне соответствует действительности, выражая противоречие, присущее капитализму. Это превышение *необходимо* при всяком накоплении, открывающем новый рынок для *средств производства*, без соответственного увеличения рынка на предметы потребления, и даже при уменьшении этого рынка^[4]. Затем, отбрасывая учение о преимуществах свободной конкуренции, Сисмонди не замечает, что вместе с пустым оптимизмом он выбрасывает за борт несомненную истину, именно, что свободная конкуренция *развивает производительные силы общества*, как это явствует опять-таки из его же расчета. (Собственно, это лишь другое выражение того же факта создания особого подразделения промышленности, изготовляющего средства производства, и особенно быстрого развития его.) Это развитие производительных сил общества без соответственного развития потребления есть, конечно, противоречие, но именно такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма и от которого нельзя отговариваться чувствительными фразами.

А именно так отговариваются романтики. И чтобы читатель не заподозрил нас в голословном обвинении современных экономистов по поводу ошибок столь «устаревшего» писателя, как Сисмонди, приведем маленький образчик «новейшего» писателя, г. Н. — она. На стр. 242-й своих «Очерков» он рассуждает о развитии капитализма в русском мукомольном деле. Приводя указание на появление крупных паровых мельниц с усовершенствованными орудиями производства (на переустройство мельниц затрачено с 70-х годов около 100 миллионов рублей) и с производительностью труда, повысившейся более чем вдвое, автор характеризует описываемое явление так: «мукомольное дело не развивалось, а только сосредоточивалось в крупные предприятия»; затем распространяет эту характеристику на *все* отрасли промышленности (с. 243) и делает вывод, что «во всех без исключения случаях масса работников освобождается, не находит занятия» (243) и что «капиталистическое производство развивалось на счет народного потребления» (241). Мы спрашиваем читателя, отличается ли такое рассуждение хоть чем-нибудь от приведенного сейчас рассуждения Сисмонди? Этот «новейший» писатель констатирует два факта, те же самые, которые мы видели и на примере Сисмонди, и отделяется от обоих этих фактов такой же чувствительной фразой. Во-

1-х, его пример говорит, что развитие капитализма идет именно на счет средств производства. Это значит, что капитализм развивает производительные силы общества. Во-2-х, его пример говорит, что это развитие идет тем именно специфическим путем противоречий, который присущ капитализму: развивается производство (затрата 100 миллионов рублей — внутренний рынок на продукты, реализуемые неличным потреблением) без соответствующего развития потребления (народное питание ухудшается), т. е. происходит именно производство ради производства. И г. Н. — он думает, что это противоречие в жизни исчезнет, если он, с наивностью старичка Сисмонди, представит его только противоречием доктрины, только «гибельным заблуждением»: «мы забыли о цели производства»!! Что может быть характернее такой фразы: «не развивалось, а *только* сосредоточивалось»? Очевидно, г-ну Н. — ону известен такой капитализм, в котором бы развитие *могло идти иначе*, как путем *сосредоточения*. Как жаль, что он не познакомил нас с таким «самобытным», неведомым для всей предшествовавшей ему политической экономии капитализмом!

-
1. ↑ Напоминаем читателю, как подходил к этому Сисмонди, выделяя отчетливо эти средства производства для отдельной семьи и покушаясь сделать это выделение и для общества. Собственно говоря, «подходил» [Смит](#), а не Сисмонди, только пересказывающий его.
 2. ↑ Как известно, по этому вопросу (создает ли производство само себе рынок?) новейшая теория вполне примкнула к классикам, отвечавшим на него утвердительно, *против* романтизма, отвечавшего отрицательно. «*Настоящий предел капиталистического производства это — сам капитал*» («Das Kapital», III, I, 231 («Капитал», т. III, ч. I, стр. 231. *Ред.*)).
 3. ↑ «Первый результат конкуренции, — говорит Сисмонди, — понижение заработной платы и увеличение числа рабочих в то же время» (I, 403). Мы не останавливаемся здесь на неправильностях расчета у Сисмонди: он считает, напр., что прибыль будет 8 процентов на основной капитал и 8 % на оборотный, что число рабочих поднимется пропорционально увеличению оборотного капитала (который он не умеет как следует отделить от переменного), что основной капитал целиком входит в цену продукта. В данном случае все это неважно, ибо вывод получается правильный: уменьшение доли переменного капитала в общем составе капитала, как необходимый результат накопления.
 4. ↑ Из вышеприведенного анализа следует само собою, что возможен и такой случай, в зависимости от того, в какой мере распределяется новый капитал на постоянную и переменную часть и в какой мере уменьшение относительной доли переменного капитала охватывает старые производства.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/V&oldid=608740](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/V&oldid=608740)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/VI

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [V. Накопление в капиталистическом обществе](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава I, VI. Внешний рынок как «выход из затруднения» по реализации сверхстоимости

автор *В. И. Ленин*

[VII. Кризис](#)

→

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 153—158

VI. Внешний рынок как «выход из затруднения» по реализации сверхстоимости

Следующая ошибка [Сисмонди](#), вытекающая из ошибочной теории об общественном доходе и продукте в капиталистическом обществе, это — учение о невозможности реализовать продукт вообще и сверхстоимость в частности и, как следствие этой невозможности, необходимость внешнего рынка. Что касается до реализации продукта вообще, то вышеприведенный анализ показывает, что «невозможность» исчерпывается ошибочным исключением постоянного капитала и средств производства. Раз исправлена эта ошибка, — исчезает и «невозможность». Но то же самое приходится сказать и в частности о сверхстоимости: этот анализ разъясняет и ее реализацию. Нет решительно никаких разумных оснований выделять сверхстоимость из всего продукта по отношению к ее реализации. Обратное утверждение Сисмонди (и наших народников) — просто результат непонимания основных законов реализации вообще, неумения разделить три (а не две) части продукта по стоимости и два вида продуктов по материальной форме (средства производства и предметы потребления). Положение, что капиталисты не могут потребить сверхстоимость, есть только вульгаризованное повторение недоумений [Смита](#) насчет реализации вообще. Только часть сверхстоимости состоит из предметов потребления; другая же — из средств производства (напр., сверхстоимость железозаводчика). «Потребление» этой последней сверхстоимости совершается обращением ее на производство; капиталисты же, производящие продукт в форме средств производства, потребляют сами не сверхстоимость, а вымененный у других капиталистов *постоянный капитал*. Поэтому и народники, толкуя о невозможности реализовать сверхстоимость, логически должны прийти к признанию невозможности реализовать и постоянный *капитал*, — и, таким образом, они преблагополучно вернулись бы к Адаму... Разумеется, такое возвращение к «отцу политической экономии» было бы гигантским прогрессом для писателей, преподносящих нам старые ошибки под видом истин, до которых они «своим умом дошли»...

А внешний рынок? Не отрицаем ли мы необходимости внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет *абсолютно ничего общего с вопросом о реализации*, и попытка связать их в одно целое характеризует лишь романтические пожелания «задержать» капитализм и романтическую неспособность к логике. Теория, разъяснившая вопрос о реализации, показала это с полной точностью. Романтик говорит: капиталисты не могут потребить сверхстоимость и потому должны сбывать ее за границу. Спрашивается, не даром ли уже отдают капиталисты свои продукты иностранцам или не бросают ли они их в море? Продают — значит получают эквивалент; вывозят одни продукты — значит ввозят другие. Если мы говорим о реализации общественного продукта, то мы этим самым устраним уже денежное обращение и предполагаем лишь обмен продуктов на продукты, ибо вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать *возмещение* всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме. Поэтому начать рассуждение о реализации и кончить его тем, что «сбудут-де продукт за деньги», — так же смешно, как если бы на вопрос о реализации постоянного капитала в предметах потребления был дан ответ: «продадут». Это просто грубый логический промах: люди сбиваются с вопроса о реализации всего общественного продукта на точку зрения единичного предпринимателя, которого, кроме «продажи иностранцу», ничто дальше не интересует. Припугивать внешнюю торговлю, вывоз к вопросу о реализации — это значит увертываться от вопроса, *отодвигая* его лишь на более широкое поле, *но несколько не выясняя его*^[1]. Вопрос о реализации ни на йоту не подвинется вперед, если мы вместо рынка одной страны, возьмем рынок известного комплекса стран. Когда народники уверяют, что внешний рынок есть «выход из затруднения»^[2], которое ставит себе капитализм по реализации продукта, то они прикрывают этой фразой лишь то печальное обстоятельство, что для них «внешний рынок» есть «выход из затруднения», в которое они попадают, благодаря непониманию теории... Мало этого. Теория, связывающая внешний рынок с вопросом о реализации всего общественного продукта, не только показывает непонимание этой реализации, но еще содержит в себе к тому же *крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации*. «Рабочие потребят заработную плату, а капиталисты не могут потребить сверхстоимости». Вдумайтесь в эту «теорию» с точки зрения внешнего рынка. Откуда знаем мы, что «рабочие потребят заработную плату»? На каком основании можно думать, что продукты, предназначенные всем классом капиталистов данной страны на потребление всех рабочих данной страны, окажутся действительно *равными по стоимости их заработной плате* и возместят ее, что для *этих* продуктов не будет необходимости во внешнем рынке? Нет решительно никаких оснований так думать, и на деле это вовсе не так. Не только продукты (или части продуктов), возмещающие

сверхстоимость, но и продукты, возмещающие переменный капитал; не только продукты, возмещающие переменный капитал, но и продукты, возмещающие постоянный капитал (о котором забывают наши «экономисты», не помнящие родства... с Адамом); не только продукты, существующие в форме предметов потребления, но и продукты, существующие в форме средств производства, — все одинаково реализуются лишь среди «затруднений», среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции, которая *принуждает* каждого предпринимателя стремиться к безграничному расширению производства, выходя за пределы данного государства, отправляясь на поиски новых рынков в странах, еще не втянутых в капиталистическое обращение товаров. Мы подошли теперь и к вопросу о том, почему необходим внешний рынок для капиталистической страны? Совсем не потому, что продукт вообще не может быть реализован в капиталистическом строе. Это — вздор. Внешний рынок необходим потому, что капиталистическому производству *присуще* стремление к *безграничному* расширению — в противоположность всем старым способам производства, ограниченным пределами общины, вотчины, племени, территориального округа или государства. Между тем как при всех старых хозяйственных режимах производство возобновлялось каждый раз в том же виде и в тех же размерах, в которых шло раньше, — в капиталистическом строе это возобновление в том же виде становится *невозможным*, и законом производства становится *безграничное* расширение, вечное движение вперед^[3].

Таким образом, различное понимание реализации (вернее, понимание ее с одной стороны и полное непонимание с другой романтиками) ведет к двум диаметрально противоположным воззрениям на значение внешнего рынка. Для одних (романтиков) — внешний рынок есть показатель того «затруднения», которое *ставит* капитализм общественному развитию. Для других, наоборот, внешний рынок показывает, как капитализм *устраняет* те затруднения общественному развитию, которые поставила история в виде разных перегородок, общинных, племенных, территориальных, национальных^[4].

Как видите, разница только в «точке зрения»... Да, «только»! Отличие романтических судей капитализма от других состоит вообще «только» в «точке зрения», «только» в том, что одни судят сзади, а другие — спереди, одни — с точки зрения того строя, который капитализмом разрушается, другие — с точки зрения того, который капитализмом создается^[5].

Неправильное понимание внешнего рынка соединяется обыкновенно у романтиков с указаниями на «особенности» международного положения капитализма в данной стране, на невозможность найти рынок и т. п.; все эти аргументы стремятся «отклонить» капиталистов от поисков внешнего рынка. Говоря «указания», мы выражаемся, впрочем, неточно, ибо фактического анализа внешней торговли страны, ее поступательного движения в области новых рынков, ее колонизации и т. п. романтик не дает. Его вовсе не интересует изучение действительного процесса и выяснение его; ему нужна лишь *мораль против этого процесса*. Чтобы читатель мог убедиться в полной тождественности этой морали у современных русских романтиков и у французского романтика, приведем образчики рассуждений последнего. Как Сисмонди грозил капиталистам, что они не найдут рынка, это мы уже видели. Но он утверждал не только это. Он утверждал, что «мировой рынок уже достаточно снабжен» (II, 328), доказывая невозможность идти путем капитализма и необходимость избрать иной путь... Он уверял английских предпринимателей, что капитализм не сможет занять всех рабочих, освобождаемых фермерским хозяйством в земледелии (I, 255—256). «Те, кому приносят в жертву земледельцев, найдут ли сами какую-либо выгоду в этом? Ведь земледельцы — самые близкие и самые надежные потребители английских мануфактур. Прекращение их потребления нанесло бы индустрии удар, более гибельный, чем закрытие одного из самых крупных внешних рынков» (I, 256). Он уверял английских фермеров, что им не выдержать конкуренции бедного польского крестьянина, которому хлеб почти ничего не стоит (II, 257), что им грозит еще более страшная конкуренция русского хлеба из портов Черного моря. Он восклицал: «Американцы последовали новому принципу: производить, не взвешивая вопроса о рынке (*produire sans calculer le marché*), и производить как можно больше», и вот «характеристическая черта торговли Соединенных Штатов, с одного края страны до другого, — избыток товаров всякого рода над нуждами потребления... постоянные банкротства суть результат этого излишества торговых капиталов, которые не могут быть обменены на доход» (I, 455—456). Добрый Сисмонди! Что сказал бы он об Америке современной, — об Америке, развившейся так колоссально на счет того самого «внутреннего рынка», который, по теории романтиков, должен был «сокращаться»!

1. ↑ Это настолько ясно, что даже Сисмонди сознавал необходимость абстрагировать от внешней торговли при анализе реализации. «Чтобы проследить точнее эти расчеты, — говорит он о соответствии производства с потреблением, — и упростить вопрос, мы до сих пор совершенно абстрагировали от внешней торговли; мы предполагали изолированную нацию; человеческое общество само есть такая же изолированная нация, и все, что относится к нации без внешней торговли, относится точно так же и ко всему человеческому роду» (I, 115).
2. ↑ Н. — он, с. 205.
3. ↑ Ср. *Зибер*, «Давид Рикардо и т. д.». СПб. 1885, стр. 466, примечание.
4. ↑ Ср. ниже: «Rede über die Frage des Freihandels» («Речь о свободе торговли». *Ред.*).
5. ↑ Я говорю здесь лишь об оценке капитализма, а не о понимании его. В этом последнем отношении романтики стоят, как мы видели, не выше классиков.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/VI&oldid=604876](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/VI&oldid=604876)

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/VII

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [VI. Внешний рынок как «выход из затруднения» по реализации сверхстоимости](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава I, VII. Кризис
автор *В. И. Ленин*

[VIII. Капиталистическая рента и капиталистическое перенаселение](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 158—166

VII. Кризис

Третий ошибочный вывод [Сисмонди](#) из перенятой им неправильной теории [А. Смита](#) есть учение о кризисах. Из воззрения Сисмонди, что накопление (рост производства вообще) определяется потреблением, и из неверного объяснения реализации всего общественного продукта (сводимого к доле рабочих и доле капиталистов в доходе) вытекло естественно и неизбежно то учение, что кризисы объясняются несоответствием между производством и потреблением. Этой теории и держался целиком Сисмонди. Ее перенял и [Ролбертус](#), придав ей слегка измененную формулировку: он объяснял кризисы тем, что при росте производства доля рабочих в продукте уменьшается, причем весь общественный продукт он так же неправильно, как и А. Смит, делил на заработную плату и «фенту» (по его терминологии «фента» есть сверхстоимость, т. е. прибыль и поземельная рента вместе). Научный анализ накопления в капиталистическом обществе^[1] и реализации продукта подорвал все основания этой теории, указав также, что именно в эпохи, предшествующие кризисам, потребление рабочих повышается, что недостаточное потребление (объясняющее будто бы кризисы) существовало при самых различных хозяйственных режимах, а кризисы составляют отличительный признак только одного режима — капиталистического. Эта теория объясняет кризисы другим противоречием, именно противоречием между общественным характером производства (обобществленного капитализмом) и частным, индивидуальным способом присвоения. Глубокое различие этих теорий, казалось бы, ясно само собой, но мы должны остановиться подробнее на нем, ибо именно русские последователи Сисмонди стараются *стереть* это различие и спутать дело. Две теории кризисов, о которых мы говорим, дают им совершенно различные объяснения. Первая теория объясняет их противоречием между производством и потреблением рабочего класса, вторая — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Первая, след., видит корень явления *вне* производства (отсюда у Сисмонди, напр., общие нападки на классиков, что они игнорируют потребление, занимаясь только производством); вторая — именно в условиях производства. Говоря кратче, первая объясняет кризисы недостаточным потреблением (*Unterkonsumption*), вторая — беспорядочностью производства. Итак, обе теории, объясняя кризисы *противоречием* в самом строе хозяйства, совершенно расходятся в указании этого противоречия. Но спрашивается: отрицает ли вторая теория факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления? *Разумеется, нет.* Она вполне признает этот факт, но отводит ему надлежащее, подчиненное место, как факту, относящемуся лишь к одному подразделению всего капиталистического производства. Она учит, что этот факт не может объяснить кризисов, вызываемых другим, более глубоким, основным противоречием современной хозяйственной системы, именно противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Поэтому, что сказать о тех людях, которые, придерживаясь в сущности первой теории, прикрываются ссылками на то, как представители второй констатируют противоречие между производством и потреблением? Очевидно, эти люди *не вдумались* в основу различия двух теорий и не поняли, как следует, второй теории. К числу этих людей принадлежит, напр., [г. Н. — он](#) (не говоря уже о [г. В. В.](#)). На принадлежность их к последователям Сисмонди было уже указано в нашей литературе [г. Туган-Барановским](#) («Промышленные кризисы», с. 477, с странной оговоркой относительно г. Н. — она: «по-видимому»). Но г. Н. — он, толкуя о «сокращении внутреннего рынка» и о «понижении народной потребительной способности» (центральные пункты его воззрений), ссылается тем не менее на представителей второй теории, *констатирующих* факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления. Понятно, что такие ссылки показывают только характерную вообще для этого автора способность приводить неуместные цитаты и ничего более. Напр., все читатели, знакомые с его «Очерками», помнят, конечно, его «цитату» о том, что «рабочие, как покупатели товара, важны для рынка, но капиталистическое общество имеет стремление ограничить их минимумом цены, как продавцов собственного товара — рабочей силы» («Очерки», с. 178), помнят также, что г. Н. — он хочет выводить отсюда и «сокращение внутреннего рынка» (*ib.*, с. 203 и др.) и кризисы (с. 298 и др.). Но, приводя эту цитату (ничего не доказывающую, как мы разьяснили), наш автор *опускает конец* той выноски, из которой взята его цитата. Эта цитата представляла из себя *заметку, вставленную в рукопись* II отдела II тома «Капитала». Заметка эта была вставлена, «чтобы впоследствии развить ее обстоятельнее», и издатель рукописи отнес ее в примечание. *После приведенных слов в этой заметке говорится: «Однако все это относится только к следующему отделу»*^[2], — т. е. к третьему отделу. А что это за третий отдел? Это именно тот отдел, который содержит критику теории А. Смита о двух частях всего общественного продукта (вместе с вышеприведенным отзывом

о Сисмонди) и анализ «воспроизводства и обращения всего общественного капитала», т. е. реализации продукта. Итак, в подтверждение своих воззрений, повторяющих Сисмонди, наш автор цитирует заметку, относящуюся «только к отделу», опровергающему Сисмонди: «только к отделу», в котором показано, что капиталисты *могут* реализовать сверхстоимость и что внесение внешней торговли в анализ реализации есть нелепость...

Другая попытка стереть различие двух теорий и защитить старый романтический хлам ссылкой на новейшие учения содержится в статье Эффруси. Приведя теорию кризисов Сисмонди, Эффруси указывает на ее неверность («Р. Б.» № 7, с. 162). Указания его крайне неотчетливы и противоречивы. С одной стороны, он повторяет доводы противоположной теории, говоря, что предметами непосредственного потребления не исчерпывается национальный спрос. С другой стороны, он утверждает, что объяснение кризисов Сисмонди «указывает лишь на одно из многих обстоятельств, затрудняющих распределение национального производства соответственно спросу населения и его покупательной способности». Читателя приглашают, следовательно, думать, что объяснение кризисов заключается именно в «распределении» и что ошибка Сисмонди ограничивается неполным указанием причин, затрудняющих это распределение! По главное не в этом... «Сисмонди, — говорит Эффруси, — не остановился на вышеприведенном объяснении. Уже в 1-ом издании „Nouv. Princ.“ мы находим глубоко поучительную главу, озаглавленную „De la connaissance du marché“^[43]. В этой главе Сисмонди раскрывает нам основные причины нарушения равновесия между производством и потреблением (это заметьте!) с такой ясностью, какую мы в этом вопросе встречаем лишь у немногих экономистов» (ib.). И, приведя цитаты о том, что фабрикант не может знать рынка, Эффруси говорит: «Почти то же самое говорит [Энгельс](#)» (с. 163) — следует цитата о том, что фабрикант не может знать спроса. Приведя затем еще цитаты о «других препятствиях для установления равновесия между производством и потреблением» (с. 164), Эффруси уверяет, что «в них дается то самое объяснение кризисов, которое все более и более становится господствующим!» Даже более: Эффруси находит, что «мы в вопросе о причинах народнохозяйственных кризисов можем с полным правом смотреть на Сисмонди, как на родоначальника тех взглядов, которые позднее развиваются более последовательно и более ясно» (с. 168).

Но всем этим Эффруси обнаруживает полное непонимание дела! Что такое кризисы? — Перепроизводство, производство товаров, которые не могут быть реализованы, не могут найти спроса. Если товары не могут найти спроса, — значит, фабрикант, производя их, не знал спроса. Спрашивается теперь: неужели указать это условие возможности кризисов значит дать объяснение кризисам? Неужели Эффруси не понимал разницы между указанием возможности и объяснением необходимости явления? Сисмонди говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы, ибо в капиталистическом производстве не может быть равновесия производства с потреблением (т. е. не может быть реализован продукт). Энгельс говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы совсем не потому, чтобы вообще не мог быть реализован продукт. Это неверно: продукт может быть реализован. Кризисы необходимы потому, что коллективный характер производства приходит в противоречие с индивидуальным характером присвоения. И вот находится экономист, который уверяет, что Энгельс говорит «почти то же самое»; что Сисмонди дает «то же самое объяснение кризисов!» «Меня удивляет поэтому, — пишет Эффруси, — что г. Туган-Барановский... упустил из виду самое важное и ценное в учении Сисмонди» (с. 168). Но г. Туган-Барановский ничего не упустил из виду^[44]. Напротив, он с полной точностью указал то основное противоречие, к которому сводит дело новая теория (с. 455 и др.), и выяснил значение Сисмонди, который раньше указал на противоречие, проявляющееся в кризисах, но не сумел дать верного объяснения ему (с. 457: Сисмонди до Энгельса указывал на то, что кризисы вытекают из современной организации хозяйства; с. 491: Сисмонди излагал условия возможности кризисов, но «не всякая возможность осуществляется на деле»). А Эффруси совершенно в этом не разобрался и, свалив все в одну кучу, «удивляется», что у него выходит путаница! «Мы, правда, — говорит экономист „Русск. Богатства“, — у Сисмонди не находим тех выражений, которые теперь получили всеобщее право гражданства, вроде „анархии производства“, „отсутствия планомерности (Planlosigkeit) производства“, но сущность, скрывающаяся под этими выражениями, отмечена у него вполне ясно» (с. 168). С какой легкостью романтик новейший реставрирует романтика былых дней! Вопрос сводится к различию в словах! На деле вопрос сводится к тому, что Эффруси не понимает тех слов, которые повторяет. «Анархия производства», «отсутствие планомерности производства» — о чем говорят эти выражения? О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения. И мы спрашиваем всякого, знакомого с разбираемой экономической литературой: признавал ли это противоречие Сисмонди или Родбертус? Выводили ли они кризисы из этого противоречия? Нет, не выводили и не могли выводить, ибо *ни один из них совершенно не понимал этого противоречия*. Самая идея о том, что критику капитализма нельзя основывать на фразах о всеобщем благополучии^[45], или о неправильности «обращения, предоставленного самому себе»^[46], а необходимо основывать на характере эволюции производственных отношений, — была им абсолютно чужда.

Мы вполне понимаем, почему наши российские романтики употребляют все усилия, чтобы стереть различие между двумя указанными теориями кризисов. Это потому, что с указанными теориями самым непосредственным, самым тесным образом связаны принципиально различные отношения к капитализму. В самом деле, если мы объясняем кризисы невозможностью реализовать продукты, противоречием между производством и потреблением, то мы тем самым приходим к отрицанию действительности, пригодности того пути, по которому идет капитализм, объявляем его путем «ложным» и обращаемся к поискам «иных путей». Выводя кризисы из этого противоречия, мы должны думать, что, чем дальше развивается оно, *тем труднее* выход из противоречия. И мы видели, как Сисмонди с величайшей наивностью высказал именно это мнение, говоря, что если капитал накапливается медленно, то это еще можно снести; но если быстро, то это становится невыносимо. — Наоборот, если мы объясняем кризисы противоречием между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения, мы тем самым признаем действительность и прогрессивность капиталистического пути и отвергаем поиски «иных путей», как вздорный романтизм. Мы тем самым признаем, что, чем дальше развивается это противоречие, *тем легче* выход из него, и что выход заключается именно в развитии данного строя.

Как видит читатель, и тут мы встречаем различие «точек зрения»...

Вполне естественно, что наши романтики ищут теоретических подтверждений своим воззрениям. Вполне естественно, что эти поиски приводят их к старому хламу, давным-давно выброшенному Западной Европой. Вполне естественно, что они, чувствуя это, пытаются реставрировать этот хлам, то прямо прикрашивая романтиков Западной Европы, то провозя романтизм под флагом неуместных и извращенных цитат. Но они жестоко заблуждаются, если думают, что подобная контрабанда будет оставаться нераскрытой.

Заканчивая этим изложение *основной* теоретической доктрины Сисмонди и главнейших теоретических выводов, сделанных им из нее, мы должны сделать маленькое добавление, относящееся опять к Эфруси. В другой своей статье о Сисмонди (продолжение первой) он говорит: «Еще более интересными (сравнительно с учением о доходе с капитала) являются воззрения Сисмонди на различные виды доходов» («Р. Б.» № 8, с. 42). Сисмонди, дескать, так же, как и Родбертус, делит национальный доход на две части: «одна поступает владельцам земли и орудий производства, другая — представителям труда» (ib.). Следуют цитаты, в которых Сисмонди говорит о таком делении не только национального дохода, но и всего продукта: «Годовое производство, или результат всех работ, совершенных народом в течение года, также состоит из двух частей» и т. д. («N. Princ», I, 105, цит. в «Р. Б.» № 8, с. 43). «Процитированные места, — заключает наш экономист, — ясно доказывают, что Сисмонди вполне усвоил (!) ту самую классификацию народного дохода, которая играет у новейших экономистов такую важную роль, именно деление народного дохода на доход, основанный на труде, и на безтрудовой доход — *arbeitsloses Einkommen*. Хотя, вообще говоря, взгляды Сисмонди по вопросу о доходе не всегда ясны и определены, но в них все-таки проглядывает сознание различия, существующего между частнохозяйственным и народнохозяйственным доходом» (с. 43).

Процитированное место, скажем мы на это, ясно доказывает, что Эфруси вполне усвоил мудрость немецких учебников, но, несмотря на это (а, может быть, именно благодаря этому), совершенно проглядел теоретическую трудность вопроса о национальном доходе в отличие от индивидуального. Эфруси выражается очень неосторожно. Мы видели, что в первой половине своей статьи он называл «новейшими экономистами» теоретиков одной определенной школы. Читатель вправе будет подумать, что и на этот раз речь идет о них же. На самом же деле автор разумеет тут нечто совершенно иное. В качестве новейших экономистов фигурируют теперь уже немецкие *катедер-социалисты*. Защита Сисмонди состоит в том, что автор сближает его теорию с их учением. В чем же состоит учение этих «новейших» авторитетов Эфруси? — В том, что национальный доход делится на две части.

Да ведь это учение Ад. Смита, а вовсе не «новейших экономистов»! Разделяя доход на заработную плату, прибыль и ренту (кн. I, гл. VI «Богатства народов»; кн. II, гл. II), А. Смит противопоставлял два последних первому, именно, как безтрудовой доход, называя оба их вычетом из труда (кн. I, гл. VIII) и оспаривая мнение, что прибыль есть та же заработная плата за особого рода труд (кн. I, гл. VI). И Сисмонди, и Родбертус, и «новейшие» авторы немецких учебников просто повторяют это учение Смита. Различие между ними только то, что А. Смит сознавал, что ему не вполне удастся выделить национальный доход из национального продукта; сознавал, что он впадает в противоречие, выкидывая из последнего постоянный капитал (по современной терминологии), который им включался, однако, в единичный продукт. «Новейшие» же экономисты, повторяя ошибку А. Смита, облакали его учение только в более напыщенную форму («классификация национального дохода») и утрачивали сознание того противоречия, перед которым остановился А. Смит. Это — приемы, быть может, ученые, но вовсе не научные.

-
1. ↑ В связи с учением о том, что весь продукт в капиталистическом хозяйстве состоит из двух частей, находится у А. Смита и последующих экономистов ошибочное понимание «накопления единичного капитала». Именно, они учили, что накапливаемая часть прибыли целиком расходуется на заработную плату, тогда как на деле она расходуется: 1) на постоянный капитал и 2) на заработную плату. Сисмонди повторяет и эту ошибку классиков.
 2. ↑ «Das Kapital», II. Band, S. 304 («Капитал», т. II, стр. 304. *Ред.*). Русский перевод, с. 232. Курсив наш
 3. ↑ „О знании рынка“. *Ред.*
 4. ↑ В «Развитии капитализма» (стр. 16 и 19) (см. Сочинения, т. 3, глава I, § VI. *Ред.*) я уже отметил те неточности и ошибки у г. Туган-Барановского, которые привели его впоследствии к полному переходу в лагерь буржуазных экономистов. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)
 5. ↑ Cf. Sismondi, I. c., I, 8 (ср. Сисмонди, в цитированном месте, I, 8. *Ред.*).
 6. ↑ Родбертус. Кстати отметим, что *Бернштейн*, реставрируя вообще предрассудки буржуазной экономии, внес путаницу и по данному вопросу, утверждая, что теория кризисов *Маркса* не очень-то отличается от родбертусовской («Die Voraussetzungen etc.». Stuttg. 1899, S. 67 («Предпосылки и т. д.», Штутгарт, 1899, стр. 67. *Ред.*)) и что Маркс противоречит себе, признавая последней причиной кризисов ограниченность потребления масс. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/VII&oldid=608705](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/VII&oldid=608705)

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/VIII

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [VII. Кризис](#) **К характеристике экономического романтизма** — Глава I, VIII.
Капиталистическая рента и капиталистическое перенаселение
автор *В. И. Ленин*

[IX. Машины в капиталистическом обществе](#)
→

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 167—177

VIII. Капиталистическая рента и капиталистическое перенаселение

Продолжаем обзор теоретических воззрений [Сисмонди](#). Все главные его воззрения — те, которые характеризуют его в отличие от всех других экономистов, мы уже рассмотрели. Дальнейшие либо не играют столь важной роли в общем его учении, либо составляют вывод из предыдущих.

Отметим, что Сисмонди точно так же, как и [Родбертус](#), не разделял теории ренты [Рикардо](#). Не выдвигая своей собственной теории, он старался поколебать учение Рикардо соображениями более чем слабыми. Он выступает здесь чистым идеологом мелкого крестьянина; он не столько опровергает Рикардо, сколько отвергает вообще перенесение на земледелие категорий товарного хозяйства и капитализма. В обоих отношениях его точка зрения в высшей степени характерна для романтика. Гл. XIII 3-ей книги^[1] посвящена «теории г. Рикардо о ренте с земель». Заявив сразу о полном противоречии доктрины Рикардо его собственной теории, Сисмонди приводит такие возражения: общий уровень прибыли (на котором построена теория Рикардо) никогда не устанавливается, свободного перемещения капитала в земледелии нет. В земледелии надо рассматривать внутреннюю ценность продукта (*la valeur intrinsèque*), не зависящую от колебаний рынка и предоставляющую владельцу «чистый продукт» (*produit net*), «труд природы» (I, 306). «Труд природы есть сила, источник чистого продукта земли, рассматриваемого в его внутренней стоимости» (*intrinsèquement*) (I, 310). «Мы рассматривали ренту (*le fermage*), или, вернее, чистый продукт, как происходящий непосредственно из земли в пользу собственника; он не отнимает никакой доли ни у фермера, ни у потребителя» (I, 312). И это повторение старых физиократических предрассудков заключается еще моралью: «Вообще в политической экономии следует беречься (*se défier*) абсолютных предположений, точно так же, как и абстракций» (I, 312)! В такой «теории» нечего даже и разбирать, ибо одного маленького примечания Рикардо против «труда природы» более чем достаточно^[2]. Это просто отказ от анализа и гигантский шаг назад сравнительно с Рикардо. С полной наглядностью сказывается и тут романтизм Сисмонди, который спешит осудить данный процесс, боясь прикоснуться к нему анализом. Заметьте, что он ведь не отрицает того факта, что земледелие развивается в Англии капиталистически, что крестьяне заменяются фермерами и поденщиками, что на континенте дела развиваются в том же направлении. Он просто отворачивается от этих фактов (которые он обязан был рассмотреть, рассуждая о капиталистическом хозяйстве), предпочитая сентиментальные разговоры о предпочтительности системы патриархальной эксплуатации земли. Точь-в-точь так же поступают и наши народники: никто из них и не пытался отрицать того факта, что товарное хозяйство проникает в земледелие, что оно не может не производить радикального изменения в общественном характере земледелия, — но в то же время никто, рассуждая о капиталистическом хозяйстве, не ставит вопроса о росте торгового земледелия, предпочитая отделяться сентенциями о «народном производстве». Так как здесь мы ограничиваемся пока разбором теоретической экономии Сисмонди, то более подробное ознакомление с этой «патриархальной эксплуатацией» откладываем до дальнейшего.

Другим теоретическим пунктом, около которого вращается изложение Сисмонди, является учение о населении. Отметим отношение Сисмонди к теории [Мальтуса](#) и к излишнему населению, создаваемому капитализмом.

Эффуси уверяет, что Сисмонди согласен с Мальтусом лишь в том, что население может размножаться с чрезвычайной быстротой, служа источником чрезвычайных страданий. «В дальнейшем они являются полнейшими антиподами. Сисмонди ставит весь вопрос о населении на социально-историческую почву» («Р. Б.» № 7, с. 148). И в этой формулировке Эффуси совершенно затушевывает характерную точку зрения Сисмонди (именно мелкобуржуазную) и его романтизм.

Что значит «ставить вопрос о населении на социально-историческую почву»? Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой. Какую систему изучал Сисмонди? Капиталистическую. Итак, сотрудник «Русск. Богатства» полагает, что Сисмонди изучал капиталистический закон народонаселения. В этом утверждении есть доля истины, но только *доля*. А так как Эффуси и не думал разбирать, чего недоставало Сисмонди в его рассуждениях о народонаселении, и так как Эффуси утверждает, что «Сисмонди является здесь предшественником самых выдающихся новейших экономистов»^[3] (с. 148), — то в результате получается совершенно такое же

подкрашивание мелкобуржуазного романтика, какое мы видели по вопросу о кризисах и о национальном доходе. В чем состояло сходство учения Сисмонди с новой теорией по этим вопросам? В том, что Сисмонди указал на противоречия, свойственные капиталистическому накоплению. Это сходство Эфруси отметил. В чем состояло различие Сисмонди от новой теории? В том, во-1-х, что он ни на йоту не двинул вперед научного анализа этих противоречий и в некоторых отношениях сделал даже шаг назад сравнительно с классиками, — во-2-х, в том, что он прикрывал свою неспособность к анализу (отчасти свое нежелание производить анализ) мелкобуржуазной моралью о необходимости соотносить национальный доход с расходом, производством с потреблением и т. п. Этого различия Эфруси ни по одному из указанных пунктов *не отметил* и тем совершенно неправильно представил настоящее значение Сисмонди и его отношение к новейшей теории. Совершенно то же самое видим мы и по данному вопросу. Сходство Сисмонди с новейшей теорией и здесь ограничивается *указанием на противоречие*. Различие и здесь состоит в отсутствии научного анализа и в мелкобуржуазной морали вместо такого анализа. Поясним это.

Развитие капиталистической машинной индустрии с конца прошлого века повело за собой образование излишнего населения, и пред политической экономией встала задача объяснить это явление. Мальтус пытался, как известно, объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхождение его из известного, исторически определенного, строя общественного хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемые этим фактом противоречия. Сисмонди указал на эти противоречия и на вытеснение населения машинами. В этом указании его неоспоримая заслуга, ибо в ту эпоху, когда он писал, такое указание было новостью. Но посмотрим, как он отнесся к этому факту.

В 7-ой книге («О населении») 7-ая глава специально говорит «о населении, сделавшемся излишним вследствие изобретения машин». Сисмонди констатирует, что «машин вытесняют людей» (р. 315, II, VII), и сейчас же ставит вопрос, есть ли изобретение машин выгода для нации или несчастье? Понятно, что «решение» этого вопроса для всех стран и времен вообще, а не для капиталистической страны состоит в бессодержательнейшей банальности: выгода — тогда, когда «спрос на потребление превышает средства производства в руках населения» (*les moyens de produire de la population*) (II, 317), и бедствие — «когда производство вполне достаточно для потребления». Другими словами: констатирование противоречия служит у Сисмонди лишь поводом для рассуждений о каком-то абстрактном обществе, в котором уже нет никаких противоречий и к которому применима мораль расчетливого крестьянина! Сисмонди и не пытается анализировать это противоречие, разобрать, как оно складывается, к чему ведет и т. д. в данном капиталистическом обществе. Нет, он пользуется этим противоречием лишь как материалом для своего нравственного негодования против такого противоречия. Все дальнейшее содержание главы не дает абсолютно ничего по данному теоретическому вопросу, исчерпываясь сетованиями, жалобами и невинными пожеланиями. Вытесняемые рабочие были потребителями... сокращается внутренний рынок... что касается внешнего, то мир уже достаточно снабжен... умеренное довольство крестьян лучше гарантировало бы сбыт... нет более поразительного, ужасающего примера, как Англия, которой следуют государства континента — вот какие сентенции дает Сисмонди вместо анализа явления! Его отношение к предмету точь-в-точь таково, как и отношение наших народников. Народники тоже ограничиваются одним констатированием факта избыточности населения и утилизируют этот факт лишь для сетований и жалоб на капитализм (ср. [Н. — он, В. В.](#) и т. п.). Как Сисмонди не пытается даже анализировать, в каком отношении к требованиям капиталистического производства находится это излишнее население, — так и народники никогда и не ставили себе подобного вопроса.

Полная неправильность подобного приема была выяснена научным анализом этого противоречия. Этот анализ установил, что избыточное население, представляя из себя, несомненно, противоречие (рядом с избыточным производством и избыточным потреблением) и будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время *необходимой составной частью* капиталистического механизма^[4]. Чем дальше развивается крупная индустрия, тем большим колебаниям подвергается спрос на рабочих, в зависимости от кризисов или периодов процветания во всем национальном производстве или в каждой отдельной отрасли его. Эти колебания — закон капиталистического производства, которое *не могло бы существовать*, если бы не было избыточного населения (т. е. превышающего *средний* спрос капитализма на рабочих), готового в каждый данный момент доставить рабочие руки для любой отрасли промышленности или для любого предприятия. Анализ показал, что избыточное население образуется во всех отраслях промышленности, куда только проникает капитализм, — и в земледелии точно так же, как в промышленности, — и что избыточное население существует в разных формах. Главных форм три^[5]: 1) *Перенаселение текучее*. К нему принадлежат незанятые рабочие в промышленности. С развитием промышленности необходимо растет и число их. 2) *Перенаселение скрытое*. К нему принадлежит сельское население, теряющее свое хозяйство с развитием капитализма и не находящее неземледельческих занятий. Это население всегда готово доставить рабочие руки для любых предприятий. 3) *Перенаселение застойное*. Оно занято «в высшей степени неправильно», при условиях, стоящих ниже обычного уровня. Сюда относятся главным образом работающие дома на фабрикантов и на магазины, как сельские жители, так и городские. Совокупность всех этих слоев населения и составляет *относительно избыточное население*, или *резервную армию*. Последний термин отчетливо показывает, о каком населении идет речь. Это — рабочие, которые необходимы капитализму для *возможного* расширения предприятий, но которые никогда не могут быть заняты постоянно.

Таким образом, и по данному вопросу теория пришла к выводу, который диаметрально противоположен выводу романтиков. Для последних избыточное население означает невозможность капитализма или «ошибочность» его. На самом же деле — как раз наоборот: избыточное население, являясь необходимым дополнением избыточного производства, составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, *без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться*. Эфруси и тут совершенно неправильно представил дело, умолчав об этом положении новейшей теории.

Простого сопоставления двух указанных точек зрения достаточно для суждения о том, к какой из них примыкают наши народники. Вышеизложенная глава из Сисмонди могла бы с полнейшим правом фигурировать в «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства» г. Н. — она.

Констатируя образование избыточного населения в пореформенной России, народники никогда не ставили вопроса о потребностях капитализма в резервной армии рабочих. Могли ли бы быть построены железные дороги, если бы не образовывалось постоянно избыточное население? Известно ведь, что спрос на такого рода труд сильно колеблется по годам. Могла ли развиться промышленность без этого условия? (В периоды горячки она требует массы строительных рабочих для вновь воздвигаемых фабрик, зданий, складов и т. п. и всякого рода вспомогательной поденной работы, занимающей большую часть так называемых отхожих неземледельческих промыслов.) Могло ли без этого условия создаться капиталистическое земледелие наших окраин, требующее сотен тысяч и миллионов поденщиков, причем колебания спроса на этот труд, как известно, непомерно велики? Могло ли бы иметь место без образования избыточного населения феноменально быстрое сведение лесов предпринимателями-лесопромышленниками на нужды фабрик? (Лесные работы принадлежат тоже к числу наихудше оплачиваемых и наихудше обставленных, как и другие формы труда сельских жителей на предпринимателей.) Могла ли без этого условия развиться система раздачи работы на дома в городах и деревнях купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явление в так называемых кустарных промыслах? Во всех этих отраслях труда (развившихся главным образом после реформы) колебания спроса на наемный труд крайне велики. А ведь размер колебаний такого спроса определяет размер избыточного населения, *требуемого* капитализмом. Экономисты-народники нигде не показали, чтобы им был известен этот закон. Мы не намерены, конечно, входить здесь в разбор этих вопросов по существу^[6]. Это не входит в нашу задачу. Предмет нашей статьи — западноевропейский романтизм и его отношение к русскому народничеству. И в данном случае отношение это оказывается таким же, как во всех предыдущих: по вопросу об избыточном населении народники стоят целиком на точке зрения романтизма, которая диаметрально противоположна точке зрения новейшей теории. Капитализм не занимает освобождаемых рабочих, говорят они. Значит, он невозможен, «ошибочен» и т. п. Вовсе еще это не «значит». Противоречие не есть невозможность (*Widerspruch* не то, что *Widersinn*). Капиталистическое накопление, это настоящее производство ради производства, есть тоже противоречие. Но это не мешает ему существовать и быть законом определенной системы хозяйства. То же самое надо сказать и о всех других противоречиях капитализма. Приведенное народническое рассуждение «значит» только, что в российскую интеллигенцию глубоко въелся порок отговариваться от всех этих противоречий фразами.

Итак, Сисмонди не дал абсолютно ничего для *теоретического анализа* перенаселения. Но как же он смотрел на него? Его взгляд складывается из оригинального сочетания мелкобуржуазных симпатий и мальтузианства. «Великий порок современной социальной организации, — говорит Сисмонди, — тот, что бедный не может никогда знать, на какой спрос труда он может рассчитывать» (II, 261), и Сисмонди вздыхает о тех временах, когда «деревенский сапожник» и мелкий крестьянин точно знали свои доходы. «Чем более бедняк лишен всякой собственности, тем более подвергается он опасности ошибиться насчет своего дохода и содействовать созданию такого населения (*contribuer à accroître une population. . .*), которое, не будучи в соответствии со спросом на труд, не найдет средств к жизни» (II, 263—264). Видите: этому идеологу мелкой буржуазии мало того, что он желал бы задержать все общественное развитие ради сохранения патриархальных отношений полудикого населения. Он готов предписывать какое угодно калечение человеческой природы, лишь бы оно служило сохранению мелкой буржуазии. Вот еще несколько выписок, которые не оставляют сомнения насчет этого последнего пункта:

Еженедельная расплата на фабрике с полунищим рабочим приучила его не смотреть на будущее дальше следующей субботы: «в нем притупили таким образом нравственные качества и чувство симпатии» (II, 266), состоящие, как мы сейчас увидим, в «супружеском благоразумии»!.. — «его семья будет становиться тем многочисленнее, чем более она в тягость обществу; и нация будет страдать (*gémir*) под гнетом населения, не приведенного в соответствие (*disproportionnée*) с средствами его содержания» (II, 267). Сохранение мелкой собственности во что бы то ни стало — вот лозунг Сисмонди — хотя бы даже ценой понижения жизненного уровня и извращения человеческой природы! И Сисмонди, поговоривши, с видом государственного человека, о том, когда «желателен» рост населения, посвящает особую главу нападкам на религию за то, что она не осуждала «неблагоразумных» браков. Раз только затронут его идеал — мелкий буржуа, Сисмонди является более мальтузианцем, чем сам Мальтус. «Дети, рождающиеся лишь для нищеты, — поучает Сисмонди религию, — рождаются также только для порока. . . Невежество в вопросах социального строя заставило их (представителей религии) вычеркнуть целомудрие из числа добродетелей, свойственных браку, и было одной из тех постоянно действующих причин, которые разрушают соответствие, естественно устанавливающееся между населением и его средствами существования» (II, 294). «Религиозная мораль должна учить людей, что, возобновив семью, они не менее обязаны жить целомудренно со своими женами, чем холостяки с женщинами, им не принадлежащими» (II, 298). II Сисмонди, претендующий вообще не только на звание теоретика-экономиста, но и на звание мудрого администратора, тут же подсчитывает, что для «возобновления семьи» требуется «в общем и среднем три рождения», и дает совет правительству «не обманывать людей надеждой на независимое положение, позволяющее заводить семью, когда это обманчивое учреждение (*cet établissement illusoire*) оставит их на произвол страданий, нищеты и смертности» (II, 299). «Когда социальная организация не отделяла класса трудящегося от класса, владеющего какой-нибудь собственностью, одного общественного мнения было достаточно для предотвращения бича (*le fléau*) нищенства. Для земледельца — продажа наследия его отцов, для ремесленника — растрата его маленького капитала всегда заключают в себе нечто постыдное. . . Но в современном строе Европы. . . люди, осужденные не иметь никогда никакой собственности, не могут чувствовать никакого стыда перед обращением к нищенству» (II, 306—307). Трудно рельефнее выразить тупость и черствость мелкого собственника! Из теоретика Сисмонди превращается здесь в практического советчика, проповедующего ту мораль, которой, как известно, с таким успехом следует французский крестьянин. Это не только Мальтус, но вдобавок Мальтус, выкроенный нарочито по мерке мелкого буржуа. Читая эти главы Сисмонди, невольно вспоминаешь страстно-гневные выходки Прудона, доказывавшего, что мальтузианство есть проповедь супружеской практики. . . некоторого противоестественного порока^[7].

1. ↑ Характерна уже и самая система изложения: 3-я книга трактует о «богатстве территориальном» (*richesse territoriale*), земельном, т. е. о земледелии. Следующая, 4-я, книга «о богатстве торговом» (*de la richesse commerciale*) — о промышленности и торговле. Как будто бы земельный продукт и самая земля не становились тоже товаром при господстве капитализма! Поэтому между двумя этими книгами не оказывается и соответствия. Промышленность трактуется только в ее капиталистической форме, современной Сисмонди. Земледелие же описывается в виде разношерстного перечня всяческих систем эксплуатации земли: эксплуатация патриархальная, рабская, полоническая, барщинная, оброчная, фермерская, эфитевическая (сдача в вечно-наследственную аренду). В результате полная путаница: автор не дает ни истории земледелия, ибо все эти «системы» между собой не связаны, ни анализа земледелия в капиталистическом хозяйстве, хотя это последнее — настоящий предмет его сочинения и хотя о промышленности он говорит только в ее капиталистической форме.
2. ↑ *Рикардо*. Сочинения, перевод [Зибера](#), стр. 35: «Разве природа ничего не делает для человека в мануфактурной промышленности? Разве силы ветра и воды, приводящие в действие наши машины и оказывающие пособие мореплаванию, не имеют никакого значения? Давление атмосферы и упругость пара, посредством которых мы приводим в движение самые удивительные машины, — разве это не дары природы? Не говоря о действии теплоты, размягчающей и расплавляющей металлы, и об участии воздуха в процессах окрашивания и брожения, нет ни одной отрасли мануфактуры, в которой бы природа не оказывала помощи человеку, и притом помощи даровой и щедрой».
3. ↑ Оговариваемся, впрочем, что мы не можем наверное знать, кто фигурирует тут у Эфруси в качестве «самого выдающегося новейшего экономиста», представитель ли известной, безусловно чуждой романтизму школы или автор самого толстого хандбуха?
4. ↑

Впервые, насколько известно, эта точка зрения на избыточное население была высказана [Энгельсом](#) в «*Die Lage der arbeitenden Klasse in England*» (1845) («Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*). Описавши обычный промышленный цикл английской промышленности, автор говорит:

«Отсюда ясно, что английская промышленность должна иметь во всякое время, за исключением кратких периодов высшего процветания, незанятую резервную армию рабочих, — для того, чтобы иметь возможность производить массы товаров, требуемых рынком в наиболее оживленные месяцы. Эта резервная армия расширяется или суживается, смотря по состоянию рынка, дающего занятие большей или меньшей части ее членов. И если в момент наибольшего оживления рынка земледельческие округа и отрасли промышленности, наименее затронутые общим процветанием, дают временно мануфактурам известное количество рабочих, то таковых небольшое меньшинство, и они принадлежат точно так же к резервной армии, с тем единственным различием, что именно быстрое процветание требовалось для того, чтобы вскрыть их принадлежность к этой армии».

В последних словах важно отметить отнесение к резервной армии части земледельческого населения, временно обращающегося к промышленности. Это именно то, что позднейшая теория назвала скрытой формой избыточного населения (см. «Капитал» [Маркса](#)).

5. ↑ Ср. *Зибера*. «Давид Рикардо и т. д.», с. 552—553. СПб. 1885.
6. ↑ Поэтому мы не касаемся здесь того весьма оригинального обстоятельства, что основанием не *считать* всех этих очень многочисленных рабочих служит для народников-экономистов отсутствие регистрации их.
7. ↑ См. приложение к русскому переводу «Опыта о народонаселении» Мальтуса. (Перевод [Бибикова](#), СПб. 1868.) Отрывок из сочинения Прудона «О справедливости».

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/VIII&oldid=601360](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/VIII&oldid=601360)

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/X

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [IX. Машины в](#)

[капиталистическом обществе](#)

К характеристике экономического

романтизма — Глава I, X. Протекционизм

автор *В. И. Ленин*

[XI. Общее значение Сисмонди в истории](#)

[политической экономики](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 185—192

X. Протекционизм

Последний теоретический вопрос, интересующий нас в системе воззрений [Сисмонди](#), — вопрос о протекционизме. В «Nouveaux Principes» уделено этому вопросу не мало места, но он разбирается там больше с практической стороны — по поводу движения против хлебных законов в Англии. Этот последний вопрос мы разберем ниже, ибо он включает в себя еще другие, более широкие вопросы. Здесь же нас интересует пока лишь *точка зрения* Сисмонди на протекционизм. Интерес этого вопроса заключается не в каком-нибудь еще новом экономическом понятии Сисмонди, не вошедшем в предыдущее изложение, а в понимании им связи между «экономикой» и «надстройкой». Эффруси уверяет читателей «Р. Б—ва», что Сисмонди — «один из первых и самых талантливых предшественников современной исторической школы», что он восстает «против изолирования экономических явлений от всех других социальных факторов». «В трудах Сисмонди проводится тот взгляд, что хозяйственные явления не должны быть изолируемы от других социальных факторов, что они должны изучаться в связи с фактами социально-политического характера» («Р. Б.» № 8, 38—39). Вот мы и посмотрим на взятом примере, как понимал Сисмонди связь хозяйственных явлений с социально-политическими.

«Запрещения ввоза, — говорит Сисмонди в главе «о таможня» (I. IV, ch. XI), — так же неразумны и так же гибельны, как и запрещения вывоза: они изобретены для того, чтобы подарить нации мануфактуру, которой она еще не имела; и нельзя отрицать, что для начинающей индустрии они равняются самой сильной поощрительной премии. Эта мануфактура производит, может быть, едва сотую часть всего потребляемого нацией количества товаров данного рода: сто покупателей должны будут соперничать друг с другом, чтобы получить товар от единственного продавца, а девяносто девять, которым он откажет, будут вынуждены пробавляться контрабандными товарами. В этом случае потеря для нации будет равна 100, а выгода — равна 1. Какие бы выгоды ни давала нации эта новая мануфактура, — нет сомнения, что их слишком мало, чтобы оправдать столь большие жертвы. Всегда можно бы было найти менее расточительные средства для того, чтобы вызвать к деятельности такую мануфактуру» (I, 440—441).

Вот как просто разрешает этот вопрос Сисмонди: протекционизм «неразумен», ибо «нация» от него теряет!

О какой «нации» говорит наш экономист? С какими хозяйственными отношениями он сопоставляет данный социально-политический факт? Он не берет никаких определенных отношений, он рассуждает *вообще* о нации, какой она *должна бы быть по его представлениям о должном*. А эти представления о должном, как мы знаем, построены на исключении капитализма и на господстве мелкого самостоятельного производства.

Но ведь это же совершенная нелепость — сопоставлять социально-политический фактор, относящийся к данному хозяйственному строю и только к нему, с каким-то воображаемым строем. Протекционизм есть «социально-политический фактор» капитализма, а Сисмонди сопоставляет его не с капитализмом, а с какой-то нацией *вообще* (или с нацией мелких самостоятельных производителей). Он мог бы, пожалуй, сопоставить протекционизм хоть с индийской общиной и получить еще более наглядную «неразумность» и «губительность», но эта «неразумность» относилась бы точно так же к его сопоставлению, а не к протекционизму. Сисмонди приводит детский расчетец, чтобы доказать, что покровительство выгодно очень немногим на счет массы. Но это нечего и доказывать, ибо это явствует уже из самого понятия протекционизма (все равно, будет ли это прямая выдача премии или устранение иностранных конкурентов). Что протекционизм выражает собой общественное противоречие, это — бесспорно. Но разве в хозяйственной жизни того строя, который создал протекционизм, нет противоречий? Напротив, она вся полна противоречий, и Сисмонди сам отмечал эти противоречия во всем своем изложении. Вместо того, чтобы *вывести* это противоречие из тех противоречий хозяйственного строя, которые он сам же констатировал, Сисмонди *игнорирует* экономические противоречия, превращая свое рассуждение в совершенно бессодержательное «невинное пожелание». Вместо того, чтобы сопоставить это учреждение, служащее, по его словам, выгоде небольшой группы, с положением этой группы во всем хозяйстве страны и с интересами этой группы, он сопоставляет его с абстрактным положением об «общем благе». Мы видим, следовательно, что, в противоположность утверждению Эффруси,

Сисмонди именно *изолирует* хозяйственные явления от остальных (рассматривая протекционизм вне связи с хозяйственным строем) и совершенно *не понимает связи* между экономическими и социально-политическими фактами. Приведенная нами тирада содержит *все*, что он может дать, как теоретик, по вопросу о протекционизме: остальное — лишь пересказ этого. «Сомнительно, чтобы правительства вполне понимали, какой ценой они покупают эту выгоду (развитие мануфактур) и те страшные жертвы, какие они налагают на потребителей» (I, 442—443). «Правительства Европы желали насиловать природу» (*faire violence à la nature*). Какую природу? Не природу ли капитализма «насилует» протекционизм? «Нацию принудили, так сказать (*en quelque sorte*), к ложной деятельности» (I, 448). «Некоторые правительства дошли до того, что платят своим купцам, чтобы дать им возможность продавать дешевле; чем более странна эта жертва, чем более она противоречит самым простым расчетам, тем более приписывают ее высшей политике... Правительства платят своим купцам на счет своих подданных» (I, 421), и т. п., и т. п. Вот какими рассуждениями угощает нас Сисмонди! В других местах он, делая как бы вывод из этих рассуждений, называет капитализм «искусственным» и «насажденным» (I, 379, *orulence factice*), «тепличным» (II, 456) и т. п. Начавши с подстановки невинных пожеланий на место анализа данных противоречий, он приходит к прямому извращению действительности в угоду этим пожеланиям. Выходит, что капиталистическая промышленность, которую так усердно «поддерживают», слаба, беспочвенна и т. п., не играет преобладающей роли в хозяйстве страны, что эта преобладающая роль принадлежит, *следовательно*, мелкому производству, и т. д. Тот несомненный и неоспоримый факт, что протекционизм создан лишь определенным хозяйственным строем и определенными противоречиями этого строя, что он выражает реальные интересы реального класса, играющего *преобладающую* роль в народном хозяйстве, — превращен в ничто, даже в свою противоположность посредством нескольких чувствительных фраз! Вот еще образчик (по поводу протекционизма земледельческого, — I, 265, глава о хлебных законах):

«Англичане представляют нам свои крупные фермы единственным средством улучшить агрикультуру, то есть доставить себе большее изобилие сельскохозяйственных продуктов по более дешевой цене, — а на самом деле они, как раз наоборот, производят их дороже...»

Замечательно характерен этот отрывок, так рельефно показывающий те приемы романтических рассуждений, которые усвоены целиком русскими народниками! Факт развития фермерства и технического прогресса, связанного с ним, изображается в виде преднамеренно введенной системы: англичане (т. е. английские экономисты) представляют эту систему усовершенствования агрикультуры единственным средством. Сисмонди хочет сказать, что «могли бы быть» и другие средства поднять ее, помимо фермерства, т. е. опять-таки «могли бы быть» в каком-нибудь абстрактном обществе, а не в том реальном обществе определенного исторического периода, «обществе», основанном на товарном хозяйстве, о котором говорят английские экономисты и о котором должен бы был говорить и Сисмонди. «Улучшение агрикультуры, *то есть* доставление себе (нации?) большего обилия продуктов». Вовсе не «то есть». Улучшение агрикультуры и улучшение условий питания массы вовсе не одно и то же; несовпадение того и другого не только возможно, но и необходимо в таком строе хозяйства, от которого Сисмонди с таким усердием хочет отговориться. Напр., увеличение посевов картофеля может означать повышение производительности труда в земледелии (введение корнеплодов) и увеличение сверхстоимости — наряду с ухудшением питания рабочих. Это все та же манера народника... то бишь романтика — отговариваться фразами от противоречий действительной жизни.

«На самом деле, — продолжает Сисмонди, — эти фермеры, столь богатые, столь интеллигентные, столь поддерживаемые (*secondés*) всяким прогрессом наук, у которых упряжка так красива, изгороди так прочны, поля так чисто вычищены от сорных трав, — не могут выдержать конкуренции жалкого польского крестьянина, невежественного, забитого рабством, ищущего утешения лишь в пьянстве, агрикультура которого находится еще в детском состоянии искусства. Хлеб, собранный в центре Польши, заплатив фрахт за много сот лье и по рекам, и по суше, и по морю, заплатив ввозные пошлины в 30 и 40% своей стоимости, — все-таки дешевле хлеба самых богатых графств Англии» (I, 265). «Английских экономистов смущает этот контраст». Они ссылаются на подати и т. п. Но дело не в этом. «Самая система эксплуатации дурна, основана на опасном базисе... Эту систему недавно все писатели выставляли предметом, достойным нашего восхищения, но мы должны, наоборот, хорошенько ознакомиться с ней, чтобы остережиться подражать ей» (I, 266).

Не правда ли, как бесконечно наивен этот романтик, выставляющий английский капитализм (фермерство) неправильной системой экономистов, воображающий, что «смущение» экономистов, закрывающих глаза на противоречия фермерства, есть достаточный аргумент *против* фермеров? Как поверхностно его понимание, ищущее объяснения хозяйственным процессам не в интересах различных групп, а в заблуждениях экономистов, писателей, правительств! Добрый Сисмонди хочет усостыдить и устыдить английских фермеров, а с ними и континентальных, чтобы они не «подражали» таким «дурным» системам!

Не забывайте, впрочем, что это писано 70 лет тому назад, что Сисмонди наблюдал первые шаги этих совершенно еще новых тогда явлений. *Ego* наивность еще извинительна, ибо и экономисты-классики (его современники) с не меньшей наивностью считали эти новые явления продуктом вечных и естественных свойств человеческой природы. Но мы спрашиваем, прибавили ли наши народники хоть одно оригинальное словечко к аргументам Сисмонди в своих «возражениях» против развивающегося капитализма в России?

Итак, рассуждения Сисмонди о протекционизме показывают, что ему совершенно чужда историческая точка зрения. Напротив, он рассуждает так же, как и философы и экономисты XVIII века, совершенно абстрактно, отличаясь от них лишь тем, что нормальным и естественным объявляет не буржуазное общество, а общество мелких самостоятельных производителей. Поэтому он совершенно не понимает связи протекционизма с определенным хозяйственным строем и отделяется от этого противоречия в социально-политической области такими же чувствительными фразами о «ложности», «опасности», ошибочности, неразумности и т. п., какими он отделялся и от противоречий в жизни хозяйственной. Поэтому он крайне поверхностно изображает дело, представляя вопрос о протекционизме и [фритредерстве](#) вопросом о «ложном» и «правильном»

пути (т. е., по его терминологии, вопросом о капитализме или о некапиталистическом пути).

Новейшая теория вполне раскрыла эти заблуждения, показав связь протекционизма с определенным историческим строем общественного хозяйства, с интересами главенствующего в этом строе класса, встречающими поддержку правительств. Она показала, что вопрос о протекционизме и свободе торговли есть вопрос *между* предпринимателями (иногда между предпринимателями разных стран, иногда между различными фракциями предпринимателей данной страны).

Сравнивая с этими двумя точками зрения на протекционизм отношение к нему экономистов-народников, мы видим, что они целиком стоят и в этом вопросе на точке зрения романтиков, сопоставляя протекционизм не с капиталистической, а с какой-то абстрактной страной, с «потребителями» tout court, объявляя его «ошибочной» и «неразумной» поддержкой «тепличного» капитализма и т. д. В вопросе, напр., о беспошлинном ввозе сельскохозяйственных машин, вызывающем конфликт индустриальных и сельскохозяйственных предпринимателей, народники, *разумеется*, горой стоят за сельских... предпринимателей. Мы не хотим сказать, чтобы они были неправы. Но это — вопрос факта, вопрос данного исторического момента, вопрос о том, какая фракция предпринимателей выражает более общие интересы развития капитализма. Если народники и правы, то, конечно, уже не потому, что наложение пошлин означает «искусственную» «поддержку капитализма», а сложение их — поддержку «исконного» народного промысла, а просто потому, что развитие земледельческого капитализма (нуждающегося в машинах), ускоряя вымирание средневековых отношений в деревне и создание внутреннего рынка для индустрии, означает более широкое, более свободное и более быстрое развитие капитализма вообще.

Мы предвидим одно возражение по поводу этого причисления народников к романтикам по данному вопросу. Скажут, пожалуй, что тут необходимо выделить [г. Н. —она](#), который ведь прямо говорит, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, и говорит это не раз, который даже «цитирует»... Да, да, г. Н.—он даже цитирует! Но если нам приведут это место его «Очерков», то мы приведем *другие места*, где он объявляет поддержку капитализма «насаждением» (и притом в «Итогах и выводах!» стр. 331, 323, также 283), объясняет поощрение капитализма «гибельным заблуждением», тем, что «мы упустили из виду», «мы забыли», «нас омрачили» и т. п. (стр. 298. Сравните Сисмонди!). Каким образом совместить это с утверждением, что поддержка капитализма (вывозными премиями) есть «одно из множества противоречий, которыми кишит наша хозяйственная жизнь^[1]; оно, как и все остальные, обязано существованием форме, принимаемой всем производством» (стр. 286)? Заметьте: *всем производством!* Мы спрашиваем любого беспристрастного человека, на какой точке зрения стоит этот писатель, объясняющий поддержку «*формы, принимаемой всем производством*», — «заблуждением»? На точке зрения Сисмонди или научной теории? «Цитаты» г-на Н. —она и здесь (как и в вышеразобранных вопросах) оказываются сторонними, неуклюжими вставками, ничуть не выражающими действительного убеждения о применимости этих «цитат» к русской действительности. «Цитаты» г-на Н. —она — это вывеска новейшей теории, вводящая лишь в заблуждение читателей. Это — неловко надетый костюм «реалиста», за которым прячется чистокровный романтик^[2].

1. ↑ Точно так же, как «Очерки» «кишат» воззваниями к «нам», восклицаниями: «мы» и т. п. фразами, игнорирующими эти противоречия.
2. ↑ Мы подозреваем, не считает ли г. Н. —он эти «цитаты» талисманом, защищающим его от всякой критики? Иначе трудно объяснить себе то обстоятельство, что г. Н. —он, зная от гг. [Струве](#) и [Туган-Барановского](#) о сопоставлении его учения с доктриной Сисмонди, «цитировал» в одной из статей своих в «*Р. Б—ве*» (1894 г., № 6, с. 88) отзыв представителя новой теории, относящего Сисмонди к мелкобуржуазным реакционерам и утопистам. Должно быть, он глубоко уверен, что подобной «цитатой» он «опроверг» сопоставление своей собственной особы с Сисмонди.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/X&oldid=598908](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/X&oldid=598908)

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава I/XI

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава I](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [Х](#) **К характеристике экономического романтизма** — Глава I, XI. Общее значение Сисмонди в истории политической экономии [Постскриптум](#)
[Протекционизм](#) автор [В. И. Ленин](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 192—201

XI. Общее значение Сисмонди в истории политической экономии

Мы ознакомились теперь со всеми главнейшими положениями [Сисмонди](#), относящимися к области теоретической экономии. Подводя итоги, мы видим, что Сисмонди остается везде безусловно верен себе, что его точка зрения неизменна. По всем пунктам он отличается от классиков тем, что указывает противоречия капитализма. Это с одной стороны. С другой стороны, ни по одному пункту он не может (да и не хочет) провести дальше анализ классиков и потому ограничивается сентиментальной критикой капитализма с точки зрения мелкого буржуа. Такая замена научного анализа сентиментальными жалобами и сетованиями обуславливает у него чрезвычайную поверхностность понимания. Новейшая теория, восприняв указания на противоречия капитализма, распространила и на них научный анализ и пришла по всем пунктам к выводам, которые коренным образом расходятся с выводами Сисмонди и потому приводят к диаметрально противоположной точке зрения на капитализм.

В [«Критике некоторых положений политической экономии»](#) («Zur Kritik»). Русский перевод, М. 1896 г.) общее значение Сисмонди в истории науки охарактеризовано так:

«Сисмонди уже освободился от представления Буагильбера, что труд, составляющий источник меновой ценности, искажается деньгами, но он нападает на крупный промышленный капитал точно так же, как Буагильбер — на деньги» ([с. 36](#)).

Автор хочет сказать: как Буагильбер поверхностно смотрел на товарный обмен, как на естественный строй, восставая против денег, в которых он видел «чуждый элемент» ([с. 30, ibid.](#)), так и Сисмонди смотрел на мелкое производство, как на естественный строй, восставая против крупного капитала, в котором он видел чуждый элемент. Буагильбер не понимал неразрывной и естественной связи денег с товарным обменом, не понимал, что противопоставляет, как чуждые элементы, две формы «буржуазного труда» ([ibid.](#), 30—31). Сисмонди не понимал неразрывной и естественной связи крупного капитала с мелким самостоятельным производством, не понимал, что это — две формы товарного хозяйства. [Буагильбер](#), «восставая против буржуазного труда в одной его форме», «впадая в утопию, возводит его в апофеоз в другой» ([ibid.](#)). Сисмонди, восставая против крупного капитала, т. е. против товарного хозяйства в одной форме, именно наиболее развитой, впадая в утопию, возводил в апофеоз мелкого производителя (особенно крестьянство), т. е. товарное хозяйство в другой, только зачаточной форме.

«Если политическая экономия, — продолжает автор «Критики», — в лице [Рикардо](#) беспощадно выводит свое последнее заключение и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот результат, представляя на себе самое ее сомнение» ([с. 36](#)).

Таким образом, автор «Критики» сводит значение Сисмонди к тому, что он *выдвинул вопрос* о противоречиях капитализма и таким образом поставил задачу дальнейшему анализу. Все самостоятельные воззрения Сисмонди, который хотел также *ответить* на этот вопрос, признаются цитируемым автором ненаучными, поверхностными и отражающими его реакционную мелкобуржуазную точку зрения (см. вышеприведенные отзывы и один отзыв ниже, в связи с «цитатой» Эфруси).

Сравнивая доктрину Сисмонди с народничеством, мы видим по всем почти пунктам (за исключением отрицания теории ренты Рикардо и мальтузианских наставлений крестьянам) поразительное тождество, доходящее иногда до одинаковости выражений. Экономисты-народники стоят целиком на точке зрения Сисмонди. Мы еще более убедимся в этом ниже, когда перейдем от теории к воззрениям Сисмонди на практические вопросы.

Что касается, наконец, до Эфруси, то он ни по одному пункту не дал правильной оценки Сисмонди. Указывая на подчеркивание противоречий капитализма и осуждение их у Сисмонди, Эфруси совершенно не понял ни резкого отличия его теории от теории научного материализма, ни диаметральной противоположности романтической и научной точки зрения на капитализм. Симпатия народника к романтику, трогательное единодушие их помешало автору статей в «Русск. Богат.» правильно охарактеризовать этого классического представителя романтизма в экономической науке.

Мы привели сейчас отзыв о Сисмонди, что «он в себе самом представлял сомнения» классической экономии.

Но Сисмонди и не думал ограничиваться такой ролью (которая дает ему почетное место среди экономистов). Он, как мы видели, пытался разрешать сомнения и пытался крайне неудачно. Мало того, он обвинял классиков и их науку не за то, что она остановилась перед анализом противоречий, а за то, что она будто бы следовала неверным приемам. «Старая наука не учит нас ни понимать, ни предупреждать» новые бедствия (I, XV), говорит Сисмонди в предисловии ко 2-му изданию своей книги, объясняя этот факт не тем, что анализ этой науки неполон и непоследователен, а тем, что она будто бы «ударилась в абстракции» (I, 55: новые ученики [А. Смита](#) в Англии бросились (se sont jetés) в абстракции, забывая о «человеке») — и «идет по ложному пути» (II, 448). В чем же состоят обвинения Сисмонди против классиков, позволяющие ему сделать такой вывод?

«Экономисты, наиболее знаменитые, слишком мало обращали внимания на потребление и на сбыт» (I, 124).

Это обвинение повторялось со времен Сисмонди бесчисленное множество раз. Считали нужным выделять «потребление» от «производства» как особый отдел науки; говорили, что производство зависит от естественных законов, тогда как потребление определяется распределением, зависящим от воли людей, и т. п., и т. п. Как известно, наши народники держатся тех же идей, выделяя на первое место распределение^[1].

Какой же смысл в этом обвинении? Оно основано лишь на крайне ненаучном понимании самого предмета политической экономии. Ее предмет вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это — предмет технологии), а общественные отношения людей по производству. Только понимая «производство» в первом смысле, и можно выделять от него особо «распределение», и тогда в «отделе» о производстве, вместо категорий исторически определенных форм общественного хозяйства, фигурируют категории, относящиеся к процессу труда вообще: обыкновенно такие бессодержательные банальности служат лишь потом к затушевыванию исторических и социальных условий. (Пример — хоть понятие о капитале.) Если же мы последовательно будем смотреть на «производство», как на общественные отношения по производству, то и «распределение», и «потребление» потеряют всякое самостоятельное значение. Раз выяснены отношения по производству, — *тем самым* выяснилась и доля в продукте, приходящаяся отдельным классам, а следовательно, «распределение» и «потребление». И наоборот, при невыясненности производственных отношений (напр., при непонимании процесса производства всего общественного капитала в его целом) всякие рассуждения о потреблении и распределении превращаются в банальности или невинные романтические пожелания. Сисмонди — родоначальник подобных толков. [Ролбертус](#) тоже много говорил о «распределении национального продукта», «новейшие» авторитеты Эффриси создали даже особые «школы», одним из принципов которых было особое внимание к распределению^[2]. И все эти теоретики «распределения» и «потребления» не сумели разрешить даже основного вопроса об отличии общественного капитала от общественного дохода, все продолжали путаться в противоречиях, перед которыми остановился А. Смит^[3]. — Проблему удалось решить лишь экономисту, никогда не выделявшему особо распределения, протестовавшему самым энергичным образом против «вульгарных» рассуждений о «распределении» (ср. замечания [Маркса](#) на Готскую программу, цитированные у [П. Струве](#) в «Критических заметках», с. 129, эпиграф к IV гл.). Мало того. Самое разрешение проблемы состояло в анализе *воспроизводства* общественного капитала. Ни о потреблении, ни о распределении автор и не ставил особого вопроса; но и то, и другое выяснилось вполне само собой после того, как доведен был до конца анализ *производства*.

«Научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что... условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер». «Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль — капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, след., определенные общественные черты (Charaktere) условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически определенного отношения производства». «... Каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает».

«То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой (непоследовательной, befangen) критики буржуазной экономии. С другой же стороны, оно основано на смещении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его» («Капитал», т. III, 2, стр. 415, 419, 420 немецкого оригинала).

Не более посчастливилось Сисмонди и в другого рода нападках на классиков, занимающих еще больше места в его «Nouveaux Principes». «Новые ученики А. Смита в Англии бросились в абстракции, забывая о человеке...» (I, 55). Для Рикардо «богатство — все, а люди — ничто» (II, 331). «Они (экономисты, защищающие свободу торговли) часто приносят людей и реальные интересы в жертву абстрактной теории» (II, 457) и т. п.

Как стары эти нападки, и в то же время как они новы! Я имею в виду обновление их народниками, поднявшими такой шум по поводу открытого признания капиталистического развития России за настоящее, действительное и неизбежное развитие ее. Не то же ли самое повторяли они на разные лады, крича об «апологии власти денег», о «социал-буржуазности» и т. п.? И к ним *еще в гораздо большей степени*, чем к Сисмонди, приложимо замечание, сделанное по адресу сентиментальной критики капитализма вообще: Man schreie nicht zu sehr über den Zynismus! Der Zynismus liegt in der Sache, nicht in den Worten, welche die Sache bezeichnen! Не кричите очень о цинизме! Цинизм заключается не в словах, описывающих действительность, а в самой

действительности!

«Еще в гораздо большей степени», — говорим мы. Это — потому, что романтики западноевропейские не имели перед собой научного анализа противоречий капитализма, что они впервые указывали на эти противоречия, что они громили («жалкими словами», впрочем) людей, *не видевших* этих противоречий.

Сисмонди обрушивался на Рикардо за то, что тот с беспощадной откровенностью делал все выводы из наблюдения и изучения буржуазного общества: он формулировал открыто и существование производства ради производства, и превращение рабочей силы в товар, на который смотрят так же, как на всякий другой товар, — и то, что для «общества» важен только чистый доход, т. е. только величина прибыли^[4]. Но Рикардо говорил совершенную правду: *на деле все обстоит именно так*. Если эта истина казалась Сисмонди «низкой истиной», то он должен бы был искать причин этой низости совсем не в теории Рикардо и нападать совсем не на «абстракции»; его восклицания по адресу Рикардо относятся целиком к области «нас возвышающего обмана».

Ну, а наши современные романтики? Думают ли они отрицать действительность «власти денег»? Думают ли они отрицать, что эта власть всемогуща не только среди промышленного населения, но и среди земледельческого, в какой угодно «общинной», в какой угодно глухой деревушке? Думают ли они отрицать необходимую связь этого *факта* с товарным хозяйством? Они и не пытались подвергать это сомнению. Они просто стараются не говорить об этом. Они боятся назвать вещи их настоящим именем.

И мы вполне понимаем их боязнь: открытое признание действительности отняло бы всякую почву у сентиментальной (народнической) критики капитализма. Неудивительно, что они так страстно бросаются в бой, не успев даже вычистить заржавленное оружие романтизма. Неудивительно, что они не разбирают средств и хотят враждебность к *сентиментальной* критике выставить враждебностью к критике вообще. Ведь они борются за свое право на существование.

Сисмонди пытался даже возвести свою сентиментальную критику в *особый метод социальной науки*. Мы уже видели, что он попрекал Рикардо не тем, что его объективный анализ остановился перед противоречиями капитализма (этот упрек был бы основателен), а именно тем, что это — анализ *объективный*. Сисмонди говорил, что Рикардо «забывает о человеке». В предисловии ко второму изданию «Nouveaux Principes» встречаем такую тираду:

«Я считаю необходимым протестовать против обычных, столь часто легкомысленных, столь часто ложных приемов суждения о сочинении, касающемся социальных наук. Проблема, подлежащая их разрешению, несравненно сложнее, чем все проблемы наук естественных; в то же время эта проблема обращается к сердцу точно так же, как к разуму» (I, XVI). Как знакомы русскому читателю эти идеи о противоположности естественных и социальных наук, об обращении последних к «сердцу»!^[5] Сисмонди высказывает здесь те самые мысли, которым предстояло через несколько десятилетий быть «вновь открытыми» на дальнем востоке Европы «русской школой социологов» и фигурировать в качестве особого «субъективного метода в социологии»... Сисмонди апеллирует, разумеется, — как и наши отечественные социологи, — «к сердцу так же, как к разуму»^[6]. Но мы видели уже, как по всем важнейшим проблемам «сердце» мелкого буржуа торжествовало над «разумом» теоретика-экономиста.

1. ↑ Само собою разумеется, что Эфруси также не преминул выхвалять и за это Сисмонди. «В учении Сисмонди важны, — читаем мы в «Р. Б.» № 8, с. 56, — не столько отдельные, специальные меры, предлагавшиеся им, сколько общий дух, которым проникнута вся его система. Вопреки классической школе, он выдвигает с особенной силой интересы распределения, а не интересы производства». Вопреки своим повторным «ссылкам» на «новейших» экономистов, Эфруси абсолютно не понял их учения и продолжает возиться с сентиментальным вздором, характеризующим примитивную критику капитализма. Наш народник и здесь хочет спастись тем, что сопоставляет Сисмонди с «многими видными представителями исторической школы»; оказывается, что «Сисмонди ушел дальше» (ibid.), и Эфруси совершенно этим удовлетворяется! «Ушел дальше» немецких профессоров — чего же вам еще надо? Подобно всем народникам, Эфруси старается перенести центр тяжести на то, что Сисмонди критиковал капитализм. О том, что критика капитализма бывает разная, что критиковать капитализм можно и с сентиментальной, и с научной точки зрения, — экономист «Р. Б.—ва», видимо, не имеет понятия.
2. ↑ Весьма справедливо [Инпрем](#) сближает Сисмонди с «катедер-социалистами» (с. 212 «Истории политической экономии». М. 1891), заявляя наивно: «Мы уже (!) примкнули к воззрению Сисмонди на государство, как на такую силу, которая должна заботиться... о распространении благ общественного соединения и новейшего прогресса, по возможности, на все классы общества» (215). Какой глубиной отличаются эти «воззрения» Сисмонди, мы уже видели на примере протекционизма.
3. ↑ См., напр., статью «Доход» Р. Мейера в «Handw. der St.» (русский перевод в сборнике «Промышленность»), излагающую всю беспомощную путаницу в рассуждениях «новейших» немецких профессоров об этом предмете. Оригинально, что Р. Мейер, опираясь прямо на Ад. Смита и приводя в указании литературы ссылку на *те самые главы* II тома «Капитала», в которых содержится полное опровержение Смита, не упоминает об этом в тексте.
4. ↑

Эфруси, напр., с важным видом повторяет сентиментальные фразы Сисмонди о том, что увеличение чистого дохода предпринимателя не есть выигрыш для народного хозяйства, и т. п., упрекая его лишь в том, что он «сознавал» это «еще не

вполне ясно» (с. 43, № 8).

Не угодно ли сравнить с этим результаты научного анализа капитализма:

Валовой доход (Roheinkommen) общества состоит из заработной платы + прибыль + рента. Чистый доход (Reineinkommen) это — сверхстоимость.

«Если рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, т. е. из валового дохода. Однако такое воззрение является лишь абстракцией в том отношении, что все общество, на основе капиталистического производства, становится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом лишь доход, состоящий из прибыли и ренты» (III, 2, 375—376).

Таким образом, автор вполне примыкает к Рикардо и его определению «чистого дохода» «общества», к тому самому определению, которое вызвало «знаменитое возражение» Сисмонди («Р. Б.» № 8, с. 44): «Как? Богатство — все, а люди — ничто?» (II, 331). В современном обществе — конечно, да.

5. ↑ «Политическая экономия — наука не простого расчета (n'est pas une science de calcul), а наука моральная... Она ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей» (I, 313). Эти чувствительные фразы, в которых Сисмонди точно так же, как русские социологи субъективной школы в своих совершенно аналогичных восклицаниях, видит новые понятия о социальной науке, показывают на самом деле, в каком еще детски примитивном состоянии находилась критика буржуазии. Разве научный анализ противоречий, оставаясь строго объективным «расчетом», не дает именно твердой основы для понимания «чувств, потребностей и страстей» и притом страстей не «людей» вообще, — этой абстракции, которую и романтик, и народник наполняет специфически мелкобуржуазным содержанием, — а людей определенных классов? Но дело в том, что Сисмонди не мог теоретически опровергнуть экономистов и потому ограничивался сентиментальными фразами. «Утопический дилетантизм вынужден делать теоретические уступки всякому более или менее ученому защитнику буржуазного порядка. Чтобы загладить возникающее у него сознание своего бессилия, утопист утешает себя, упрекая своих противников в объективности: положим, дескать, вы учнее меня, но зато я добрее» (*Бельтов*, с. 43).
6. ↑ Точно «проблемы», вытекающие из естественных наук, не обращаются тоже к «сердцу»?!

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_I/XI&oldid=598909](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_I/XI&oldid=598909)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава II

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [Глава I.](#) **К характеристике экономического романтизма** — Глава II. Характер [Глава II., I. Сентиментальная](#)
[Постскриптум](#) критики капитализма у романтиков [критика капитализма](#) →
автор В. И. Ленин

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 201—202

Глава II. Характер критики капитализма у романтиков

«Разумом» [Сисмонди](#) мы уже достаточно занимались. Посмотрим теперь поближе на его «сердце». Попытаемся собрать воедино все указания на его *точку зрения* (которую мы изучали до сих пор лишь как элемент, соприкасающийся с теоретическими вопросами), на его *отношение* к капитализму, на его общественные симпатии, на его понимание «социально-политических» задач той эпохи, которой он был участником.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_II&oldid=598911](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_II&oldid=598911)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава III

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава II](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [Глава II. Характер критики капитализма у романтиков](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава

III, I. Сентиментальная критика капитализма

автор [В. И. Ленин](#)

[Глава II., II. Мелкобуржуазный характер романтизма](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 202—214

I. Сентиментальная критика капитализма

Отличительной чертой той эпохи, когда писал [Сисмонди](#), было быстрое развитие *обмена* (денежного хозяйства — по современной терминологии), особенно резко сказавшееся после уничтожения остатков феодализма французской революцией. Сисмонди, не обинуясь, осуждал это развитие и усиление обмена, нападал на «роковую конкуренцию», призывая «правительство защищать население от последствий конкуренции» (ch. VIII, l. VII) и т. п. «Быстрые обмены портят добрые нравы народа. Постоянные заботы о выгодной продаже не обходятся без покушений запрашивать и обманывать, и чем труднее существовать тому, кто живет постоянными обманами, тем более подвергается он искушению пустить в ход обман» (I, 169). Вот какая наивность требовалась для того, чтобы нападать на денежное хозяйство так, как нападают наши народники! «... Богатство коммерческое есть лишь второе по важности в экономическом строе; и богатство территориальное (territoriale — земельное), дающее средства существования, должно возрастать первым. Весь этот многочисленный класс, живущий торговлей, должен получать часть продуктов земли лишь тогда, когда эти продукты существуют; он (этот класс) должен возрастать лишь постольку, поскольку возрастают также и эти продукты» (I, 322—323). Ушел ли хоть на шаг вперед от этого патриархального романтика [Г. Н. — он](#), изливающий на целых страницах жалобы на то, что рост торговли и промышленности обгоняет развитие земледелия? Эти жалобы романтика и народника свидетельствуют лишь о совершенном *непонимании* капиталистического хозяйства. *Может ли существовать* такой капитализм, при котором бы развитие торговли и промышленности *не* обгоняло земледелия? Ведь рост капитализма есть рост товарного хозяйства, *то есть* общественного разделения труда, *отрывающегося* от земледелия один за другим вид обработки сырья, первоначально связанный с добыванием сырья, обработкой и потреблением его в *одно* натуральное хозяйство. Поэтому *везде и всегда* капитализм означает *более быстрое* развитие торговли и промышленности сравнительно с земледелием, *более быстрый* рост торгово-промышленного населения, *большой* вес и значение торговли и промышленности в общем строе общественного хозяйства^[1]. Иначе *не может быть*. И г. Н. — он, повторяя подобные жалобы, доказывает этим еще и еще раз, что он в своих экономических воззрениях не пошел дальше поверхностного, сентиментального романтизма. «Этот неразумный дух предпринимательства (esprit d'entreprise), этот излишек всякого рода торговли, который вызывает такую массу банкротств в Америке, обязан своим существованием, без всякого сомнения, увеличению числа банков и той легкости, с которой обманчивый кредит становится на место реального имущества» (fortune réelle) (II, 111), и т. д. без конца. Во имя чего же нападал Сисмонди на денежное хозяйство (и капитализм)? Что он противопоставляет ему? Мелкое самостоятельное производство, натуральное хозяйство крестьян в деревне, ремесло — в городе. Вот как говорит он о первом в главе «О патриархальном сельском хозяйстве» (ch. III, l. III, «De l'exploitation patriarcale» — о патриархальной эксплуатации земли. Книга 3-я трактует о «территориальном», или земельном богатстве):

«Первые собственники земли сами были пахарями, они исполняли все полевые работы трудом своих детей и своих слуг. Ни одна социальная организация^[2] не гарантирует большего счастья и больших добродетелей наиболее многочисленному классу нации, большего довольства (opulence) всем, большей прочности общественному порядку... В странах, где земледелец есть собственник (où le fermier est propriétaire) и где продукты принадлежат целиком (sans partage) тем самым людям, которые произвели все работы, т. е. в странах, сельское хозяйство которых мы называем патриархальным, — мы видим на каждом шагу следы любви земледельца к дому, в котором он живет, к земле, за которой он ухаживает... Самый труд для него удовольствие... В счастливых странах, где земледелие — патриархальное, изучается особая природа каждого поля, и эти познания переходят от отца к сыну... Крупное фермерское хозяйство, руководимое более богатыми людьми, поднимется, может быть, выше предрассудков и рутины. Но познания (l'intelligence, т. е. познания в сельском хозяйстве) не дойдут до того, кто сам работает, и будут применены хуже... Патриархальное хозяйство улучшает нравы и характер этой столь многочисленной части нации, на которой лежат все земледельческие работы. Собственность создает привычки порядка и бережливости, постоянное довольство уничтожает вкус к обжорству (gourmandise) и к пьянству... Вступая в обмен почти с одной только природой, он (земледелец) имеет меньшее, чем всякий другой промышленный рабочий, поводов не доверять людям и пускать в ход против них оружие недобросовестности» (I, 165—170). «Первые фермеры были простыми пахарями; они своими руками исполняли большую часть земледельческих работ; они соразмеряли свои предприятия с силами своих семей... Они не переставали быть крестьянами: сами ходят за сохой (tiennent eux-mêmes les cornes de leur charrue); сами ухаживают за скотом и в поле, и в конюшне; живут на чистом воздухе, привыкая к постоянному труду и к скромной пище, которые создают крепких граждан и бравых солдат^[3]. Они

почти никогда не употребляют, для совместных работ, поденных рабочих, а только слуг (*des domestiques*), выбранных всегда среди своих равных, с которыми обходятся как с равными, едят за одним столом, пьют то же вино, одеваются в то же платье. Таким образом, земледельцы с своими слугами составляют один класс крестьян, одушевленных теми же чувствами, разделяющих те же удовольствия, подвергающихся тем же влияниям, связанных с отечеством такими же узами» (I, 221).

Вот вам и пресловутое «народное производство»! И пусть не говорят, что у Сисмонди нет понимания необходимости соединить производителей: он говорит прямо (см. ниже), что «он точно так же (как и [Фурье](#), [Оуэн](#), Томпсон, Мюирон) желает ассоциации» (II, 365). Пусть не говорят, что он стоит именно за *собственность*: напротив, центр тяжести у него мелкое хозяйство (ср. II, 355), а не мелкая собственность. Понятно, что эта идеализация мелкого крестьянского хозяйства принимает отличный вид при других исторических и бытовых условиях. Но и романтизм, и народничество возводят в апофеоз именно мелкое крестьянское хозяйство — это не подлежит сомнению.

Точно так же идеализирует Сисмонди и примитивное ремесло, и цехи.

«Деревенский сапожник, который в то же время и купец, и фабрикант, и работник, не сделает ни одной пары сапог, не получив заказа» (II, 262), тогда как капиталистическая мануфактура, не зная спроса, может потерпеть крах. «Несомненно, и с теоретической и с фактической стороны, что учреждение цехов (*corps de métier*) препятствовало и должно было препятствовать образованию избыточного населения. Точно так же несомненно, что такое население существует в настоящее время и что оно есть необходимый результат современного строя» (I, 431). Подобных выписок можно было бы привести очень много, но мы откладываем разбор практических рецептов Сисмонди до дальнейшего. Здесь же ограничимся приведенным, чтобы вникнуть в точку зрения Сисмонди. Приведенные рассуждения можно резюмировать так: 1) денежное хозяйство осуждается за то, что оно разрушает обеспеченное положение мелких производителей и их взаимное сближение (в форме ли близости ремесленника к потребителю или земледельца к равным ему земледельцам); 2) мелкое производство превозносится за то, что обеспечивает самостоятельность производителя и устраняет противоречия капитализма.

Отметим, что эти обе идеи составляют существенное достояние народничества^[4], и попытаемся вникнуть в их содержание.

Критика денежного хозяйства романтиками и народниками сводится к констатированию порождаемого им индивидуализма^[5] и антагонизма (конкуренция), а также необеспеченности производителя и неустойчивости^[6] общественного хозяйства.

Сначала об «индивидуализме». Обыкновенно противопоставляют союз крестьян данной общины или ремесленников (или кустарей) данного ремесла — капитализму, разрушающему эти связи, заменяющему их конкуренцией. Это рассуждение повторяет типичную ошибку романтизма, именно: заключение от противоречий капитализма к отрицанию в нем *высшей формы общности*. Разве капитализм, разрушающий средневековые общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, не ставит на их место других? Разве товарное хозяйство не есть уже связь между производителями, связь, устанавливаемая рынком?^[7] Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер *этой связи* не дает права отрицать *ее существования*. И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, *вынуждает* все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению, и притом соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей данного класса *во всей нации* и даже в различных государствах. Только романтик с своей реакционной точки зрения может отрицать существование этих связей и их более глубокое значение, основанное на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и т. п. интересах. И если подобное рассуждение заслужило название романтика для Сисмонди, писавшего в такую эпоху, когда существование этих новых, порождаемых капитализмом, связей было еще в зародыше, то наши народники и подавно подлежат такой оценке, ибо *теперь* громадное значение таких связей могут отрицать лишь совсем слепые люди.

Что касается до необеспеченности и неустойчивости и т. п., то это — все та же старая песенка, о которой мы говорили по поводу внешнего рынка. В подобных нападках и сказывается романтик, осуждающий с боязливостью именно то, что выше всего ценит в капитализме научная теория: присущее ему стремление к развитию, неудержимое стремление вперед, невозможность остановиться или воспроизводить хозяйственные процессы в прежних неизменных размерах. Только утопист, сочиняющий фантастические планы расширения средневековых союзов (вроде общины) на все общество, может игнорировать тот факт, что именно «неустойчивость» капитализма и есть громадный прогрессивный фактор, ускоряющий общественное развитие, втягивающий все большие и большие массы населения в водоворот общественной жизни, заставляющий их задумываться над ее строем, заставляющий их самих «ковать свое счастье».

Фразы г-на Н. — она о «неустойчивости» капиталистического хозяйства, о непропорциональном развитии обмена, о нарушении равновесия между промышленностью и земледелием, между производством и потреблением, о ненормальности кризисов и т. п. свидетельствуют самым неоспоримым образом о том, что он стоит еще целиком на точке зрения *романтизма*. Поэтому критика европейского романтизма относится и к его теории *от слова до слова*. Вот доказательство:

«Послушаем старика [Буагильбера](#):

„Цена товаров, — говорит он, — должна всегда быть *пропорциональной*, ибо только такое взаимное соглашение дает возможность им в каждый момент быть снова воспроизводимыми. . . Так как богатство есть не что иное, как этот постоянный обмен между человеком и человеком, между предприятием и предприятием, то было бы ужасным заблуждением искать причины нищеты в чем-либо ином, а не в том нарушении этого обмена, которое вызывается отклонениями от пропорциональных цен“.

Послушаем также одного новейшего^[8] экономиста:

„Великий закон, который должен быть применен к производству, есть закон *пропорциональности* (the law of proportion), который один только в состоянии удержать постоянство стоимости... Эквивалент должен быть гарантирован... Все нации в различные эпохи пытались посредством многочисленных торговых регламентов и ограничений осуществить этот закон пропорциональности, хотя бы до известной степени. Но эгоизм, присущий человеческой природе, довел до того, что вся эта система регулирования была ниспровергнута. Пропорциональное производство (proportionale production) есть осуществление истинной социально-экономической науки“ (W. Atkinson. „Principles of political economy“, London, 1840, p. 170 и 195)^[9].

Fuit Troja!^[10] Эта правильная пропорция между предложением и спросом, которая опять начинает становиться предметом столь обильных пожеланий, давным-давно перестала существовать. Она пережила себя; она была возможна лишь в те времена, когда средства производства были ограничены, когда обмен происходил в крайне узких границах. С возникновением крупной индустрии эта правильная пропорция должна была необходимо (müßte) исчезнуть и производство должно было с необходимостью законов природы проходить постоянную последовательную смену процветания и упадка, кризиса, застоя, нового процветания и так далее.

Те, кто, подобно Сисмонди, хочет возвратиться к правильной пропорциональности производства и при этом сохранить современные основы общества, суть реакционеры, так как они, чтобы быть последовательными, должны бы были стремиться к восстановлению и других условий промышленности прежних времен.

Что удерживало производство в правильных, или почти правильных, пропорциях? Спрос, который управлял предложением, предшествовал ему; производство следовало шаг за шагом за потреблением. Крупная индустрия, будучи уже самым характером употребляемых ею орудий вынуждена производить постоянно все в больших и больших размерах, не может ждать спроса. Производство идет впереди спроса, предложение силой берет спрос.

В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, будучи источником стольких бедствий, есть в то же время причина прогресса.

Поэтому одно из двух: либо желать правильных пропорций прошлых веков при средствах производства нашего времени, — и это значит быть реакционером и утопистом вместе в одно и то же время.

Либо желать прогресса без анархии, — и тогда необходимо отказаться от индивидуального обмена для того, чтобы сохранить производительные силы» («Das Elend der Philosophie», S. 46—48).

Последние слова относятся к [Прудону](#), против которого полемизирует автор, характеризуя, следовательно, отличие своей точки зрения и от взглядов Сисмонди и от воззрения Прудона. Г-н Н. — он, конечно, не подошел бы во *всех* своих воззрениях ни к тому, ни к другому^[11]. Но вникните в содержание этого отрывка. В чем состоит основное положение цитированного автора, его основная мысль, ставящая его в непримиримое противоречие с его предшественниками? Бесспорно, в том, что он ставит вопрос о неустойчивости капитализма (которую констатируют *все эти три* писателя) на *историческую* почву и признает эту неустойчивость *прогрессивным фактором*. Другими словами: он признает, во-первых, данное капиталистическое развитие, совершающееся путем диспропорций, кризисов и т. п., *развитием необходимым*, говоря, что уже самый характер средств производства (машины) вызывает безграничное стремление к расширению производства и постоянное предварение спроса предложением. Во-вторых, он признает в этом данном развитии *элементы прогресса*, состоящие в развитии производительных сил, в обобществлении труда в пределах целого общества, в повышении подвижности населения и его сознательности и пр. Этими двумя пунктами исчерпывается его отличие от Сисмонди и Прудона, которые сходятся с ним в указаниях на «неустойчивость» и порожденные ею противоречия и в искреннем стремлении устранить эти противоречия. Непонимание того, что эта «неустойчивость» есть *необходимая* черта всякого капитализма и товарного хозяйства вообще, приводит их к *утопии*. Непонимание элементов прогресса, *присущих* этой неустойчивости, делает их теории *реакционными*^[12].

И теперь мы предлагаем г. народникам ответить на вопрос: разделяет ли г. Н. — он воззрения научной теории по двум указанным пунктам? признает ли он неустойчивость, как свойство данного строя и данного развития? признает ли он элементы прогресса в этой неустойчивости? Всякий знает, что нет, что г. Н. — он, напротив, объявляет эту «неустойчивость» капитализма простой ненормальностью, отклонением и т. д. и считает ее упадком, регрессом (ср. выше: *лишает* устойчивости), идеализируя тот самый экономический застой (вспомните «вековые устои», «освященные веками начала» и т. п.), в разрушении которого и состоит историческая заслуга «неустойчивого» капитализма. Ясно поэтому, что мы были вполне правы, относя его к романтикам, и что никакие «цитаты» и «ссылки» с его стороны не изменят *такого характера его собственных рассуждений*.

Мы остановимся несколько ниже еще раз на этой «неустойчивости» (по поводу враждебного отношения романтизма и народничества к уменьшению земледельческого населения на счет индустриального), а теперь приведем одно место из «Критики некоторых положений политической экономии», посвященное разбору *сентиментальных* нападок на денежное хозяйство.

«Эти определенные общественные роли (именно: роли продавца и покупателя) не вытекают из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в форме товаров. Отношения, существующие между покупателем и продавцом, настолько не индивидуальны, что они оба вступают в них, лишь поскольку отрицается индивидуальный характер их труда, именно поскольку он, как труд не индивидуальный, становится

деньгами. Поэтому настолько же бессмысленно считать эти экономически-буржуазные роли покупателя и продавца вечными общественными формами человеческого индивидуализма, насколько несправедливо оплакивать эти роли как причину уничтожения этого индивидуализма.

Как глубоко поражает добрых людей даже совершенно поверхностная форма антагонизма, проявляющаяся в покупке и продаже, показывает следующее извлечение из книги Исаака Перейры: „Leçons sur l'industrie et les finances“. Paris. 1832^[13]. То обстоятельство, что этот же самый Исаак, в качестве изобретателя и диктатора „Crédit mobilier“, приобрел печальную славу парижского биржевого волка, показывает, что содержится в названной книге наряду с сентиментальной критикой экономики. Г-н Перейра, в то время апостол [Сен-Симона](#), говорит: „Вследствие того, что индивидуумы изолированы, отделены друг от друга как в производстве, так и в потреблении, между ними существует обмен продуктов их производства. Из необходимости обмена вытекает необходимость определять относительную ценность предметов. Идеи ценности и обмена, таким образом, тесно связаны между собою, и в своей действительной форме обе они выражают индивидуализм и антагонизм... Определять ценность продуктов можно только потому, что существует продажа и покупка, другими словами, антагонизм между различными членами общества. Заботиться о цене, ценности приходится только там, где происходит продажа и покупка, словом, где каждый индивидуум должен *бороться*, чтобы получить предметы, необходимые для поддержания его существования“» (назв. соч., стр. 68).

Спрашивается, в чем состоит тут *сентиментальность* Перейры? Он говорит только об индивидуализме, антагонизме, борьбе, свойственных капитализму, говорит то самое, что говорят на разные лады наши народники, и притом говорят, казалось бы, правду, ибо «индивидуализм, антагонизм и борьба» действительно составляют необходимую принадлежность обмена, товарного хозяйства. Сентиментальность состоит в том, что этот сен-симонист, увлеченный осуждением противоречий капитализма, *просматривает за этими противоречиями* тот факт, что *обмен* тоже выражает особую форму *общественного хозяйства*, что он, следовательно, *не только разъединяет* (это верно лишь по отношению к средневековым союзам, которые капитализм разрушает), *но и соединяет* людей, заставляя их вступать в сношения между собой при посредстве рынка^[14]. Вот эта-то поверхностность понимания, вызванная увлечением «разности» капитализм (с точки зрения утопической), и дала повод цитированному автору назвать критику Перейры *сентиментальной*.

Но что нам Перейра, давно забытый апостол давно забытого сен-симонизма? Не взять ли лучше новейшего «апостола» народничества?

«Производство... лишилось народного характера и приняло характер индивидуальный, капиталистический» (г. Н. — он, «Очерки», с. 321—322).

Видите, как рассуждает этот костюмированный романтик: «народное производство стало индивидуальным». А так как под «народным производством» автор хочет разумеет [общину](#), то он указывает, следовательно, на упадок *общественного* характера производства, на сужение *общественной* формы производства.

Так ли это? «Община» давала (*если давала*; впрочем, мы готовы сделать какие угодно уступки автору) организацию производству только в одной отдельной общине, разъединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал *только членов одной общины*^[15]. Капитализм же создает общественный характер производства в целом государстве. «Индивидуализм» состоит в разрушении общественных связей, но их разрушает *рынок*, ставя на их место связи между *массами индивидов*, не связанных ни общиной, ни сословием, ни профессией, ни узким районом промысла и т. п. Так как связь, создаваемая капитализмом, проявляется в форме противоречий и антагонизма, *поэтому* наш романтик не хочет видеть этой связи (хотя и община, как организация производства, никогда не существовала без других форм противоречий и антагонизма, свойственных старым способам производства). Утопическая точка зрения превращает и его критику капитализма в критику *сентиментальную*.

-
- ↑ Всегда и везде при капиталистическом развитии земледелие остается *позади* торговли и промышленности, всегда оно подчинено им и эксплуатируется ими, всегда оно лишь позднее *втягивается* ими на стезю капиталистического производства.
 - ↑ Заметьте, что Сисмонди — точь-в-точь, как наши народники, — превращает сразу самостоятельное хозяйство крестьян в „социальную организацию“. Явная передержка. Что же связывает вместе этих крестьян разных местностей? Именно разделение общественной труда и товарное хозяйство, заменившее связи феодальные. Сразу сказывается возведение в утопию одного члена в строе товарного хозяйства и непонимание остальных членов. Сравните у г. Н. — она, с. 322: „Форма промышленности, основанная на владении крестьянством орудиями производства“. О том, что это владение крестьянством орудиями производства является — и исторически, и логически — *исходным пунктом* именно капиталистического производства, г. Н. — он и не подозревает!
 - ↑ Сравните, читатель, с этими сладенькими рассказами бабушки того „передового“ публициста конца XIX века, которого цитирует [г. Струве](#) в своих „Критических заметках“, с. 17.
 - ↑ Г-н Н. — он и по данному вопросу наговорил такую кучу противоречий, что из нее можно выбрать *какие угодно* положения, ничем между собой не связанные. Не подлежит, однако, сомнению идеализация крестьянского хозяйства посредством туманного термина: «народное производство». Туман — особенно удобная атмосфера для всяких переживаний.

5. ↑ Ср. Н. — он, с. 321 in f. (in fine — в конце. *Ред.*) и др.
6. ↑ *Ibid.*, с. 335. Стр. 184: капитализм «лишает устойчивости». И мн. др.
7. ↑ «На самом деле выражения: *общество, ассоциация* это такие наименования, которые можно дать всяческим обществам, как феодальному обществу, так и буржуазному, которое есть ассоциация, основанная на конкуренции. Каким же образом могут существовать писатели, которые считают возможным опровергать конкуренцию одним словом: *ассоциация?*» (Магх. «Das Elend der Philosophie» (*Маркс. «Нищета философии». Ред.*)). Критикуя со всей резкостью сентиментальное осуждение конкуренции, автор выдвигает прямо ее *прогрессивную сторону*, ее движущую силу, толкающую вперед «прогресс технический и прогресс социальный».
8. ↑ Писано в 1847 г.
9. ↑ У. Аткинсон. „Основы политической экономии“, Лондон, 1840, стр. 170 и 195. *Ред.*
10. ↑ Не стало Трои! *Ред.*
11. ↑ Хотя большой еще вопрос, *отчего* не подошел бы? Не оттого ли только, что эти писатели ставили вопросы шире, имея в виду данный хозяйственный строй вообще, его место и значение в развитии всего человечества, не ограничивая своего кругозора *одной страной*, для которой будто бы можно сочинить *особую* теорию.
12. ↑ Этот термин употребляется в *историко-философском* смысле, характеризуя только *ошибку* теоретиков, берущих в *пережитых* порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам. Всякий знает, что реакционерами в обыденном значении слова ни Сисмонди, ни Прудон не были. Мы разясняем сии азбучные истины потому, что г. народники, как увидим ниже, до сих пор еще не усвоили их себе.
13. ↑ „Лекции о промышленности и финансах“. Париж. 1832. *Ред.*
14. ↑ Заменяя местные, сословные союзы — единством социального положения и социальных интересов, в пределах целого государства и даже всего мира.
15. ↑ По данным земской статистики («Сводный сборник» Благовещенского), средний размер *общины*, по 123 уездам, в 22 губерниях, равняется 53 дворам с 323 душами обоего пола.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_II&oldid=598915](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_II&oldid=598915)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава II/II

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава II](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [I. Сентиментальная критика капитализма](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава

II., II. Мелкобуржуазный характер романтизма

автор [В. И. Ленин](#)

[III. Вопрос о росте индустриального населения на счет земледельческого](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 214—220

II. Мелкобуржуазный характер романтизма

Идеализация мелкого производства показывает нам другую характерную черту романтической и народнической критики: ее *мелкобуржуазность*. Мы видели, как французский и русский романтик одинаково превращают мелкое производство в «социальную организацию», в «форму производства», *противоположая ее капитализму*. Мы видели также, что подобное противоположение не заключает в себе ничего, кроме крайней поверхностности понимания, что это есть искусственное и неправильное выделение одной формы товарного хозяйства (крупный промышленный капитал) и осуждение ее, при утопической идеализации *другой формы того же* товарного хозяйства (мелкое производство). В том-то и беда как европейских романтиков начала XIX века, так и русских романтиков конца XIX, что они сочиняют себе какое-то абстрактное, вне общественных отношений производства стоящее мелкое хозяйство и *просматривают* то маленькое обстоятельство, что это мелкое хозяйство в действительности стоит в обстановке *товарного производства*, — как мелкое хозяйство европейского континента 1820-х годов, так и русское крестьянское хозяйство 1890-х годов. В *действительности* мелкий производитель, возводимый в апофеоз романтиками и народниками, есть поэтому *мелкий буржуа*, стоящий в таких же противоречивых отношениях, как и всякий другой член капиталистического общества, отстаивающий себя точно так же борьбой, которая, с одной стороны, постоянно выделяет небольшое меньшинство крупных буржуа, с другой стороны, выталкивает большинство в ряды пролетариата. В действительности, как это всякий видит и знает, нет таких мелких производителей, которые бы не стояли между этими двумя противоположными классами, и это срединное положение обуславливает необходимо специфический характер мелкой буржуазии, ее двойственность, двуличность, ее тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы, ее враждебное отношение к «неудачникам», т. е. большинству. Чем дальше развивается товарное хозяйство, тем сильнее и резче выступают эти качества, тем явственнее становится, что идеализация мелкого производства выражает лишь реакционную, *мелкобуржуазную* точку зрения.

Не надо заблуждаться насчет значения этих терминов, которые автор «Критики некоторых положений политической экономии» и прилагал именно к [Сисмонди](#). Эти термины вовсе не говорят, что Сисмонди *защищает* отсталых мелких буржуа. *Сисмонди нигде их не защищает*: он хочет стоять на точке зрения трудящихся классов вообще, он выражает свое сочувствие всем представителям этих классов, он радуется, напр., фабричному законодательству, он нападает на капитализм и показывает его противоречия. Одним словом, его точка зрения совершенно та же, что и точка зрения современных народников.

Спрашивается, на чем же основана характеристика его как мелкого буржуа? Именно на том, что он не понимает связи между мелким производством (которое идеализирует) и крупным капиталом (на который нападает). Именно на том, что он *не видит*, как излюбленный им мелкий производитель, крестьянин, становится, в действительности, мелким буржуа. Не надо никогда забывать следующего разъяснения по поводу сведения теорий различных писателей к интересам и точке зрения различных классов:

«Не следует думать, что мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелкого буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют» ([К. Маркс](#), «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», перевод [Базарова](#) и [Степанова](#), стр. 179—180).

Поэтому весьма комичны те народники, которые думают, что указания на мелко-буржуазность делаются лишь с целью сказать

что-либо особенно ядовитое, что это — простой полемический прием. Таким отношением они показывают непонимание общих воззрений их противников, а главное, — непонимание самых основ *той* критики капитализма, с которой они все «согласны», и ее *отличия* от сентиментальной и мелкобуржуазной критики. Одно уже усиленное стремление обойти самый вопрос об этих последних видах критики, о существовании их в Западной Европе, об отношении их к критике научной показывает наглядно, *почему* народники не хотят понять этого отличия^[1].

Поясним сказанное примером. В библиографическом отделе «Русской Мысли» за 1896 г. № 5 (стр. 229 и сл.) идет речь о том, что «в последнее время выступила и с поразительной быстротой растет группа» среди интеллигенции, относящаяся с принципиальной и безусловной враждебностью к народничеству. Г-н рецензент указывает в самых кратких чертах на причины и характер этой враждебности, и нельзя не отметить с признательностью, что он излагает при этом вполне точно *суть* враждебной народничеству точки зрения^[2]. Г-н рецензент не разделяет этой точки зрения. Он не понимает, чтобы идеи о классовых интересах и т. д. обязывали нас отрицать «народные идеалы» («просто *народные*, а не народнические»; *ibid.*, с. 229), состоящие-де в благосостоянии, свободе и сознательности крестьянства, т. е. большинства населения.

«Нам возразят, конечно, — говорит г. рецензент, — как возражали и другим, что идеалы автора-крестьянина (речь шла о высказанных одним крестьянином пожеланиях) мелкобуржуазные и что потому наша литература и являлась до сих пор представительницей и защитницей интересов мелкой буржуазии. Но ведь это же просто жулел, и кого, кроме лиц, обладающих мировоззрением и умственными навыками замоскворецкой купчихи, этим жулелом испугать можно?..»

Сильно сказано! Но послушаем дальше:

«... Основной критерий как условий человеческого общежития, так и сознательных общественных мероприятий состоит ведь не в экономических категориях, да притом еще заимствованных из чуждых стране, при иных обстоятельствах сложившихся, условий, а в счастье и благосостоянии, как материальном, так и духовном, большинства населения. И если известный уклад жизни и известные мероприятия для поддержания и развития такого уклада ведут к этому счастью, то называйте их мелкобуржуазными или как-нибудь иначе, — дело от этого не изменится: они — этот уклад жизни и эти мероприятия — будут все-таки существенно прогрессивными и по тому самому и будут представлять *высший идеал, доступный для общества при данных условиях и в данном его состоянии*» (*ib.*, 229—230 стр., курсив автора).

Неужели г. рецензент не видит, что он, в пылу полемического задора, перепрыгнул через вопрос?

Назвавши с превеликой суровостью обвинение народничества в мелкобуржуазности «просто жулелом», он ничего не приводит в доказательство такого утверждения, кроме следующего, невероятно изумительного положения: «Критерий... состоит не в экономических категориях, а в счастье большинства». Ведь это все равно, что сказать: критерий погоды состоит не в метеорологических наблюдениях, а в самочувствии большинства! Да что же такое, спрашивается, эти «экономические категории», как не *научная формулировка* условий хозяйства и жизни населения и притом не «населения» вообще, а *определенных* групп населения, занимающих определенное место в *данном* строе общественного хозяйства? Противопоставляя «экономическим категориям» абстрактнейшее положение о «счастье большинства», г. рецензент просто вычеркивает все развитие общественной науки с конца прошлого века и возвращается к наивной рационалистической спекуляции, игнорирующей определенные общественные отношения и их развитие. Одним росчерком пера он вычеркивает все, чего добилась ценой столетних поисков человеческая мысль, стремившаяся *понять* общественные явления! И, освободивши себя, таким образом, от всякого научного багажа, г. рецензент *считает уже вопрос решенным*. В самом деле, он прямо заключает: «Если известный уклад... ведет к этому счастью, то, как его ни называйте, дело от этого не изменится». Вот тебе раз! Да ведь вопрос в том именно и состоял, *каков* этот уклад. Ведь автор сам же сейчас указал, что против людей, видящих в крестьянском хозяйстве особый уклад («народное производство» или как там хотите), выступили другие, утверждающие, что это вовсе не особый уклад, а самый обыкновенный *мелкобуржуазный* уклад, такой же, каков уклад и всякого другого мелкого производства в стране товарного хозяйства и капитализма. Ведь если из первого воззрения само собой следует, что «этот уклад» («народное производство») «ведет к счастью», то из второго воззрения тоже само собою следует, что «этот уклад» (мелкобуржуазный уклад) ведет к капитализму и ни к чему иному, ведет к выталкиванию «большинства населения» в ряды пролетариата и превращению меньшинства в сельскую (или промышленную) буржуазию. Не очевидно ли, что г. рецензент выстрелил в воздух и, под шум выстрела, принял за доказанное именно то, в отрицании чего состоит второе воззрение, столь немилостиво объявленное «просто жулелом»?

Если бы он хотел серьезно разобрать второе воззрение, то должен бы был, очевидно, доказать одно из двух: или что «мелкая буржуазия» есть неправильная научная категория, что можно себе представить капитализм и товарное хозяйство без мелкой буржуазии (как и представляют г. народники, возвращаясь этим вполне к точке зрения Сисмонди); *или* же, что эта категория *неприложима* к России, т. е., что у нас нет ни капитализма, ни господства товарного хозяйства, что мелкие производители не превращаются в товаропроизводителей, что в их среде не происходит указанного процесса выталкивания большинства и укрепления «самостоятельности» меньшинства. Теперь же, видя, как он принимает указание на мелкобуржуазность народничества за пустое желание «обидеть» г. народников, и читая вслед за тем вышеприведенную фразу о «жулеле», мы невольно вспоминаем известное изречение: «Помилюйте, Кит Китыч! кто вас обидит? — Вы сами всякого обидите!»^[3].

1. ↑ Напр., Эфруси написал две статьи о том, «как смотрел на рост капитализма» Сисмонди («Р. Б.» № 7, с. 139), и все-таки

абсолютно не понял именно того, как смотрел Сисмонди. Сотрудник «Русского Богатства» *не заметил* мелкобуржуазной точки зрения Сисмонди. А так как Эфруси, несомненно, знаком с Сисмонди; так как он (как увидим ниже) знаком именно с тем представителем новейшей теории, который так охарактеризовал Сисмонди; так как он хочет тоже быть «согласным» с этим представителем новой теории, — то его непонимание приобретает совершенно определенное значение. Народник и не мог заметить в романтике того, чего он не замечает в себе.

2. ↑ Конечно, это звучит очень странно: хвалить человека за то, что он точно передает чужие мысли!! Но что прикажете делать? Среди обычных полемистов «Русского Богатства» и старого «Нов. Слова», гг. [Кривенко](#) и Воронцова, *такая* полемика действительно является необычайным исключением.
3. ↑ Неточная цитата из пьесы [Островского](#) «[В чужом пиру похмелье \(Островский\)](#)». *Ред.*

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_II&oldid=598916](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_II&oldid=598916)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава II/III

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава II](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [II. Мелкобуржуазный характер романтизма](#) **К характеристике экономического романтизма** — Глава II., III. Вопрос о [IV. Практические пожелания романтизма](#)
росте индустриального населения на счет земледельческого
автор *В. И. Ленин* →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 220—226

III. Вопрос о росте индустриального населения на счет земледельческого

Возвратимся к [Сисмонди](#). Наряду с идеализацией мелкой буржуазии, наряду с романтическим непониманием того, как «крестьянство» превращается при данном общественном строе хозяйства в мелкую буржуазию, у него стоит чрезвычайно характерное воззрение на уменьшение земледельческого населения на счет индустриального. Известно, что это явление — одно из наиболее рельефных проявлений капиталистического развития страны — наблюдается во всех цивилизованных странах, а также и в России^[1].

Сисмонди, как выдающийся экономист своего времени, не мог, разумеется, не видеть этого факта. Он открыто констатирует его, но совершенно не понимает необходимой связи его с развитием капитализма (даже общее: с разделением общественного труда, с вызываемым этим явлением ростом товарного хозяйства). Он просто *осуждает* это явление, как какой-нибудь недостаток «системы».

Указав на громадный прогресс английского земледелия, Сисмонди говорит:

«Но, восхищаясь этими столь заботливо возделанными полями, надо посмотреть и на население, которое их обрабатывает; оно наполовину меньше того, какое было бы во Франции на такой же территории. В глазах некоторых экономистов это — выигрыш по-моему — это потеря» (I, 239).

Понятно, почему идеологи буржуазии считали это явление выигрышем (сейчас мы увидим, что *таков* же взгляд и научной критики капитализма): они формулировали этим рост буржуазного богатства, торговли и промышленности. Сисмонди, торопясь *осудить* это явление, забывает подумать о его причинах.

«Во Франции и в Италии, — говорит он, — где, как рассчитывают, четыре пятых населения принадлежат к земледельческому классу, четыре пятых нации будут кормиться национальным хлебом, какова бы ни была цена иностранного хлеба» (I, 264). *Fait Troja!* можно сказать по этому поводу. Теперь уже нет таких стран (хотя бы и наиболее земледельческих), которые не находились бы в полной зависимости от *цен на хлеб*, т. е. от мирового капиталистического производства хлеба.

«Если нация не может увеличить своего торгового населения иначе, как требуя от каждого большего количества труда за ту же плату, то она должна бояться возрастания своего индустриального населения» (I, 322). Как видит читатель, это просто благожелательные советы, лишённые всякого смысла и значения, ибо понятие «нации» построено здесь на искусственном абстрагировании противоречий между теми классами, которые эту «нацию» образуют. Сисмонди, как и всегда, просто *отговаривается* от этих противоречий невинными пожеланиями о том... чтобы противоречий не было.

«В Англии земледелие занимает лишь 770 199 семей, торговля и промышленность — 959 632, остальные состояния общества — 413 316. Столь большая доля населения, существующего торговым богатством, на все число 2 143 147 семей или 10 150 615 человек, поистине ужасна (effrayante). К счастью, Франция еще далека от того, чтобы такое громадное число рабочих зависело от удачи на отдаленном рынке» (I, 434). Здесь Сисмонди как будто забывает даже, что это «счастье» зависит лишь от отсталости капиталистического развития Франции.

Рисуя те изменения в современном строе, которые «желательны» с его точки зрения (о них будет речь ниже), Сисмонди указывает, что «результатом (преобразований в романтическом вкусе) было бы, без сомнения, то, что не одна страна, живущая лишь индустрией, должна бы была закрыть одна за другой много мастерских и что население городов, которое увеличилось свыше меры, быстро уменьшилось бы, тогда как население деревень начало бы возрастать» (II, 367).

На этом примере беспомощность сентиментальной критики капитализма и бессильная досада мелкого буржуа сказываются особенно рельефно! Сисмонди просто *жалуется*^[2] на то, что дела идут так, а не иначе. Его грусть по поводу разрушения эдема

патриархальной тупости и забитости сельского населения так велика, что наш экономист не разбирает даже причин явления. Он просматривает поэтому, что увеличение индустриального населения находится в необходимой и неразрывной связи с товарным хозяйством и капитализмом. Товарное хозяйство развивается по мере развития общественного разделения труда. А это разделение труда в том и состоит, что одна за другой отрасли промышленности, один за другим вид обработки сырого продукта *отрываются* от земледелия и становятся самостоятельными, образуя, след., индустриальное население. Поэтому рассуждать о товарном хозяйстве и капитализме — и не принимать во внимание закона относительного возрастания индустриального населения, — значит не иметь никакого представления об *основных* свойствах *данного* строя общественного хозяйства.

«По самой природе капиталистического способа производства он уменьшает постоянно земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в индустрии (в узком значении слова) рост постоянного капитала по отношению к переменному связан с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение^[3]. Между тем, в земледелии абсолютно уменьшается переменный капитал, потребный для эксплуатации определенного количества земли; следовательно, этот капитал может возрастать лишь при том условии, что подвергается обработке новая земля^[4], а это в свою очередь предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения» (III, 2, 177).

Точка зрения новейшей теории и в этом пункте диаметрально противоположна романтизму с его сентиментальными жалобами. Понимание необходимости явления вызывает, естественно, совершенно иное отношение к нему, умение оценить его различные стороны. Занимающее нас явление и есть одно из наиболее глубоких и наиболее общих противоречий капиталистического строя. Отделение города от деревни, противоположность между ними и эксплуатация деревни городом — эти повсеместные спутники развивающегося капитализма — составляют необходимый продукт преобладания «торгового богатства» (употребляя выражение Сисмонди) над «богатством земельным» (сельскохозяйственным). Поэтому преобладание города над деревней (и в экономическом, и в политическом, и в интеллектуальном, и во всех других отношениях) составляет общее и неизбежное явление всех стран с товарным производством и капитализмом, в том числе и России: оплакивать это явление могут только сентиментальные романтики. Научная теория указывает, напротив, ту *прогрессивную* сторону, которую вносит в это противоречие крупный промышленный капитал. «Вместе с постоянно растущим перевесом городского населения, которое скопляет капиталистическое производство в крупных центрах, оно накапливает историческую силу движения общества вперед» (*die geschichtliche Bewegungskraft der Gesellschaft*)^[5]. Если преобладание города необходимо, то только привлечение населения в города может парализовать (и действительно, как доказывает история, парализует) односторонний характер этого преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, оставляя деревню подчиненной, неразвитой, беспомощной и забитой, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности. Поэтому в ответ на реакционные жалобы и сетования романтиков новейшая теория указывает на то, как именно это сближение условий жизни земледельческого и неземледельческого населения создает условия для устранения противоположности между городом и деревней.

Спрашивается теперь, на какой точке зрения стоят в этом вопросе наши экономисты-народники? Безусловно на сентиментально-романтической. Они не только не понимают *необходимости* возрастания индустриального населения при данном строе общественного хозяйства, но даже *стараятся не видеть* и самого явления, уподобляясь некоей птице, которая прячет голову себе под крыло. Указания [П. Струве](#), что в рассуждениях о капитализме г-на Н. — она грубой ошибкой является утверждение об *абсолютном* уменьшении переменного капитала («Крит. заметки», стр. 255), что противопоставлять Россию Западу по меньшему проценту индустриального населения и не принимать во внимание *возрастания* этого процента в силу развития капитализма — нелепо^[6] («Sozialpolitisches Centralblatt», 1893, № 1), остались, как и следовало ожидать, без ответа. Толкуя постоянно об особенностях России, экономисты-народники даже и не сумели поставить вопроса о *действительных* особенностях образования индустриального населения в России^[7], на которое мы указали вкратце выше. Таково *теоретическое* отношение народников к вопросу. На деле, однако, рассуждая о положении крестьян в пореформенной деревне и не стесненные теоретическими сомнениями, народники признают переселение крестьянства, выталкиваемого из земледелия, в города и в фабричные центры, и ограничиваются при этом только *оплакиванием* явления, точь-в-точь так, как *оплакивал* его Сисмонди^[8]. Тот глубокий процесс преобразования условий жизни масс населения, который происходил в пореформенной России, — процесс, впервые нарушивший оседлость и прикрепленность к месту крестьянства и создавший подвижность его и сближение земледельческих работников с неземледельческими, деревенских с городскими^[9], — остался ими совершенно незамечен ни в его экономическом, ни (в еще более важном, пожалуй) в его моральном и образовательном значении, подавая повод лишь к сентиментально-романтическим вздыханиям.

1. ↑ Процент городского населения в Европейской России возрастает в пореформенную эпоху. Мы должны ограничиться здесь указанием на этот наиболее общеизвестный признак, хотя он выражает явление *далеко не вполне*, не охватывая важных особенностей России сравнительно с Западной Европой. Здесь не место разбирать эти особенности (отсутствие свободы передвижения для крестьян, существование промышленных и фабричных сел, внутренняя колонизация страны и т. д.).
2. ↑ «В дальнейшем своем развитии направление это (именно направление мелкобуржуазной критики, главой которого был Сисмонди) перешло в трусливые жалобы на современное положение дел». ([Маркс, Энгельс. «Манифест коммунистической партии»](#)). *Ред.*)

3. ↑ Читатель может судить по этому об остроумии [г-на Н. —она](#), который в своих „Очерках“ превращает без стеснения *относительное* уменьшение переменного капитала и числа рабочих в *абсолютное* и делает отсюда кучу самых вздорных выводов о „сокращении“ внутреннего рынка и т. п.
4. ↑ Вот это-то условие и имели мы в виду, говоря, что внутренняя колонизация России усложняет проявление закона большего роста индустриального населения. Стоит вспомнить различие между давно заселенным центром России, где рост индустриального населения шел не столько на счет городов, сколько на счет фабричных сел и местечек, и хотя бы Новороссией, заселявшейся в пореформенную эпоху, где рост городов сравнивается по быстроте с американским. Подробнее разобрав этот вопрос мы надеемся в другом месте.
5. ↑ Ср. также особенно рельефную характеристику прогрессивной роли индустриальных центров в умственном развитии населения: «Die Lage der arbeit. Klasse in England», 1845. Что признание этой роли не помешало [автору](#) «Положения рабочего класса в Англии» глубоко понять противоречие, сказывающееся в отделении города от деревни, это доказывает его полемическое сочинение против [Дюринга](#). (Энгельс. «[Анти-Дюринг](#)». *Ред.*)
6. ↑ Пусть вспомнит читатель, что *именно эту ошибку* делал Сисмонди, говоря о «счастье» Франции с 80 % земледельческого населения, как будто это была особенность какого-нибудь «народного производства» и т. п., а не выражение отсталости развития капитализма.
7. ↑ Ср. [Волгин](#). «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова». СПб. 1896, стр. 215—216.
8. ↑

Справедливость требует, впрочем, сказать, что Сисмонди, наблюдая рост индустриального населения в нескольких странах и признавая общий характер этого явления, высказывает кое-где понимание того, что это не только какая-нибудь «аномалия» и т. п., а глубокое изменение условий жизни населения — изменение, в котором приходится признать и кое-что хорошее. По крайней мере, следующее рассуждение его о вреде разделения труда показывает гораздо более глубокие взгляды, чем взгляды, напр., [г-на Михайловского](#), сочинившего общую «формулу прогресса» вместо анализа определенных форм, которые принимает разделение труда в различных формациях общественного хозяйства и в различные эпохи развития.

«Хотя однообразие операций, к которым сводится всякая деятельность рабочих на фабрике, должно, по-видимому, вредить их развитию (*intelligence*), однако справедливость требует сказать, что, по наблюдениям лучших судей (*juges, znatoков*), мануфактурные рабочие в Англии выше по развитию, по образованию и по нравственности, чем рабочие земледельческие (*ouvriers des champs*)» (I, 397). И Сисмонди указывает на причины этого: *Vivant sans cesse ensemble, moins épuisés par la fatigue, et pouvant se livrer davantage à la conversation, les idées ont circulé plus rapidement entre eux* (Благодаря тому, что они постоянно находились вместе, были менее изнурены и имели большую возможность беседовать друг с другом, идеи получали среди них более быстрое распространение. *Ред.*). Но, меланхолично замечает он, *aucun attachement à l'ordre établi* (никакой привязанности к установленному порядку. *Ред.*).

9. ↑ Форма этого процесса тоже различна для центральной полосы Европейской России и для окраин. *На окраины* идут главным образом *земледельческие* рабочие из среднечерноземных губерний и отчасти *неземледельческие* из промышленных, разнося свои познания в «фукомесле» и «насаждая» промышленность среди чисто земледельческого населения. *Из промышленной полосы* идут *неземледельческие* рабочие, частью во все концы России, главным же образом в столицы, и крупные индустриальные центры, причем это индустриальное, если так можно выразиться, течение настолько сильно, что получается недостаток в *земледельческих* рабочих, которые и идут *в промышленные губернии* (Московскую, Ярославскую и др.) из среднечерноземных губерний. См. у С. А. Короленко, «Вольнонаемный труд и т. д.».

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_II/III&oldid=608502](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_II/III&oldid=608502)

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава II/IV

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава II](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [III. Вопрос о росте индустриального населения на счет земледельческого](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава [V. Реакционный характер романтизма](#)
II., IV. Практические пожелания романтизма
автор *В. И. Ленин*

→

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 226—233

IV. Практические пожелания романтизма

Теперь мы постараемся свести воедино общую точку зрения [Сисмонди](#) на капитализм (задача, которую поставил себе, как помнит читатель, и Эфруси) и рассмотреть практическую программу романтизма.

Мы видели, что заслуга Сисмонди состояла в том, что он один из первых *указал* на противоречия капитализма. Но, указавши на них, он не только не попытался анализировать их и объяснить их происхождение, развитие и тенденцию, но даже взглянул на них, как на противоестественные или ошибочные отклонения от нормы. Против этих «уклонений» он наивно восставал сентенциями, обличениями, советами устранить их и т. п., как будто бы эти противоречия не выражали *реальных интересов* реальных групп населения, занимающих определенное место в общем строе современного общественного хозяйства. Это — самая рельефная черта романтизма: принимать противоречие интересов (глубоко коренящееся в самом строе общественного хозяйства) за противоречие или ошибку доктрины, системы, даже мероприятий и т. п. Узкий кругозор Kleinbürger'a^[1], который сам стоит в стороне от развитых противоречий и занимает промежуточное, переходное положение между двумя антиподами, соединяется тут с наивным идеализмом, — мы почти готовы сказать: бюрократизмом, — объясняющим общественный строй мнениями людей (особенно людей, власть имущих), а не наоборот. Приведем примеры всех подобных суждений Сисмонди.

«Забывая людей ради вещей, не принесла ли Англия цель в жертву средствам?»

Пример Англии тем более поразителен, что это нация свободная, просвещенная, хорошо управляемая и что все ее бедствия происходят единственно оттого, что она последовала *ложному* экономическому направлению» (I, p. IX^[2]). У Сисмонди Англия вообще играет роль устрашающего примера для континента, — точь-в-точь так, как у наших романтиков, воображающих, что они дают нечто новое, а не самый старый хлам. «Обращая внимание моих читателей на Англию, я хотел показать... историю нашего собственного будущего, если мы будем продолжать поступать по тем принципам, которым она следовала» (I, p. XVI).

«... Государства континента считают нужным следовать Англии в ее мануфактурной карьере» (II, 330). «Нет зрелища более поразительного, более ужасающего, чем то, которое представляет Англия» (II, 332)^[3].

«Не надо забывать, что богатство есть лишь то, что представляет (n'est que la représentation) приятности и удобства жизни» (на место буржуазного богатства здесь уже поставлено богатство вообще!), «и создавать искусственное богатство, осуждая нацию на все то, что на деле представляет бедность и страдания, это значит принимать название вещи за ее сущность» (prendre le mot pour la chose) (I, 379).

«... Пока нации следовали лишь указаниям (велениям, indications) природы и пользовались их преимуществами, доставляемыми климатом, почвой, расположением, обладанием сырыми материалами, они не ставили себя в *неестественное положение* (une position forcée), они не искали *кажущегося богатства* (une opulence apparente), которое превращается для массы народа в реальную нищету» (I, 411). Буржуазное богатство есть только кажущееся!! «Опасно для нации закрывать свои двери от внешней торговли: нацию принуждают этим, так сказать (en quelque sorte), к *ложной деятельности*, которая поведет к ее гибели» (I, 448)^[4].

«... В заработной плате есть необходимая часть, которая должна поддерживать жизнь, силу и здоровье тех, кто ее получает... Горе тому правительству, которое затронет эту часть, — оно приносит в жертву все (il sacrifie tout ensemble) — и людей, и надежду на будущее богатство... Это различие дает нам понять, насколько является ложной политика тех правительств, которые низвели рабочие классы к заработной плате в обрез, необходимой для увеличения чистых доходов фабрикантов, купцов и собственников» (II, 169)^[5].

«Пришло наконец время спросить: куда идем?» (où l'on veut aller) (II, 328).

«Разделение их (именно класса собственников и трудящихся), противоположность их интересов есть следствие современной искусственной организации, которую мы дали человеческому обществу... Естественный порядок социального прогресса вовсе не стремился отделить людей от вещей или богатство от труда; в деревне — собственник мог бы оставаться земледельцем; в городе — капиталист мог бы оставаться ремесленником (artisan); отделение трудящегося класса от праздного класса вовсе не было существенно необходимо для существования общества или для производства; мы ввели его для наибольшей выгоды всех; от нас зависит (il nous appartient) регулировать его, чтобы на самом деле достичь этой выгоды» (II, 348).

«Ставя таким образом производителей в оппозицию друг с другом (т. е. хозяев к рабочим), их заставили идти путем, диаметрально противоположным интересам общества... В этой постоянной борьбе за понижение заработной платы интерес социальный, в котором, однако, каждый участвует, всеми забывается» (II, 359—360). И перед этим тоже воспоминание о завещанных историей путях: «В начале общественной жизни *каждый человек владеет капиталом*, посредством которого он прилагает свой труд, и почти все ремесленники живут доходом, который складывается одинаково из прибыли и заработной платы» (II, 359)^[6].

Кажется, довольно... Можно быть уверенным, что читатель, не знакомый ни с Сисмонди, ни с г. Н. — оном, затруднится сказать, у которого из двух романтиков, под чертой или над чертой, точка зрения примитивнее и наивнее.

Вполне соответствуют этому и практические пожелания Сисмонди, которым он уделил так много места в своих «Nouveaux Principes».

Наше отличие от [А. Смита](#), говорит Сисмонди в 1-й же книге своего сочинения, состоит в том, что «мы почти всегда призываем то самое вмешательство правительства, которое А. Смит отвергал» (I, 52). «Государство не исправляет распределения...» (I, 80). «Законодатель мог бы обеспечить бедняку некоторые гарантии против всеобщей конкуренции» (I, 81). «Производство должно соразмеряться с социальным доходом, и те, кто поощряет к безграничному производству, не заботясь о том, чтобы узнать этот доход, толкают нацию к гибели, думая открыть ей путь к богатству» (le chemin des richesses) (I, 82). «Когда прогресс богатства постепенен (gradué), когда он соразмерен сам с собой, когда ни одна из его частей не развивается непомерно быстро, тогда он распространяет всеобщее благосостояние... Может быть, обязанность правительств состоит в том, чтобы замедлять (ralentir!!) это движение, для того чтобы регулировать его» (I, 409—410).

О том громадном историческом значении, которое имеет развитие производительных сил общества, совершающееся именно этим путем противоречий и непропорциональностей, Сисмонди не имеет ни малейшего представления!

«Если правительство оказывает на стремление к богатству действие регулирующее и умеряющее, — оно может быть бесконечно благотворительным» (I, 413). «Некоторые регламентации торговли, осужденные ныне всеобщим мнением, если они и заслуживают осуждения в качестве поощрений промышленности, могут быть оправданы, может быть, как узда» (I, 415).

Уже в этих рассуждениях Сисмонди видна его поразительная историческая бестактность: он не имеет ни малейшей идеи о том, что в освобождении от средневековых регламентаций состоял весь исторический смысл того периода, современником которого он был. Он не чувствует, что его рассуждения — вода на мельницу тогдашних защитников ancien régime'a^[7], которые были еще так сильны даже во Франции, не говоря о других государствах западноевропейского континента, где они господствовали^[8].

Итак, исходная точка практических пожеланий Сисмонди — опека, задержка, регламентация.

Такая точка зрения вполне естественно и неизбежно вытекает из всего круга идей Сисмонди. Он жил как раз в то время, когда крупная машинная индустрия делала первые свои шаги на континенте Европы, когда начиналось то крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не «капитализма» вообще)^[9], преобразование, которое принято называть в экономической науке industrial revolution (промышленная революция). Вот как характеризует ее один из первых экономистов, сумевших оценить всю глубину переворота, создавшего на место патриархальных полусредневековых обществ современные европейские общества:

«... История английского промышленного развития в последние 60 лет (писано в 1844 году) не имеет ничего равного себе в летописях человечества. 60—80 лет тому назад Англия была страной, похожей на всякую другую, с маленькими городами, с незначительной и простой промышленностью, с редким, но относительно значительным земледельческим населением. Теперь это — страна, непохожая ни на какую другую, с столицей в 2½ миллиона жителей; с крупными промышленными городами; с индустрией, которая доставляет продукты всему миру и производит почти все посредством чрезвычайно сложных машин; с предприимчивым, интеллигентным, густым населением, две трети которого заняты в промышленности и торговле и состоят из совершенно различных классов; это население с другими обычаями, другими нуждами составляет, на самом деле, совершенно другую нацию сравнительно с Англией того времени. Промышленная революция имеет такое же значение для Англии, как политическая революция — для Франции, как философская революция — для Германии. И различие между Англией 1760 года и Англией 1844 года, по меньшей мере, так же велико, как между Францией при ancien régime и Францией июльской революции»^[10].

Это была полнейшая «ломка» всех старых, укоренившихся отношений, экономическим базисом которых было мелкое производство. Понятно, что Сисмонди со своей реакционной, мелкобуржуазной точки зрения не мог понять значения этой «ломки». Понятно, что он прежде всего и больше всего желал, приглашал, взывал, требовал «прекратить ломку»^[11].

Каким же образом «прекратить ломку»? Прежде всего, разумеется, поддержкой народного... то бишь «патриархального производства», крестьянства и мелкого земледелия вообще. Сисмонди посвящает целую главу (II. VII, ch. VIII) тому, «как правительство должно защищать население от последствий конкуренции».

«По отношению к земледельческому населению общая задача правительства состоит в том, чтобы обеспечить работникам (à ceux qui travaillent) часть собственности, или в том, чтобы поддерживать (favoriser) то, что мы назвали патриархальным земледелием предпочтительно перед всяким другим» (II, 340).

«Статут Елизаветы, который не был соблюден, запрещает строить в Англии сельскую хижину (*cottage*) иначе, как на условии наделить ее землей в размере четырех акров. Если бы этот закон был исполнен, ни один брак не мог бы быть заключен между поденщиками без того, чтобы они не получили свою *cottage*, и ни один *cottage* не был бы доведен до последней степени нищеты. Это уже было бы шагом вперед (с'est quelque chose), но этого еще недостаточно; в климате Англии крестьянское население жило бы в нужде с 4 акрами на семью. Теперь коттеджи в Англии имеют, большей частью, лишь 1½—2 акра земли, за которые они платят довольно высокую аренду... Следовало бы обязать законом... помещика, когда он разделяет свое поле между многими *cottagers*, давать каждому достаточное количество земли, чтобы он мог жить» (II, 342—343)^[12]. Читатель видит, что пожелания романтизма совершенно *однородны* с пожеланиями и программами народников: они построены точно так же на игнорировании *действительного* экономического развития и на бессмысленной подстановке в эпоху крупной машинной индустрии, бешеной конкуренции и борьбы интересов — условий, воспроизводящих патриархальные условия седой старины.

1. ↑ мелкого буржуа. *Ред.*
2. ↑ I, стр. IX. *Ред.*
3. ↑ Чтобы показать наглядно отношение *европейского* романтизма к русскому, мы будем приводить под чертой цитаты из [Г-на Н. —она](#). «Мы не пожелали воспользоваться уроками, преподанными нам хозяйственным ходом развития Западной Европы. Нас до такой степени поразил блеск развития капитализма в Англии и так поражает неизмеримо быстрее происходящее развитие капитализма в Американских Штатах» и т. д. (323). — Как видите, даже выражения г-на Н. —она не блещут новизной! Его «поражает» то же самое, что «поражало» в начале века Сисмонди.
4. ↑

«... Неверен тот хозяйственный путь, которым мы шли за последние 30 лет» (281)... «Мы слишком долго отождествляли интересы капитализма с интересами народнохозяйственными — заблуждение крайне губительное... Видимые результаты покровительства промышленности... до такой степени нас омрачили, что мы совсем упустили из виду народно-общественную сторону... мы упустили из виду, на счет чего такое развитие происходит, мы забыли и о цели какого бы то ни было производства» (298) — кроме капиталистического!

«Пренебрежительное отношение к собственному прошлому... насаждение капитализма...» (283)... «Мы... употребили все средства для насаждения капитализма...» (323) «... Мы проглядели...» (*ibid.*).
5. ↑ «... Мы не воспрепятствовали развитию капиталистических форм производства, несмотря на то, что они основаны на экспроприации крестьянства» (323).
6. ↑ «Вместо того, чтобы твердо держаться наших вековых традиций; вместо того, чтобы развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственным производителем... вместо того, чтобы увеличить производительность его (*крестьянства*) труда сосредоточением средств производства в его руках... вместо всего этого мы стали на путь *совершенно противоположный*» (322—323). «Мы приняли развитие капитализма за развитие всего народного производства... мы *проглядели*, что развитие одного... может произойти исключительно на счет другого» (323). Курсив наш.
7. ↑ старого строя. *Ред.*
8. ↑ Эфруси усмотрел в этих сожалениях и вожделениях Сисмонди «гражданское мужество» (№ 7, стр. 139). Высказывание сентиментальных пожеланий требует гражданского мужества!! Загляните хоть в любой гимназический учебник истории, вы прочтете там, что западноевропейские государства 1-ой четверти XIX в. были организованы по тому типу, который наука государственного права обозначает термином: *Polizeistaat* (полицейское государство. *Ред.*). Вы прочтете там, что историческая задача не только этой, но и следующей четверти века состояла именно в борьбе против него. Вы поймете тогда, что точка зрения Сисмонди так и отдает тупостью мелкого французского крестьянина времен реставрации; что Сисмонди представляет пример сочетания мелкобуржуазного сентиментального романтизма с феноменальной гражданской незрелостью.
9. ↑ Капитализм датирует в Англии не с конца XVIII века, а со времен несравненно более ранних.
10. ↑ [Engels](#). «Die Lage der arbeitenden Klasse in England».
11. ↑ Г-н Н. —он, смеем надеяться, не посетует на нас за то, что мы заимствуем у него (с. 345) это выражение, которое представляется нам в высшей степени удачным и характерным.
12. ↑ «Держаться наших вековых традиций; (это ли не патриотизм?)... развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственными производителями, унаследованный нами...» (г. Н. —он, 322). «Мы свернули с пути, которым шли в продолжение многих веков; мы стали устранять производство, основанное на тесной связи непосредственного производителя со средствами производства, на тесной связи земледелия и обрабатывающей промышленности, и положили в основание своей хозяйственной политики принцип развития производства капиталистического, основанного

на экспроприации непосредственных производителей от средств производства, со всеми сопровождающими его бедствиями, которыми теперь страдает Западная Европа» (281). Пусть читатель сравнит с этим вышеуказанный взгляд самих «западноевропейцев» на эти «бедствия, от которых страдает» и т. д. «Принцип... наделение крестьян землей или... доставление самим производителям орудий труда» (с. 2)... «вековые народные устои» (75)... «В этих цифрах (именно цифрах, показывающих, „как велик минимум того количества земли, какое требуется при существующих хозяйственных условиях, для материального обеспечения сельского населения“) мы имеем, следовательно, один из элементов решения хозяйственного вопроса, но только именно *один* из элементов» (65). Западноевропейские романтики, как видите, не менее русских любили искать в «вековых традициях» «санкции» народного производства.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_II/IV&oldid=599101](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_II/IV&oldid=599101)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава II/V

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава II](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [IV. Практические пожелания романтизма](#) **К характеристике экономического романтизма** — Глава II., V. Реакционный характер романтизма автор *В. И. Ленин* [VI. Вопрос о пошлинах на хлеб в Англии в оценке романтизма и научной теории](#) →

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 233—248

V. Реакционный характер романтизма

Разумеется, [Сисмонди](#) не мог не сознавать того, *как* идет действительное развитие. Поэтому, требуя «поощрения мелкого земледелия» (II, 355), он прямо говорит, что следовало бы «дать сельскому хозяйству направление, диаметрально противоположное тому, которым оно идет теперь в Англии» (II, 354—355)^[1].

«Англия имеет, к счастью, средство сделать многое для своих сельских бедняков, разделив между ними свои громадные общинные земли (*ses immenses communaux*)... Если бы ее общинные земли были разделены на свободные участки (*en propriétés franches*) от 20 до 30 акров, то они (англичане) увидели бы, как возродится тот независимый и гордый класс поселян, то *yeomanry*, о полном почти уничтожении которого они жалеют в настоящее время» (II, 357—358).

«Планы» романтизма изображаются очень легко осуществимыми — именно благодаря тому игнорированию реальных интересов, которое составляет сущность романтизма. «Подобное предложение (раздать земли мелкими участками поденщикам, возложив на землевладельцев обязанность попечения о последних) возмутит, вероятно, крупных землевладельцев, которые в настоящее время одни пользуются в Англии законодательной властью; но, тем не менее, оно справедливо... Крупные землевладельцы одни только имеют надобность в поденщиках; они их создали — пусть они их и содержат» (II, 357).

Читая такие наивности, писанные в начале века, не удивляешься: «теория» романтизма оказывается в соответствии с тем примитивным состоянием капитализма вообще, которое обуславливало столь примитивную точку зрения. Фактическое развитие капитализма— теоретическое понимание его — точка зрения на капитализм, между всем этим в то время существовало еще соответствие, и Сисмонди, во всяком случае, представляется писателем цельным и верным самому себе.

«Мы указали уже, — говорит Сисмонди, — какое покровительство находил некогда этот класс (именно класс ремесленников) в учреждении цехов и корпораций (*des jurandes et des maîtrises*)... Речь идет не о том, чтобы восстановить их странную и притеснительную организацию... Но законодатель должен поставить себе целью поднять вознаграждение за промышленный труд, вывести наемных рабочих из того неустойчивого (*précaire*) положения, в котором они живут, и, наконец, облегчить им возможность приобрести то, что они называют *положением*^[2] (*un état*)... Теперь рабочие рождаются и умирают рабочими, тогда как прежде положение рабочего было лишь приготовлением, первой ступенью к более высшему положению. Вот эту-то возможность повышаться (*cette faculté progressive*) и важно восстановить. Нужно сделать так, чтобы хозяева имели интерес переводить своих рабочих в более высшее положение; чтобы человек, нанимающийся в мануфактуру, начинал действительно с работы за простую наемную плату, но чтобы он всегда имел впереди надежду, при добром поведении, получить часть в прибылях предприятия» (II, 344—345).

Трудно рельефнее выразить точку зрения мелкого буржуа! Цехи — идеал Сисмонди, и его оговорка насчет нежелательности восстановления их имеет, очевидно, лишь тот смысл, что следует взять принцип, идею цеха (точно так же, как народники хотят брать принцип, идею общины, а не современный фискальный союз, называемый общиной) и отбросить его средневековые уродливости. Нелепость плана Сисмонди состоит не в том, что он защищал целиком цехи, хотел восстановить их целиком — этой задачи он не ставил. Нелепость заключается в том, что он берет за образец *союз*, возникший из узких, примитивных потребностей в объединении местных ремесленников, а хочет приложить эту мерку, этот образец к капиталистическому обществу, в котором объединяющим, обобществляющим элементом является крупная машинная индустрия, ломающая средневековые перегородки, стирающая местные, земляческие и профессиональные различия. Сознывая необходимость союза, объединения вообще, в той или другой форме, романтик берет за образец союз, удовлетворявший узким потребностям в объединении в патриархальном, неподвижном обществе, и хочет прикладывать его к обществу, совершенно преобразованному — с подвижным населением, с обобществлением труда не в пределах какой-нибудь общины или какой-нибудь корпорации, а в пределах всего государства и даже вне пределов одного государства^[3].

Вот эта-то ошибка и дает романтику совершенно заслуженную им квалификацию *реакционера*, причем под этим термином разумеется не желание восстановить просто-напросто средневековые учреждения, а именно попытка мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно не соответствующих изменившимся экономическим условиям порядках и традициях.

Этого обстоятельства абсолютно не понял Эфруси. Характеристика теории Сисмонди, как реакционной, была понята им именно в грубом, вульгарном смысле. Эфруси смутился... Как же так, рассуждал он, какой же Сисмонди реакционер, когда он говорит ведь прямо, что вовсе не хочет восстановить цехи? И Эфруси решил, что такое «обвинение» Сисмонди «в ретроградстве» несправедливо; что Сисмонди, напротив, смотрел «правильным образом на цеховую организацию» и «вполне оценил ее историческое значение» (№ 7, стр. 147), как это, дескать, выяснено историческими исследованиями таких-то и таких-то профессоров о хороших сторонах цеховой организации.

Quasi-ученые^[4] писатели обладают нередко поразительной способностью из-за деревьев не видеть леса! Точка зрения Сисмонди на цехи характерна и важна именно потому, что он связывает с ними свои практические пожелания^[5]. Именно поэтому с его учением и связана характеристика *реакционного*. А Эфруси принимается, ни к селу ни к городу, толковать о новейших исторических сочинениях о цехах!

Результатом этих неуместных и quasi-ученых рассуждений явилось то, что Эфруси обошел как раз суть вопроса: справедливо или несправедливо характеризовать доктрину Сисмонди реакционной? Он просмотрел именно то, что является самым главным, — *точку зрения* Сисмонди. «Меня выставляли, — говорил Сисмонди, — в политической экономии врагом общественного прогресса, партизаном учреждений варварских и принудительных. Нет, я не хочу того, что уже было, но я хочу чего-нибудь лучшего по сравнению с современным. Я не могу судить о настоящем иначе, как сравнивая его с прошлым, и я далек от желания восстанавливать старые развалины, когда я доказываю посредством них вечные нужды общества» (II, 433). *Желания* у романтиков весьма хорошие (как и у народников). Сознание противоречий капитализма ставит их выше слепых оптимистов, отрицающих эти противоречия, и реакционером признают Сисмонди вовсе не за то, что он хотел вернуться к средним векам, а именно за то, что в своих практических пожеланиях он «сравнивал настоящее с прошлым», а не с будущим, именно за то, что он «доказывал вечные нужды общества»^[6] посредством «развалин», а не посредством тенденций новейшего развития. Вот этой-то мелкобуржуазной точки зрения Сисмонди, выделяющей его резко от других писателей, которые тоже доказывали и одновременно с ним, и после него «вечные нужды общества», и не сумел понять Эфруси.

В этой ошибке Эфруси сказались это же узкое понимание терминов «мелкобуржуазная», «реакционная» доктрина, о котором мы говорили выше по поводу первого термина. Эти термины вовсе не указывают на эгоистические вожелания мелкого лавочника или на желание остановить общественное развитие, вернуться назад: они говорят лишь об *ошибочности* точки зрения данного писателя, об ограниченности его понимания и кругозора, вызывающего выбор таких средств (для достижения весьма хорошей цели), которые на практике не могут быть действительны, которые могут удовлетворить лишь мелкого производителя или сослужить службу защитникам старины. Сисмонди, напр., вовсе не фанатик мелкой *собственности*. Он понимает необходимость объединения, союза ничуть не менее, чем наши современные народники. Он выражает пожелание, чтобы «половина прибыли» в промышленных предприятиях «распределялась между ассоциированными рабочими» (II, 346). Он высказывается прямо за «систему ассоциации», при которой бы все «успехи производства шли на пользу тому, кто занят им» (II, 438). Говоря об отношении своего учения к известным в то время учениям *Оуэна*, *Фурье*, Томпсона, Мюирона (Muiron), Сисмонди заявляет: «Я желал бы так же, как они, чтобы осуществилась ассоциация между теми, кто производит сообща данный продукт, вместо того, чтобы ставить их в оппозицию друг с другом. Но я не думаю, чтобы те средства, которые они предложили для этой цели, могли когда-нибудь привести к ней» (II, 365).

Различие между Сисмонди и этими писателями состоит именно в точке зрения. Поэтому вполне естественно, что Эфруси, не понявший этой точки зрения, совершенно неверно изобразил отношение Сисмонди к этим писателям.

«Если Сисмонди оказал на своих современников слишком слабое влияние, — читаем мы в *»Русск. Богатстве" № 8, с. 57, —* если предлагавшиеся им социальные реформы не получили осуществления, то это объясняется главным образом тем, что он значительно опередил свою эпоху. Он писал в то время, когда буржуазия праздновала свой медовый месяц... Понятно, что при таких условиях голос человека, требовавшего социальных реформ, должен был оставаться гласом вопиющего в пустыне. Но ведь мы знаем, что и потомство относилось к нему не многим лучше. Это объясняется, быть может, тем, что Сисмонди является, как мы уже сказали выше, писателем переходной эпохи; хотя он и желает крупных изменений, он тем не менее не может вполне отрешиться от старого. Умеренным людям он казался поэтому слишком радикальным, а на взгляд представителей более крайних направлений он был слишком умеренным».

Во-первых, говорить, что Сисмонди предлагаемыми им реформами «опередил эпоху» — значит абсолютно не понять самой сути доктрины Сисмонди, который сам говорит про себя, что он сравнивал настоящее с прошлым. Требовалась бесконечная близорукость (или бесконечное пристрастие к романтизму), чтобы просмотреть общий дух и общее значение теории Сисмонди из-за того только, что Сисмонди сочувствовал фабричному законодательству^[7] и т. п.

Во-вторых, Эфруси полагает, таким образом, что различие между Сисмонди и другими писателями состоит лишь в *степени решительности* предлагавшихся реформ: они шли дальше, а он не вполне отрешился от старого.

Не в этом дело. Различие между Сисмонди и этими писателями лежит гораздо глубже — вовсе не в том, что одни шли дальше, другие были робки^[8], а в том, что *самый характер* реформ представлялся им с двух *диаметрально противоположных* точек

зрения. Сисмонди доказывал «вечные нужды общества», и эти писатели доказывали тоже вечные нужды общества. Сисмонди был утопистом, основывал свои пожелания на абстрактной идее, а не на реальных интересах, — и эти писатели были утопистами, основывали свои планы тоже на абстрактной идее. Но именно *характер* их планов совершенно различен вследствие того, что на новейшее экономическое развитие, поставившее вопрос о «вечных нуждах», они смотрели с *диаметрально противоположных* точек зрения. Указанные писатели предвосхищали будущее, гениально угадывали тенденции той «ломки», которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия. Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно *опережали* это развитие. Сисмонди же поворачивался к этому развитию *задом*; его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; он смотрел не вперед, а назад, мечтая «прекратить ломку», — ту самую «ломку», *из которой* выводили свои утопии указанные писатели^[9]. Вот почему утопия Сисмонди признается — и совершенно справедливо — реакционной. Основание такой характеристики заключается, повторяем еще раз, *только в том*, что Сисмонди не понимал прогрессивного значения той «ломки» старых, полусредневековых, патриархальных общественных отношений западноевропейских государств, которую с конца прошлого века начала проделывать крупная машинная индустрия.

Эта специфическая точка зрения Сисмонди проглядывает даже среди его рассуждений об «ассоциации» вообще. «Я желаю, — говорит он, — чтобы собственность на мануфактуры (la propriété des manufactures) была разделена между большим числом средних капиталистов, а не соединялась в руках одного человека, владеющего многими миллионами...» (II, 365). Еще рельефнее точка зрения мелкого буржуа сказалась в такой тираде: «Нужно устранить не класс бедных, а класс поденщиков; их следует вернуть в класс собственников» (II, 308). «*Вернуть*» в класс собственников — в этих словах вся суть доктрины Сисмонди!

Разумеется, Сисмонди должен был сам чувствовать неосуществимость своих благо-пожеланий, чувствовать резкий диссонанс между ними и современной рознью интересов. «Задача соединить снова интересы тех, кто участвует вместе в одном и том же производстве (qui concourent à la même production)... без сомнения, трудна, но я не думаю, чтобы эта трудность была так велика, как предполагают» (II, 450)^[10]. Сознание этого несоответствия своих пожеланий и чаяний с условиями действительности и их развитием вызывает, естественно, стремление доказать, что «еще не поздно» «вернуться» и т. п. Романтик пытается опереться на *неразвитость* противоречий современного строя, на *отсталость* страны. «Народы завоевали систему свободы, в которую мы вступили (речь шла о падении феодализма); но в то время, когда они разрушили ярмо, которое они так долго носили, трудящиеся классы (les hommes de peine — представители труда) не были лишены всякой собственности. В деревне они в качестве половников, чиншевиков (sensitaires), арендаторов владели землей (ils se trouvèrent associés à la propriété du sol). В городах в качестве членов корпораций, ремесленных союзов (métiers), образованных ими для взаимной защиты, они были самостоятельными промышленниками (ils se trouvèrent associés à la propriété de leur industrie). Только в наши дни, только в самое последнее время (c'est dans ce moment même) прогресс богатства и конкуренция ломает все эти ассоциации. Но эта ломка (révolution) еще наполовину не закончена» (II, 437).

«Правда, только одна нация находится теперь в этом неестественном положении; только в одной нации мы видим этот постоянный контраст мнимого богатства (richesse apparente) и ужасной нищеты десятой доли населения, вынужденной жить на счет общественной благотворительности. Но эта нация, столь достойная подражания в других отношениях, столь ослепительная даже в своих ошибках, соблазнила своим примером всех государственных людей континента. И если эти размышления не смогут уже принести пользы ей, то я окажу, по крайней мере, думаю, мне, услугу человечеству и моим соотечественникам, показывая опасности того пути, по которому она идет, и доказывая ее собственным опытом, что основывать политическую экономию на принципе неограниченной конкуренции — это значит приносить в жертву интерес человечества одновременному действию всех личных страстей» (II, 368)^[11]. Так заканчивает Сисмонди свои «Nouveaux Principes».

Общее значение Сисмонди и его теории сформулировал отчетливо [Маркс](#) в следующем отзыве, дающем сначала очерк тех условий западноевропейской экономической жизни, которые породили такую теорию (и притом породили именно в ту эпоху, когда капитализм только еще начинал создавать там крупную машинную индустрию), а затем и оценку ее^[12].

«Средневековое мещанство и сословие мелких крестьян были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношениях, класс этот до сих пор еще прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалось — и как дополнительная часть капиталистического общества постоянно вновь образуется — буржуазное среднее сословие (которое колеблется между пролетариатом и буржуазией). Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают даже предвидеть приближение того момента, когда, с развитием крупной промышленности, они совершенно исчезнут, как самостоятельная часть современного общества, и в торговле, мануфактуре и земледелии заменятся надзирателями и наемными служащими.

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата, прикладывали к капиталистическим условиям мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возникло мелкобуржуазное социальное учение. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но даже и в Англии.

Это учение прекрасно умело подметить противоречия современных условий производства. Оно разоблало лицемерный оптимизм экономистов. Оно указало на разрушительное действие машинного производства и разделения труда, на концентрацию капиталов и поземельной собственности, на излишнее производство и кризисы, на неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства, на нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие несправедливости в распределении

богатства, на разорительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей^[13].

Положительная сторона требований этого направления заключается или в восстановлении старых способов производства и обмена, а вместе с ними старых имущественных отношений и старого общественного строя; или же оно стремится насильственно удержать современные способы производства и обмена в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях оно является реакционным и утопическим одновременно.

Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются последним его словом^{[14][15]}.

Справедливость этой характеристики мы старались показать при разборе каждого отдельного члена в доктрине Сисмонди. Теперь же отметим лишь курьезный прием, употребленный здесь Эфруси в завершение всех промахов в его изложении, критике и оценке романтизма. Читатель помнит, что в самом начале своей статьи (в № 7 «Р. Б—ва») Эфруси заявил, что причисление Сисмонди к реакционерам и утопистам «несправедливо» и «неправильно» (I. с, стр. 138). Чтобы доказать такой тезис, Эфруси, во-первых, ухитрился обойти полным молчанием самое главное, именно связь *точки зрения* Сисмонди с положением и интересами особого класса капиталистического общества, мелких производителей; во-вторых, при разборе отдельных положений теории Сисмонди, Эфруси частью представлял его отношение к новейшей теории в совершенно неправильном свете, как мы это показали выше, частью же просто игнорировал новейшую теорию, защищая Сисмонди ссылками на немецких ученых, которые «не ушли дальше» Сисмонди; в-третьих, наконец, Эфруси пожелал резюмировать оценку Сисмонди таким образом: «Наш (!) взгляд на значение Симонда де Сисмонди, — говорит он, — мы можем (!) резюмировать в следующих словах» одного немецкого экономиста («Р. Б.» № 8, стр. 57), и дальше цитируется отмеченный выше отрывок, т. е. *только частичка* характеристики, данной этим экономистом, причем отброшена именно та часть, где выясняется связь теории Сисмонди с особым классом новейшего общества, и та часть, где окончательный вывод гласит о реакционности и утопизме Сисмонди! Мало этого. Эфруси не ограничился тем, что выхватил *частичку* отзыва, не дающую никакого понятия о *целом* отзыве, и, таким образом, представил в совершенно неверном свете отношение этого экономиста к Сисмонди. Он пожелал еще прикрасить Сисмонди, как будто бы оставаясь лишь передатчиком взглядов того же экономиста.

«Прибавим к этому, — говорит Эфруси, — что по некоторым теоретическим воззрениям Сисмонди является предшественником самых выдающихся новейших экономистов^[16]: вспомним его взгляды на доход с капитала, на кризис, его классификацию национального дохода и т. д.» (ibid.). Таким образом, вместо того, чтобы *прибавить* к указанию заслуг Сисмонди немецким экономистом указание того же экономиста на мелкобуржуазную точку зрения Сисмонди, на реакционный характер его утопии, — Эфруси *прибавляет* к числу заслуг Сисмонди *именно те части его учения* (вроде «классификации национального дохода»), в которых, по отзыву все того же экономиста, *нет ни одного научного слова*.

Нам возражат: Эфруси может вовсе не разделять того мнения, что объяснения экономических доктрин следует искать в экономической действительности; он может быть глубоко убежденным в том, что теория [А. Вагнера](#) о «классификации национального дохода» есть теория «самая выдающаяся». — Охотно верим. Но какое же право имел он кокетничать с той теорией, о которой гг. народники так любят говорить, что они с ней «согласны», тогда как на деле он не понял абсолютно отношения этой теории к Сисмонди и сделал все возможное (и даже невозможное), чтобы представить это отношение в совершенно неверном виде?

Мы не стали бы уделять так много места этому вопросу, если бы дело касалось одного только Эфруси — писателя, имя которого встречается в народнической литературе едва ли не впервые. Нам важна вовсе не личность Эфруси и даже не его воззрения, а *отношение народников к разделяемой якобы ими теории знаменитого немецкого экономиста вообще*. Эфруси совсем не представляет из себя какого-либо исключения. Напротив, его пример вполне типичен, и, чтобы доказать это, мы и проводили везде параллель между точкой зрения и теорией Сисмонди и точкой зрения и теорией [г-на Н. — она](#)^[17]. Аналогия оказалась полнейшая: и теоретические воззрения, и точка зрения на капитализм и характер практических выводов и пожеланий оказались у обоих писателей *однородными*. А так как воззрения г-на Н. — она могут быть названы последним словом народничества, то мы вправе сделать тот вывод, что *экономическое учение народников есть лишь русская разновидность общеевропейского романтизма*.

Понятно само собой, что исторические и экономические особенности России, с одной стороны, и ее несравненно большая отсталость, с другой стороны, вызывают особенно крупные отличия народничества. Но эти отличия не выходят, однако, за пределы отличий видовых и потому не изменяют *однородности* народничества и мелкобуржуазного романтизма.

Может быть, самым выдающимся и наиболее обращающим на себя внимание отличием является стремление экономистов-народников прикрыть свой романтизм заявлением «согласия» с новейшей теорией и возможно более частыми *ссылками* на нее, хотя эта теория резко отрицательно относится к романтизму и выросла в жестокой борьбе со всеми разновидностями мелкобуржуазных учений.

Разбор теории Сисмонди представляет особенный интерес именно потому, что дает возможность разобрать *общие приемы* такого переодеванья.

Мы видели, что *и романтизм, и новейшая теория указывают на одни и те же* противоречия современного общественного хозяйства. Этим и пользуются народники, *ссылающиеся* на то, что новейшая теория признает противоречия, проявляющиеся в

кризисах, в поисках внешнего рынка, в росте производства при понижении потребления, в таможенном покровительстве, во вредном действии машинной индустрии, и т. д., и т. д. И народники совершенно правы: новейшая теория действительно признает все эти противоречия, которые признавал и романтизм. Но спрашивается, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается научный анализ этих противоречий, сводящий их к различным интересам, вырастающим на почве данного строя хозяйства, от утилизации этих указаний на противоречия лишь для добрых пожеланий? — Нет, ни у одного народника мы не найдем разбора этого вопроса, характеризующего именно отличие новейшей теории от романтизма. Народники утилизируют свои указания на противоречия точно так же лишь для добрых пожеланий.

Спрашивается далее, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается сентиментальная критика капитализма от научной, диалектической его критики? — Ни один не поставил этого вопроса, характеризующего второе важнейшее отличие новейшей теории от романтизма. Ни один не считал нужным ставить критерием своих теорий именно данное развитие общественно-хозяйственных отношений (а в применении этого критерия и состоит основное отличие научной критики).

Спрашивается, наконец, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается точка зрения романтизма, идеализирующая мелкое производство и оплакивающая «ломку» его устоев «капитализмом», — от точки зрения новейшей теории, которая считает исходным пунктом своих построений крупное капиталистическое производство посредством машин и объявляет прогрессивным явлением эту «ломку устоев»? (Мы употребляем это общепринятое народническое выражение, рельефно характеризующее тот процесс преобразования общественных отношений под влиянием крупной машинной индустрии, который *везде*, а не в России только, происходил в поражающей общественную мысль крутой и резкой форме.) — Опять-таки нет. Ни один народник не задавался этим вопросом, ни один не пытался приложить к русской «ломке» тех мерок, которые заставили признать западноевропейскую «ломку» прогрессивной, и все они плачут об устоях и рекомендуют прекратить ломку, уверяя сквозь слезы, что это-то и есть «новейшая теория»...

Сличение их «теории», которую они выставляли новым и самостоятельным решением вопроса о капитализме, на основании последних слов западноевропейской науки и жизни, с теорией Сисмонди показывает наглядно, к какому примитивному периоду развития капитализма и развития общественной мысли относится возникновение такой теории. Но суть дела не в том, что эта теория стара. Мало ли есть очень старых европейских теорий, которые были бы весьма новы для России! Суть дела в том, что и *тогда, когда эта теория появилась, она была теорией мелкобуржуазной и реакционной.*

-
1. ↑ Сравните народническую программу «гащить историю по другой линии» г. [В. В.](#) Ср. у [Волгина](#), I с. (locо citato — в цитированном месте. *Ред.*), стр. 181.
 2. ↑ Курсив автора.
 3. ↑ Совершенно аналогична ошибка народников по отношению к другому союзу (*общине*), который удовлетворял узким потребностям объединения местных крестьян, связанных единством землевладения, выгона и т. п. (а главное единством помещичьей и чиновничьей власти), но совершенно не отвечает потребностям товарного хозяйства и капитализма, ломающего все местные, сословные, разрядные перегородки и вносящего глубокую экономическую рознь интересов *внутри* общины. Потребность в союзе, в объединении в капиталистическом обществе не ослабела, а, напротив, неизмеримо возросла. Но брать старую мерку для удовлетворения этой потребности нового общества совершенно нелепо. Это новое общество требует уже, во-первых, чтобы союз не был местным, сословным, разрядным; во-вторых, чтобы его исходным пунктом было то различие положения и интересов, которое создано капитализмом и разложением крестьянства. Местный же, сословный союз, связывающий вместе крестьян, резко различающихся по своему экономическому положению и по своим интересам, становится теперь, в силу своей *обязательности, вредным* и для самих крестьян, и для всего общественного развития.
 4. ↑ Мнимоученые. *Ред.*
 5. ↑ См. выше, хотя бы заглавие той главы, из которой мы приводили рассуждения о цехах (приводимые и Эффруси: с. 147).
 6. ↑ То обстоятельство, что он доказывал существование этих нужд, ставит его, повторяем, неизмеримо выше узких буржуазных экономистов.
 7. ↑ Да и в этом вопросе Сисмонди не «опередил» эпоху, ибо одобрял лишь то, что уже осуществлялось в Англии, не умея понять связь этих преобразований с крупной машинной индустрией и ее прогрессивной исторической работой.
 8. ↑ Мы не хотим сказать, что в этом отношении между указанными писателями нет различия, но оно *не объясняет дела* и неправильно представляет отношение Сисмонди к другим писателям: выходит, будто они стояли на одинаковой точке зрения, различаясь лишь решительностью и последовательностью выводов. Не в том дело, что Сисмонди «шел» *не так далеко*, а в том, что он «шел» назад, а указанные писатели «шли» *вперед*.
 9. ↑ «Роберт Оуэн, — говорит [Маркс](#), — отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок, — который, однако, вовсе не разделял иллюзий своих преемников насчет значения (Tragweite) этих изолированных элементов преобразования, — не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически объявлял ее исходным пунктом „социального переворота“».
 10. ↑ «Задача, которую предстоит решить русскому обществу, с каждым днем усложняется. С каждым днем захваты капитализма становятся обширнее...» (*ibid.*).
 11. ↑ «Русскому обществу предстоит решение великой задачи, крайне трудной, но не невозможной — развить производительные силы населения в такой форме, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народ» ([Н.—он](#), 343).

12. ↑ Ср. цитаты в «Р. Б.» № 8, стр. 57, а также «Р. Б—во» № 6, стр. 94, в статье г-на Н. —она.
13. ↑ Этот отрывок приводит Эфруси в № 8 »Р. Б—ва" на стр. 57 (от последней красной строки).
14. ↑ Ср. «Р. Б—во», указанная статья, 1894 г., № 6, с. 88. Г-н Н. —он делает в переводе этого отрывка две неточности и один пропуск. Вместо «мелкобуржуазный» и «мелкокрестьянский» он переводит «узко мещанский» и «узко крестьянский». Вместо «дело рабочих» он переводит «дело народа», хотя в оригинале стоит *der Arbeiter*. Слова: «необходимо должны были разбить» (*gesprengt werden mußten*) он пропускает.
15. ↑ Маркс, Энгельс. «Манифест коммунистической партии». *Ред.*
16. ↑ Вроде Адольфа Вагнера? *К. Т.*
17. ↑ Другой народнический экономист, г. В. В., совершенно солидарен с г. Н. —оном по указанным выше важнейшим вопросам и отличается лишь еще более примитивной точкой зрения.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_II/V&oldid=601362](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_II/V&oldid=601362)»

К характеристике экономического романтизма (Ленин)/Глава II/VI

Материал из Википедии — свободной библиотеки

< [К характеристике экономического романтизма \(Ленин\)](#) | [Глава II](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

← [V. Реакционный характер романтизма](#)

К характеристике экономического романтизма — Глава II., VI. Вопрос о пошлинах на хлеб в Англии в оценке романтизма и научной теории
автор [В. И. Ленин](#)

Опубл.: в апреле — июле 1897 г. в журнале «Новое Слово» №№ 7—10 Подпись: К. Т— н. Источник: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. — издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 2. 1895 ~ 1897. — С. 248—262

VI. Вопрос о пошлинах на хлеб в Англии в оценке романтизма и научной теории

Сравнение теории романтизма о главных пунктах современной экономии с новейшей теорией мы дополним сравнением их суждения об одном *практическом* вопросе. Интерес такого сравнения усиливается тем, что этот практический вопрос представляет один из самых крупных, принципиальных вопросов капитализма, с одной стороны; с другой стороны, тем, что по этому вопросу высказались оба наиболее видных представителя этих враждебных теорий.

Мы говорим о *хлебных законах* в Англии и об отмене их. Вопрос этот глубоко интересовал во второй четверти текущего столетия экономистов не только английских, но и континентальных: все понимали, что это вовсе не частный вопрос таможенной политики, а общий вопрос о свободе торговли, о свободе конкуренции, о «судьбе капитализма». Речь шла именно о том, чтобы увенчать здание капитализма полным проведением свободы конкуренции, о том, чтобы расчистить дорогу для завершения той «ломки», которую начала прodelьвать в Англии крупная машинная индустрия с конца прошлого века, о том, чтобы устранить препятствия, задерживающие эту «ломку» в *земледелии*. Именно *так* и взглянули на этот вопрос оба континентальных экономиста, о которых мы собираемся говорить.

[Сисмонди](#) вставил во второе издание своих «Nouveaux Principes» особую главу «о законах относительно торговли хлебом» (I, III, ch. X).

Он констатирует прежде всего жгучий характер вопроса: «Половина английского народа требует в настоящее время отмены хлебных законов, требует с глубоким раздражением против тех, кто их поддерживает; а другая половина требует сохранения их, испуская крики негодования против тех, кто хочет их отменить» (I, 251).

Разбирая вопрос, Сисмонди указывает, что интересы английских фермеров требуют пошлины на хлеб для обеспечения им *remunerating price* (выгодной или безубыточной цены). Интересы же мануфактуристов требуют отмены хлебных законов, ибо мануфактуры не могут существовать без внешних рынков, а дальнейшее развитие английского вывоза задерживалось законами, стесняющими ввоз: «Мануфактуристы говорили, что переполнение рынка, которое они встречают на местах сбыта, есть результат тех же хлебных законов, — что богатые люди континента не могут покупать их товаров, так как они не находят сбыта своему хлебу» (I, 254)^[1].

«Открытие рынков иностранному хлебу разорит; вероятно, английских землевладельцев и уронит до несравненно более низкой цены арендную плату. Это — большое бедствие, без сомнения, но это не было бы; несправедливостью» (I, 254). И Сисмонди принимается наивнейшим образом доказывать, что доход землевладельцев должен соответствовать услуге (sic!^[2]), которую они оказывают «обществу» (капиталистическому?) и т. д. «Фермеры, — продолжает Сисмонди, — вынут свой капитал — отчасти, по крайней мере, — из земледелия».

В этом рассуждении Сисмонди (а он этим рассуждением и удовлетворяется) сказывается основной порок романтизма, не обращающего достаточно внимания на тот процесс экономического развития, который имеет место в действительности. Мы видели, что Сисмонди сам указал на постепенное развитие и рост фермерства в Англии. Но он торопится перейти к осуждению этого процесса вместо того, чтобы изучать его причины. Только этой торопливостью, желанием навязать истории свои невинные пожелания и можно объяснить то обстоятельство, что Сисмонди просматривает общую тенденцию развития капитализма в земледелии и неизбежное *ускорение этого процесса* при отмене хлебных законов, т. е. капиталистический прогресс земледелия вместо упадка, который пророчит Сисмонди.

Но Сисмонди верен себе. Как только он подошел к противоречию этого капиталистического процесса, так немедленно он обращается к наивному «опровержению» его, стремясь во что бы то ни стало доказать ошибочность того пути, которым идет «английское отечество».

«Что будет делать поденщик?.. Работа прекратится, поля превращены будут в пастбища... Что станется с 540 000 семей, которым будет отказано в работе?»^[3] Предположив даже, что они будут годны ко всякой промышленной работе, имеется ли в настоящее время такая индустрия, которая была бы в состоянии принять их?.. Найдется ли такое правительство, которое бы добровольно решилось подвергнуть половину нации, им управляемой, подобному кризису?.. Те, кому принесут, таким образом, в жертву земледельцев, извлекут ли сами какую-либо пользу из этого? Ведь эти земледельцы — самые близкие и самые надежные потребители английских мануфактур. Прекращение их потребления нанесло бы индустрии более губительный удар, чем закрытие одного из самых крупных заграничных рынков» (255—256). Выступает на сцену пресловутое «сокращение внутреннего рынка». «Сколько потеряют мануфактуры от прекращения потребления всего класса английских земледельцев, который составляет почти половину нации? Сколько потеряют мануфактуры от прекращения потребления богатых людей, землевладельческие доходы которых будут почти уничтожены?» (267). Романтик из кожи лезет, доказывая фабрикантам, что противоречия, свойственные развитию их производства и их богатства, выражают лишь их ошибку, их нерасчетливость. И чтобы «убедить» фабрикантов в «опасности» капитализма, Сисмонди подробно рисует грозящую конкуренцию польского и русского хлеба (р. 257—261). Он пускает в ход всяческие аргументы, хочет повлиять даже на самолюбие англичан. «Что станется с честью Англии, если русский император будет в состоянии, лишь только пожелает получить от нее какую-нибудь уступку, уморить ее с голоду, заперев порты Балтийского моря?» (268). Вспомните, читатель, как Сисмонди доказывал ошибочность «апологии власти денег» тем, что при продажах легко бывают обманы... Сисмонди хочет «опровергнуть» теоретических толмачей фермерства, указывая, что богатые фермеры не могут выдержать конкуренции жалких крестьян (цит. выше), и в конце концов приходит-таки к своему любимому выводу, убежденный, видимо, что он доказал «ошибочность» того пути, которым идет «английское отечество». «Пример Англии показывает нам, что эта практика (развитие денежного хозяйства, которому Сисмонди противопоставляет *l'habitude de se fournir soi-même*, „жизнь трудами рук своих“) не лишена опасности» (263). «Самая система хозяйства (именно фермерство) дурна, основывается на опасном базисе, и ее-то следует постараться изменить» (266).

Конкретный вопрос, вызванный столкновением определенных интересов в определенной системе хозяйства, потоплен, таким образом, в потоке невинных пожеланий! Но вопрос был поставлен самими заинтересованными сторонами так резко, что ограничиться подобным «решением» (как ограничивается им романтизм относительно всех других вопросов) было уже совершенно невозможно.

«Что же делать, однако, — спрашивает в отчаянии Сисмонди, — открыть ли порты Англии или запереть их? осудить ли на голод и смертность мануфактурных или сельских рабочих Англии? Поистине, вопрос ужасный; положение, в котором находится английское министерство, — одно из самых шекотливых, в котором только могли оказаться государственные люди» (260). И Сисмонди паки и паки возвращается к «общему выводу» об «опасности» системы фермерства, об «опасности подчинять все земледелие системе спекуляции». Но «каким образом можно в Англии принять такие меры — серьезные, но в то же время постепенные, которые бы подняли значение (*remettraient en honneur*) мелких ферм, когда половина нации, занятая в мануфактурах, страдает от голода, а требуемые ею меры угрожают голодом другой половине нации, занятой в земледелии, — я не знаю. Я считаю необходимым подвергнуть законы о торговле хлебом значительным изменениям; но я советую тем, кто требует полной отмены их, тщательно исследовать следующие вопросы» (267), — следуют старые жалобы и опасения насчет упадка земледелия, сокращения внутреннего рынка и т. п.

Таким образом, при первом же столкновении с действительностью, романтизм потерпел полное фиаско. Он принужден был сам себе выдать *testimonium paupertatis*^[4] и самолично расписаться в его получении. Вспомните, как легко и просто «разрешал» романтизм все вопросы в «теории»! Протекционизм — неразумен, капитализм — губительное заблуждение, путь Англии — ошибочен и опасен, производство должно идти в ногу с потреблением, промышленность и торговля — в ногу с земледелием, машины выгодны лишь тогда, когда ведут к повышению платы или сокращению рабочего дня, средства производства не следует отделять от производителей, обмен не должен опережать производство, не должен вести к спекуляции и т. д., и т. д. Каждое противоречие романтизм заткнул соответствующей сентиментальной фразой, на каждый вопрос ответил соответствующим невинным пожеланием и наклеивание этих ярлычков на все факты текущей жизни называл «решением» вопросов. Неудивительно, что эти решения были так умилительно просты и легки: они игнорировали лишь одно маленькое обстоятельство — те реальные интересы, в конфликте которых и состояло противоречие. И когда развитие этого противоречия поставило романтика лицом к лицу перед одним из таких особенно сильных конфликтов, каковым была борьба партий в Англии, предшествовавшая отмене хлебных законов, — наш романтик совсем потерялся. Он прекрасно чувствовал себя в тумане мечтаний и добрых пожеланий, он так мастерски сочинял сентенции, подходящие к «обществу» вообще (но не подходящие ни к какому исторически определенному строю общества), — а когда попал из своего мира фантазий в водоворот действительной жизни и борьбы интересов, — у него не оказалось в руках даже критерия для разрешения конкретных вопросов. Привычка к отвлеченным построениям и абстрактным решениям свела вопрос к голой формуле: какое население следует разорить, земледельческое или мануфактурное? — И романтик не мог, конечно, не заключить, что никакого не следует разорять, что нужно «свернуть с пути»... но реальные противоречия обступили его уже так плотно, что не пускают его подняться опять в туман добрых пожеланий, и романтик вынужден *дать ответ*. Сисмонди дал даже целых два ответа: первый — «я не знаю»; второй — «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться»^[5].

противоположность романтизму, заявлявшему, что «политическая экономия не наука расчета, а наука морали», он поставил исходным пунктом своего изложения именно простой трезвый *подсчет интересов*. Вместо того, чтобы взглянуть на вопрос о хлебных законах как на вопрос «системы», избираемой нацией, или как на вопрос законодательства (так смотрел Сисмонди), оратор начал с того, что представил этот вопрос столкновением интересов фабрикантов и землевладельцев и показал, каким образом английские фабриканты пытались выставить вопрос общенародным делом, пытались уверить рабочих в том, что они действуют в интересах народного блага. В противоположность романтику, излагавшему вопрос в форме соображений, которые должен иметь в виду законодатель при осуществлении реформы, — оратор свел вопрос к столкновению реальных интересов различных классов английского общества. Он показал необходимость удешевления сырых материалов для фабрикантов, как основание всего вопроса. Он охарактеризовал недоверчивое отношение английских рабочих, видевших «в людях, полных самоотвержения, в каком-нибудь Боуринге (Bowring), Брайте (Bright) и их сотоварищах — своих величайших врагов».

«Фабриканты строят с большими издержками дворцы, в которых [Anti-Corn-Law-League \(лига против хлебных законов\)](#) устраивает в некотором роде свою резиденцию, они рассылают во все пункты Англии целую армию апостолов для проповеди религии свободной торговли. Они печатают в тысячах экземпляров брошюры и раздают их даром, чтобы просветить работника насчет его собственных интересов. Они тратят громадные суммы, чтобы привлечь на свою сторону прессу. Чтобы руководить фритредерским движением, они организуют величественный административный аппарат и на публичных митингах развертывают все дары своего красноречия. На одном из таких митингов один рабочий воскликнул: „Если бы землевладельцы продавали наши кости, то вы, фабриканты, первые купили бы их, чтобы отправить на паровую мельницу и сделать из них муку!“. Английские работники прекрасно поняли значение борьбы между землевладельцами и фабрикантами. Они прекрасно знают, что цену хлеба хотят понизить для того, чтобы понизить заработную плату, и что прибыль на капитал поднимется на столько же, на сколько упадет рента».

Таким образом, уже самая *постановка вопроса* дается совсем иначе, чем у Сисмонди. Задачей ставится, во-1-х, объяснить отношение к вопросу различных классов английского общества с точки зрения их интересов; во-2-х, осветить значение реформы в общей эволюции английского общественного хозяйства.

По этому последнему пункту взгляды оратора сходятся с взглядами Сисмонди в том отношении, что он точно так же видит тут не частный, а *общий вопрос* о развитии капитализма вообще, о «свободной торговле» как системе. «Отмена хлебных законов в Англии была величайшим триумфом, которого добилась свободная торговля в XIX веке». «С отменой хлебных законов свободная конкуренция, современный строй общественного хозяйства доводится до своего крайнего развития»^[7]. Данный вопрос представляется, следовательно, для этих авторов вопросом о том, *следует ли желать дальнейшего развития капитализма* или же задержки его, поисков «иных путей» и т. п. И мы знаем, что утвердительный ответ их на этот вопрос был именно решением общего принципиального вопроса о «судьбах капитализма», а не частного вопроса о хлебных законах в Англии, ибо установленная здесь точка зрения применялась и гораздо позже по отношению к другим государствам. Авторы держались таких воззрений в 1840-х годах и относительно Германии, и относительно Америки^[8], объявляя прогрессивность свободной конкуренции для этой страны; по отношению к Германии еще в 60-х годах один из них писал, что она страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма.

Возвратимся к излагаемой речи. Мы указали на принципиально иную точку зрения оратора, сведшего вопрос к интересам различных классов английского общества. Такое же глубокое различие видим мы и в постановке им чисто теоретического вопроса о значении отмены хлебных законов в общественном хозяйстве. Для него это не абстрактный вопрос о том, какой *системе* должна следовать Англия, какой путь ей избрать (как ставит вопрос Сисмонди, забывая о том, что у Англии есть прошлое и настоящее, которые уже определяют этот путь). Нет, он ставит вопрос сразу на почве *данного общественно-хозяйственного строя*; *он спрашивает себя, каков должен быть следующий шаг в развитии этого строя после отмены хлебных законов*.

Трудность этого вопроса состояла в определении того, как повлияет отмена хлебных законов на *земледелие*, — ибо относительно промышленности влияние это было для всех ясно.

Чтобы доказать пользу такой отмены и для земледелия, Anti-Corn-Law-League назначила премии за три лучших сочинения о благотворном влиянии уничтожения хлебных законов на английское земледелие. Оратор излагает вкратце взгляды всех трех лауреатов, Гопа (Hore), Морза (Morse) и Грега (Greg), и сразу выделяет последнего, сочинение которого наиболее научно, наиболее строго проводит принципы, установленные классической политической экономией.

Грег, сам крупный фабрикант, писавший преимущественно для крупных фермеров, доказывает, что отмена хлебных законов вытолкнет из земледелия мелких фермеров, которые обратятся к индустрии, но послужит к выгоде крупных фермеров, которые получат возможность снимать землю на более долгие сроки, вкладывать в землю больше капитала, употреблять больше машин, обходясь меньшим количеством труда, который должен подешеветь с удешевлением хлеба. Землевладельцам же придется довольствоваться более низкой рентой, вследствие изъятия из обработки земель худшего качества, неспособных выдержать конкуренции дешевого привозного хлеба.

Оратор оказался вполне прав, признав наиболее научными это предсказание и открытую защиту капитализма в земледелии. История оправдала предсказание. "Отмена хлебных законов дала английскому земледелию громадный толчок. . . Абсолютное уменьшение сельского рабочего населения шло рука об руку с расширением обработанной площади, с интенсификацией культуры, с неслыханным накоплением капитала, вкладываемого в землю и посвящаемого ее обработке, с увеличением земельного продукта, не имеющим параллели в истории английской агрономии, с увеличением ренты землевладельцев, с

ростом богатства капиталистических арендаторов... Основным условием новых методов была большая затрата капитала на акр земли, а следовательно, ускоренная концентрация ферм»^[9].

Но оратор не ограничился, разумеется, этим признанием наибольшей правильности рассуждений Грега. Это рассуждение было в устах Грега доводом фритредера, толкующего об английском земледелии вообще, стремящегося доказать общую выгоду для нации от отмены хлебных законов. После изложенного нами выше ясно, что не таков был взгляд оратора.

Он разъяснил, что понижение цены хлеба, столь прославляемое фритредерами, означает неминуемое сокращение заработной платы, удешевление товара «труд» (точнее: рабочей силы); что удешевление хлеба никогда не в состоянии будет уравновесить для рабочего это понижение платы, во-первых, потому, что при понижении цены хлеба работнику труднее будет сделать сбережение на употреблении хлеба, с целью доставить себе возможность купить другие предметы; во-вторых, потому, что прогресс индустрии удешевляет предметы потребления, заменяя пиво водкой, хлеб — картофелем, шерсть и лен — хлопчатой бумагой, понижая всем этим уровень потребностей и жизни работника.

Таким образом, мы видим, что оратор устанавливает элементы вопроса, *по-видимому*, так же, как и Сисмонди: он *тоже* признает неизбежным последствием свободной торговли разорение мелких фермеров, нищету рабочих в промышленности и в земледелии. Наши народники, отличающиеся также неподражаемым искусством «цитировать», вот тут-то и останавливают обыкновенно свои «выписки», заявляя с полным удовлетворением, что они вполне «согласны». Но такие приемы показывают лишь, что они не понимают, во-первых, громадных различий в постановке вопроса, на которые мы указали выше; что они просматривают, во-вторых, то обстоятельство, что коренное отличие новой теории от романтизма *тут только и начинается*: романтик поворачивает от конкретных вопросов действительного развития к мечтаниям, реалист же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса.

Указав на предстоящее улучшение положения рабочих, оратор продолжал:

«Экономисты возразят нам на это:

Ну, хорошо, мы согласны, что конкуренция между работниками, которая, наверное, не уменьшится при господстве свободной торговли, очень скоро приведет заработную плату в соответствие с более низкой ценой товаров. Но, с другой стороны, понижение цены товаров поведет к большему потреблению; большее потребление потребует усиленного производства, которое повлечет за собою усиление спроса на рабочую силу; результатом этого усиления спроса на рабочую силу будет повышение заработных плат.

Вся эта аргументация сводится к следующему: *свободная торговля увеличивает производительные силы*. Если промышленность возрастает, если богатство, производительные силы, одним словом, производительный капитал повышает спрос на труд, то цена труда, а след., и заработная плата повышаются. *Возрастание капитала является обстоятельством, наиболее благоприятным для рабочего*. *С этим необходимо согласиться*^[10]. Если капитал останется неподвижным, то промышленность не останется неподвижной, а станет падать, и работник в этом случае окажется первой жертвой ее падения. Работник погибнет раньше капиталиста. Ну, а в том случае, когда капитал возрастает, то есть, как уже сказано, в *лучшем* для работника случае, какова будет его судьба? Он точно так же погибнет...». И оратор подробно объяснил, пользуясь данными английских экономистов, как концентрация капитала усиливает разделение труда, удешевляющее рабочую силу, благодаря замене искусного труда простым, как машины вытесняют рабочих, как крупный капитал разоряет мелких промышленников и мелких рантье и ведет к усилению кризисов, увеличивающих еще более число безработных. Вывод из его анализа был тот, что свобода торговли означает не что иное, как свободу развития капитала.

Итак, оратор сумел найти критерий для разрешения вопроса, приводящего на первый взгляд к той же безвыходной дилемме, перед которой остановился Сисмонди: и свободная торговля, и задержка ее одинаково ведут к разорению рабочих. *Критерий этот — развитие производительных сил*. Постановка вопроса на историческую почву сразу проявила себя: вместо сравнения капитализма с каким-то абстрактным обществом, каковым оно должно быть (т. е. в сущности с утопией), автор сравнил его с *предшествовавшими стадиями общественного хозяйства*, сравнил разные стадии капитализма в их последовательной смене и *констатировал факт развития производительных сил общества, благодаря развитию капитализма*. Отнесшись к аргументации фритредеров с научной критикой, он сумел избежать обычной ошибки романтиков, которые, отрицая за ней всякое значение, «выплескивают из ванны вместе с водой и ребенка», сумел выделить ее здоровое зерно, т. е. не подлежащий сомнению факт гигантского технического прогресса. Наши народники с свойственным им остроумием заключили бы, конечно, что этот автор, становящийся так открыто *на сторону крупного капитала против мелкого производителя*, — «апологет власти денег», тем более, что он говорил перед лицом континентальной Европы, что он распространял выводы из английской жизни и на свою родину, в которой крупная машинная индустрия делала в то время свои первые, еще робкие шаги. А между тем именно на этом примере (как и на массе подобных примеров из западноевропейской истории) они могли бы изучить то явление, которого они никак не могут (может быть, не хотят?) понять, именно, что признание прогрессивности крупного капитала против мелкого производства очень и очень далеко еще от «апологии».

Достаточно вспомнить вышеизложенную главу из Сисмонди и данную речь, чтобы убедиться в превосходстве последней и в теоретическом отношении, и в отношении враждебности к какой бы то ни было «апологии». Оратор охарактеризовал противоречия, сопровождающие развитие крупного капитала, гораздо точнее, полнее, прямее, откровеннее, чем это делали когда-либо романтики. Но он нигде не опустился ни до одной сентиментальной фразы, оплакивающей это развитие. Он нигде не проронил ни словечка о какой бы то ни было возможности «свернуть с пути». Он понимал, что подобной фразой люди

прикрывают лишь то обстоятельство, что они сами «сворачивают» в сторону от вопроса, который ставит перед ними жизнь, т. е. данная экономическая действительность, данное экономическое развитие, данные, вырастающие на его почве, интересы.

Вышеуказанный, вполне научный, критерий дал ему возможность разрешить этот вопрос, оставаясь последовательным реалистом.

«Не думайте, однако, господа, — говорил оратор, — что, критикуя свободную торговлю, мы намерены защищать покровительственную систему». И оратор указал на одинаковое основание свободной торговли и протекционизма в современном строе общественного хозяйства, указал вкратце на тот процесс «ломки» старой хозяйственной жизни и старых полупатриархальных отношений в западноевропейских государствах, который совершал капитализм в Англии и на континенте, указал на тот общественный факт, что, при известных условиях, свободная торговля *ускоряет* эту «ломку»^[11]. «И вот, господа, — заключил оратор, — только в этом смысле и подаю я свой голос за свободу торговли».

1. ↑ Как ни односторонне это объяснение английских фабрикантов, игнорирующих более глубокие причины кризисов и неизбежность их при слабом расширении рынка, но в нем есть, несомненно, вполне справедливая мысль, что реализация продукта сбытом за границу требует, *в общем и целом*, соответствующего привоза из-за границы. — Рекомендуем это указание английских фабрикантов к сведению тех экономистов, которые от вопроса о реализации продукта в капиталистическом обществе отделяются глубокомысленным замечанием: «сбудут за границу».
2. ↑ так!! *Ред.*
3. ↑ Сисмонди для „доказательства“ негодности капитализма сочиняет сейчас же примерный расчет (которые так любит, напр., наш русский романтик **Г. В. В.**). 600 000 семей, говорит он, заняты в земледелии. При замене полей пастбищами „потребуется“ не больше одной десятой этого числа. . . Чем меньше понимания процесса во всем его сложности обнаруживает писатель, тем охотнее прибегает он к детским расчетам „на глаз“.
4. ↑ свидетельство о бедности. *Ред.*
5. ↑ ироническое выражение из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» и «Похороны». *Ред.*
6. ↑ «Discours sur le libre échange» («Речь о свободе торговли». *Ред.*). Мы пользуемся немецким переводом: «Rede über die Frage des Freihandels».
7. ↑ «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (1845). Это сочинение писано с совершенно такой же точки зрения до отмены хлебных законов (1846), тогда как излагаемая в тексте речь относится к периоду после их отмены. По различие во времени не имеет для нас значения: достаточно сравнить вышеприведенные рассуждения Сисмонди, относящиеся к 1827-му году, с этой речью 1848 года, чтобы видеть полное тождество *элементов вопроса* у обоих авторов. Самая идея сравнить Сисмонди с позднейшим немецким экономистом заимствована нами из «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», V. V, Art. «Sismondi» von *Lippert*, Seite 679. Параллель оказалась представляющей такой животрепещущий интерес, что изложение г. Липперта сразу потеряло всю свою деревянность. . . то бишь «объективность» и стало интересным, живым и даже страстным.
8. ↑ Ср. в «*Neue Zeit*» открытые недавно статьи Маркса в «Westphälisches Dampfboot».
9. ↑ Писано в 1867 г.. — Что касается до увеличения ренты, то для объяснения этого явления надо принять во внимание закон, установленный новейшим анализом дифференциальной ренты, именно, что *повышение ренты возможно наряду с понижением цены хлеба*. «Когда английские хлебные пошлины были отменены в 1846 г., то английские фабриканты думали, что они превратили этим землевладельческую аристократию в пауперов. Вместо этого она стала еще богаче, чем была когда-либо прежде. Как это случилось? Очень просто. Во-первых, от фермеров стали требовать по контракту, чтобы они вкладывали по 12 фунтов стерлингов вместо 8 ф. стерл. на акр в год, а во-2-х, землевладельцы, имея очень много представителей в нижней палате, добились себе крупной государственной субсидии для дренирования своих земель и для других прочных улучшений. Так как полного вытеснения даже самой худшей земли нигде не было, а случилось — самое большее — лишь употребление ее для других целей, да и то в большинстве случаев только временное, — то ренты поднялись пропорционально увеличенным вложениям капитала в землю, и землевладельческая аристократия оказалась еще в лучших условиях, чем прежде» («Das Kapital», III, 2, 259 («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 259. *Ред.*)).
10. ↑ Курсив наш.
11. ↑ На это прогрессивное значение отмены хлебных законов указывал ясно и автор «Die Lage» *еще до этой отмены* (I. с. р. 179), подчеркивая особенно влияние ее на самосознание производителей.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_\(Ленин\)/Глава_II/VI&oldid=601363](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=К_характеристике_экономического_романтизма_(Ленин)/Глава_II/VI&oldid=601363)